

S R. Minstlov
С. Р. МИНЦЛОВЪ

Orlinyi Vzlet
ОРЛИНЫЙ ВЗЛЕТЪ

Историческій романъ

Удостоенъ награды на литературномъ конкурсѣ въ честь
Витовта Великаго.

Съ портретомъ автора

и 12 оригинальными рисунками художника А. Апсита.

РИГА

Ксенія Дмитріевна и Сергій Рудольфовичъ **МИНЦЛОВЫ**
въ рабочемъ кабинетѣ писателя въ Ригѣ.

Всѣ права сохранены за авторомъ
Alle Rechte vorbehalten

Печатано въ типографіи „STAR“, Латвія, Рига, Ключевая 33

82/6
m667
ole

PG 3467

M 72 075

1931

MAIN

*Вѣрной спутницѣ моей жизни,
женѣ и другу Ксеніи Дмитріевнѣ
Минцловой посвящаетъ эту книгу.*

Авторъ.

M

M286255

Глава I.

уда ни глянь съ ласточкинаго взлета — вездѣ веселые, курчавые лѣса и лѣса; зеленые просторы ихъ необозримы; будто прибой моря шумятъ тысячелѣтніе дубы и липы, пронизанные лучами солнца; узорною вязью выются синія, темныя, либо ослѣпительно-стальные рѣки; серебряными щитами

блестятъ безчисленныя озера, а надъ всѣмъ этимъ по голубой безднѣ чуть движется ледоходъ изъ сверкающихъ облаковъ.

Теплынь, аромат! Дышатъ цвѣты, гудятъ пчелы, звенятъ тысячи птицъ... На полянкѣ, закинувъ вѣтвистые рога на спину, полузакрывъ глаза, млѣетъ на солнцепекѣ могучій, пѣгій олень.

Изъ-за поворота одной изъ неширокихъ, но полноводныхъ рѣкъ, быстро вынеслась по теченію и отразилась въ водѣ большая темная лодка съ вооруженными людьми въ бѣлыхъ войлочныхъ колпакахъ и холщевыхъ кафтанахъ, сидѣвшими вдоль бортовъ; на носу ея помѣщался человекъ, видомъ и ухватками очень походившій на большую, согнувшуюся обезьяну; вглядѣвшись можно было сказать, что это невысокій, но очень широкій въ плечахъ татаринъ съ безборо-

дымъ темнымъ лицомъ, до того покрытымъ морщинами, что оно всегда казалось улыбающимся; выдвинулся высокій, изогнутый, какъ лебединая шея, носъ второй ладьи, разубранной вдоль бортовъ полоса желтой, красной и зеленой ткани; носъ и корму украшала затѣйная, разноцвѣтная рѣзьба; мѣсто подъ плотнянымъ навѣсомъ занимали четыре женщины съдобородый дородный бояринъ въ дорожномъ сѣромъ кафтанѣ, съ короткой золотой цѣпью на груди шапка его изъ легкаго мѣха норки золотилась рядомъ съ нимъ; на мягкомъ полавочникѣ на днѣ лодки, у ногъ женщинъ помѣщалось двое молодыхъ людей въ нѣсколько лучшихъ одеждахъ, чѣмъ остальные воины.

— Смотрите, олени!.. сказалъ одинъ изъ нихъ, Юрій, съ длинными свѣтлыми волосами, спадавшими почти до плечъ; открытое, умное лицо его сразу располагало въ свою пользу. Другой — Андрей — былъ черноволосъ, съ бархатными широкими бровями и карими глазами; двѣ родинки темнѣли на запушившейся верхней губѣ и лѣвой щекѣ; легкая косина нѣсколько портила смѣлое и подвижное лицо его. Онъ приподнялся на колѣни и схватилъ лукъ, но животное было внѣ выстрѣла.

— Гдѣ, гдѣ?! раздались женскіе голоса.

Красавецъ-олень очнулся, насторожился, увидалъ людей, не торопясь поточилъ рога о дерево, будто вызывая всѣхъ на единоборство, и медленно скрылся за неохватными стволами деревьевъ.

За первыми двумя ладьями, на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой, выплыли еще три; въ каждой помѣщалось человекъ по двадцати съ копьями и луками; на кормахъ стояли, правя длинными веслами, статные молодцы - рулевые; гребцы не работали — теченіе было быстрое.

— А что, княгинюшка, не пора ли и объ отдыхѣ подумать?... проговорилъ бояринъ, обратившись къ еще очень моложавой женщинѣ, сидѣвшей между двумя дѣвушками. Черные глаза ея смотрѣли властно; чуть загорѣлое, густо румяное лицо, плотное и выра-

зительное, производило впечатлѣніе физическаго здоровья, твердости и настойчивости.

Княгиня глянула на солнце: оно уже перевалило далеко за полдень — было часа четыре.

— Что жъ, и впрямь время!.. отвѣтила она.

— Чего намъ торопиться?!.. подхватила самая младшая изъ дѣвушекъ — цвѣтущій, жизнерадостный подростокъ съ васильковыми глазами. — Мы, мамочка, въ горѣлки еще должны побѣгать — я всѣ ноги себѣ отсидѣла въ лодкѣ! И ты общала съ нами поиграть.

Княгиня улыбнулась.

— Ишь чего придумала?.. Развѣ такія старухи, какъ я, бѣгаютъ?..

Дѣвочка не дала ей договорить, обняла мать и принялась цѣловать ее.

— Мамочка, да какая же ты старуха?!.. восклицала она въ то же время.

— Ну, пошла, Сонька, пошла!.. сказала заторможенная княгиня и слегка оттолкнула дочь. — Няньку лучше разбуди свою, сейчасъ приставать будемъ!

Дѣвочка оставила мать и заглянула въ узкую коморку, находившуюся подъ палубой носа: тамъ на кучѣ дорожныхъ перинъ и подушекъ сладко спала, вся раскраснѣвшаяся и распарившаяся въ духотѣ, полнотѣлая старуха съ наполовину черной, наполовину сѣдой головой; около ногъ ея, словно свернувшаяся въ клубокъ собачка, приютился маленькій коренастый мальчикъ лѣтъ семи и храпѣлъ совсѣмъ не по-дѣтски.

— Няня, подымайся!!.. позвала Соня, перегнувшись къ ней. — Ужинать сейчасъ будемъ.

Старуха сѣла, истово провела по лицу руками,правила на себѣ головную темную повязку и хотѣла подняться, но ей мѣшалъ мальчикъ, продолжавшій спать крѣпчайшимъ образомъ. Она толкнула его бо-сой ногой.

— Да въ какую ты силу дрыхнешь-то?!.. изумилась она, будто сама бодрствовала все время. — Всѣхъ собакъ переспалъ, сурокъ чистый!

— Муха, вставать!!.. звонко закричала княжна, тербя его за плечо. — Баранину уже жарят!

Мальчикъ вскочилъ на ноги и проворною бѣлкой выбрался изъ коморки.

— А вотъ и неправда!!.. баскомъ возразилъ онъ, протеревъ глаза. — Обманула!

Мальчикъ оказался карликомъ; короткія, словно обрубленныя, ручки его, покрытыя крупными желваками изъ мускуловъ, и широкая не по росту грудь свидѣтельствовали, что владѣлецъ ихъ одаренъ незаурядною силой; на румянномъ лицѣ не имѣлось ни признака растительности, хотя всмотрѣвшись можно было дать ему лѣтъ за тридцать.

Бояринъ выбралъ удобную, широкую луговинку и по заунывному пѣву огромнаго рога ладьи одна за другой стали заворачивать носы противъ теченія и притыкаться къ отмели.

Княжна, а за нею карликъ, первыми выпрыгнули на песокъ: карликъ загоготалъ, перекувырнулся черезъ голову и заспѣшилъ въ перекачку на своихъ кривыхъ ногахъ обратно къ лѣстницѣ, которую спускали съ разукрашенной ладьи.

Первымъ слѣзъ бояринъ и, только испробовавъ прочность ступеней, допустилъ сходить княгиню.

По полянѣ разсыпались люди, закипѣла работа; одни вытягивали ладьи до половины на сушу, другіе стаскивали въ кучи огромные сучья для костровъ—тлѣющіе угли для нихъ возились въ тѣ времена съ собою въ горшкахъ; застучали топоры, лѣсъ огласился говоромъ и смѣхомъ. Для княгини и ея свиты разбивали шатры изъ толстаго бѣлаго войлока, непроницаемаго ни для дождя, ни для холода; для себя воины заготовляли шалаши, походившіе на громадныя зеленныя копны. Часть отряда отправилась на охоту и къ закату солнца вернулась, неся на копьяхъ, просунутыхъ между связанными ногами, двухъ порядочныхъ, клыкастыхъ кабановъ и нѣсколько дикихъ козъ.

Костры, почти не замѣтные днемъ, разгорѣлись ярче. А пока свѣжевали и вѣшали на крюки надъ огнемъ добычу, молодежь затѣяла игры — въ жмурки,

въ прятки, бѣгала въ перегонки — да мало ли утѣхъ у нея!

Княгиня и бояринъ сидѣли на подушкахъ около шатра и вели бесѣду о великомъ князѣ Кейстутѣ и о Витовтѣ, ея мужѣ.

— Ужъ навѣрное они воротились изъ Сѣверской земли теперь!... говорила Анна, посматривая на игравшихъ и на небо, яркими лиловыми и малиновыми пятнами сквозившее между дубами.

— Надо бы вернуться!.. согласился бояринъ. — Ждутъ, чай, не дождутся насъ въ Вильнѣ!..

Лицо княгини освѣтилось улыбкой.

— Вотъ и ужинъ поспѣлъ!.. промолвила она, увидавъ татарина; въ рукахъ онъ въ видѣ подноса держалъ отрѣзокъ дубовой доски, на которой дымящейся горой возвышался жареный окорокъ.

— Зови дѣтей, Махмутъ!... приказала княгиня; бояринъ вытащилъ изъ ноженъ висѣвшій у него на поясѣ ножъ и сталъ кромсать мясо на большіе куски.

— Чичасъ, мама - князь, чичасъ!.. сипло отвѣтилъ татаринъ и съ легкостью, которую такъ же трудно было ожидать отъ него, какъ и отъ хорошаго пня, пустился къ игравшимъ чисто волчьей ходой.

Первымъ прибѣжалъ къ костру, несмотря на кривыя ноги, карликъ и съ радостнымъ смѣхомъ схватилъ жирный кусокъ изъ рукъ самой княгини: карликъ и татаринъ были ея любимцами, обоихъ она получила въ приданое еще въ Смоленскѣ, откуда была родомъ; татаринъ былъ не только слугой ея, но и нянькой, съ великимъ терпѣніемъ и неустанной заботой вынянчившій ее самое.

Съ шумомъ и гамомъ молодежь размѣстилась вокругъ княгини и принялась за уничтоженіе ужина.

Краски неба погасли; начало темнѣть, костры пылали багровымъ пламенемъ; сказкой вѣяло отъ безпросвѣтнаго лѣса, отъ красныхъ движущихся отблесковъ на ближайшихъ къ огню деревьяхъ, на бѣлыхъ шатрахъ и на холмахъ изъ вѣтокъ.

Небо высилось блѣдносинее, чистое... кое гдѣ его

обметали мелкія звѣздочки. Чуть поодаль раздавала негромкая пѣсенка.

— Уленька, сыграй намъ что-нибудь?.. проговорила княгиня.

Карликъ сорвался съ мѣста и бросился въ пѣтеръ; оттуда слышалось брянчанье всей пѣтерней по струнамъ канкписа — инструмента похожаго на цитру. Черезъ минуту карликъ выскочилъ, держа его надъ головой и подтанцовывая, съ низкимъ поклономъ поднесъ его Улѣ. Та гулко стукнула Муху канклисомъ по головѣ, и карликъ повалился навзничь, будто убитый.

Всѣ засмѣялись.

Отъ шатра отдѣлилась бѣлая движущаяся гора — это заботливый татаринъ приволокъ теплыя верхнія одежды для всѣхъ.

Прозвенѣли струны.

Свѣтлая, какъ весенняя ночь, печаль овѣяла слушателей; души ихъ унесли Богъ вѣсть куда. А сумерки кругомъ жили своей жизнью — со всѣхъ сторонъ заливались соловьи; тысячи ихъ рокотали въ кустахъ надъ задымленной рѣкой, въ орѣшникѣ, на всякой прогалинкѣ. По небу, серебря міръ, плылъ полный мѣсяцъ. Гдѣ то далеко трубили журавли и лебеди, гоготали гуси. Ночь томила и нѣжила, звала и влекла куда то...

Княгиня наконецъ опомнилась и оглянулась: никого кромѣ боярина около нея уже не было, между ними сиротѣлъ на травѣ брошенный канклисъ; по опушкѣ медленно шли, склонясь другъ къ другу, двое людей въ бѣлыхъ длинныхъ одеждахъ; княгиня сразу узнала бѣлокурую Улю и что то нашептывавшаго ей чернокудраго Андрея; въ сторонѣ отъ нихъ взгляды княгини наткнулись на другую пару — ея собственную дочь и на Юрія; этотъ держался спокойно и прямо, а забѣлка Соня рвала цвѣты и со смѣхомъ бросала ими въ своего спутника.

— А гдѣ Фима? спросила княгиня.

— Въ шатрѣ спать... отозвался бояринъ.

— Ну, инъ и намъ пора!.. заслушались мы съ тобой соловьевъ!.. сказала она подымаясь. — Соня, Уля?!.. звонкій окликъ покатился въ даль.

— Соня?.. Уля?.. четко позвало далекое эхо.

— Иде - омъ!.. отвѣтили молодые голоса.

— Иде - омъ!.. важно подтвердило эхо.

Княгиня простилась съ бояриномъ и уже приподняла край полога, закрывавшаго входъ въ шатеръ, но почему то задержалась и оглянулась: прямо на нее, совсѣмъ низко надъ землей, летѣли три большія черныя птицы.

— Вороны!.. съ испугомъ выронила княгиня и даже, словно обороняясь, вытянула впередъ руки.

Зловѣщіе вѣстники пролетѣли надъ самымъ шатромъ и скрылись въ темной чашѣ.

— Вороны, ночью... это къ несчастью!!.. произнесла взволнованная княгиня.

— И, полно, матушка!.. Не по всякой примѣтѣ сбывается! Просто рысь спугнула гдѣ то здѣсь эту тройку...

По голосу боярина чувствовалось, что онъ тоже встревоженъ и только успокаиваетъ свою себя-сѣдницу.

— Нѣтъ, Семень Игнатьевичъ!.. возразила она. — Вороны по ночамъ, да еще по-трое сразу, не летаютъ! Быть большой бѣдѣ какой то.

— Иди - ка, княгинюшка, почивать!.. заявилъ бояринъ. — Утро вечера мудренѣе. Завтра, либо послѣзавтра, дома въ Вильнѣ будемъ.

Онъ впустилъ княгиню въ ея шатеръ, закрылъ пологъ, окинулъ взглядомъ небо, покачалъ головой и направился въ обходъ стана провѣрить на мѣстахъ ли стража. Одинъ изъ воиновъ, опершись на копье, алебастровой статуей недвижно высился на передней ладѣ. Сіялъ мѣсяцъ. Безчисленные соловьи гремѣли по всему міру.

Глава II.

Кто то осторожно, словно по натянутой кожѣ постучалъ по шатру чутко спавшаго боярина.

— Кто тамъ?.. окликнулъ онъ, приподнявъ голову отъ подушки.

— Я это, Лугвеній!.. отозвался знакомый голосъ: — выйди на время...

Бояринъ всталъ съ длинношерстой медвѣжьей шкуры, на которой спалъ и дома и въ походахъ, и вышелъ наружу.

Стояла еще ночь, но высь неба и мѣсяцъ уже слегка поблѣднѣли; дымились туманы; словно кучи лѣсныхъ муравьевъ проступали изъ нихъ шалаши; въ воздухѣ беззвучно носились, свѣтя глазами, совки.

У входа въ шатеръ дожидался чернобородый человекъ, одѣтый въ бараній тулупъ, съ копьемъ въ рукѣ.

— Что надо?.. спросилъ бояринъ.

— Да вотъ взгляни!.. отвѣтилъ Лугвеній и указалъ рукой куда то вверхъ и назадъ.

Семень Игнатьевичъ оглянулся: на небѣ кровавымъ пятномъ стояло зарево.

Въ ближайшемъ шалашѣ зашевелились и изъ него выбрались татаринъ и карликъ; изъ второго шатра вышли, разбуженные сдержаннымъ говоромъ, княгиня и старуха - нянька.

Увидавъ зарево, княгиня ахнула.

— Гдѣ бы это могло горѣть?.. произнесъ бояринъ.

— Гервять, должно быть... предположилъ Лугвеній.

— Гервять далеко въ сторонѣ!.. возразилъ карликъ, грѣя короткія ручки подъ собственными мышками. — Это Мелешкасъ скорѣе!..

Татаринъ мотнулъ головою.

— Никакой Мелешкасъ... заявилъ онъ: — Вильна горитъ!

Княгиня всплеснула руками и молча оглядѣла своихъ спутниковъ.

Татарину никто не возражалъ: старый степной волкъ, всю жизнь прорыскавшій по безпредѣльнымъ степямъ и лѣсамъ и выдавшій всякіе виды, въ такого рода дѣлахъ былъ непререкаемъ.

— Напали на Вильну, что ли? проговорила княгиня.

— Да кому же напасть? отозвался бояринъ. — Съ нѣмцами у насъ миръ, съ поляками и Москвой тоже... Городъ изъ-за неосторожности, должно быть, загорѣлся...

Долго всѣ смотрѣли на зарево и судили и рядили о причинѣ пожара; небо и лѣсная чаща уже совсѣмъ посвѣтлѣли, когда бояринъ сталъ отсылать всѣхъ спать.

— Близо заря!.. сказала княгиня: — надо бы плыть скорѣе дальше?

— Нѣтъ, княгинюшка!.. твердо возразилъ бояринъ: — торопиться не къ чему — пожаръ и безъ насъ уймется, а что сгорѣло — того, какъ ни спѣши, все равно не воротишь!

Въ станѣ опять наступило безмолвіе; недолгъ начала сиротливо чиликать, всегда одинокая, зарева птичка, и скоро лучи солнца взметнулись изъ-за края земли и, словно золотыя стрѣлки гигантскихъ часовъ, стали передвигаться по небу.

Завылъ рогъ, поляна опять ожила и усѣялась народомъ; жарче разгорѣлись костры, запахло жаренымъ мясомъ; одни умывались, другіе сносили въ ладьи пожитки; шатры исчезли въ нѣсколько минутъ, и скоро караванъ лодокъ въ прежнемъ порядкѣ поплылъ по быстрой рѣкѣ.

Открылся водный просторъ — въ ожерельѣ изъ камышей заголубѣло небольшое озеро. Лодки мелькнули изъ устья, какъ стрѣлы изъ луковъ, и тотчасъ же сразу убавили ходъ — теченіе въ озерѣ отсутствовало;

по зеркальной водѣ за судами лѣниво потянулись
угломъ расходившіяся морщины.

Гребцы взяли за весла; мѣрно застучали уключины, но шумъ ихъ тонулъ въ немолчномъ радостномъ гомонѣ птицъ; озеро было усѣяно ими; въ камышахъ шла возня и они шатались какъ отъ вѣтра.

Не пуганые никѣмъ утки подплывали почти къ самымъ лодкамъ и съ любопытствомъ поглядывали на нихъ; кругомъ ныряли и кувыркались чирки; важные гуси и лебеди держались нѣсколько поодаль; по топкимъ берегамъ на длинныхъ красныхъ ногахъ, словно ходячія вышки, шагали бѣлые аисты съ черными крыльями и сѣрыя цапли.

Черезъ узкій протокъ, заросшій листьями купавокъ, ладьи вошли во второе озеро, потомъ въ третье, показались покрытые брѣто снѣгомъ островки.

— Кабаны, кабаны!! звонко и радостно закричала Соня и захлопала въ ладоши.

Подъ правымъ берегомъ слышались плескъ и возня, и изъ тины стали подыматься и уставляться на людей огромныя свинныя рыла съ шевелящимися пяточками; раздалось утробное всхрюкиванье.

Татаринъ, ведшій караванъ и зорко слѣдившій за примѣтами пути, свернулъ къ островкамъ; дальше высился темный еловый боръ. Ладьи обдало духомъ цвѣтущей черемухи; онѣ обогнули нѣсколько мысковъ и ихъ подхватило сильное теченіе; стремглавъ онѣ ринулись по открывшейся новой рѣкѣ — Вилейкѣ.

Минуло съ часъ времени, татаринъ поглядѣлъ на солнце и перешелъ на корму своей ладьи.

— Э-э-й, бачка воевода?!. закричалъ онъ.

— Что?.. откликнулся бояринъ, невидный изъ-за высокаго носа.

— Ты стоять хотѣлъ... тропа скоро будетъ!

— На Вильно?

— Да...

— Добро... приставай!

Немного погода опять зазвучалъ глубинный, словно издалека зовущій, голосъ рога; ладьи начали притыкаться къ берегу подъ гущу нависшихъ ку-

стовъ, тѣнь громадныхъ елей накрыла ихъ словно сумерки.

Всѣ путники выбрались на сухую землю и занялись каждый своимъ походнымъ дѣломъ, но настроеніе у всѣхъ было уже нѣсколько иное, чѣмъ наканунѣ — безпокоилъ вчерашній пожаръ, могшій уничтожить все имущество, или даже людей, близкихъ возвращавшимся.

Бояринъ приказалъ подождать съ раскладкой костровъ и вмѣстѣ съ Андреемъ, татаринѣмъ и нѣсколькими людьми отправился смотрѣть тропу. Она отыскалась неподалеку — между елями вилась и скрывалась въ полутьмѣ протоптанная узенькая дорожка.

Татаринъ, нагнувшись почти до четверинокъ, быстро оглядѣлъ ее, будто обнюхалъ, и вернулся къ ожидавшему боярину; солнечный лучъ, пробившійся сквозь вѣтки, падалъ прямо на грудь того и золотая цѣпь испускала сіяніе.

— Свѣжій слѣдъ нѣтъ!.. гортанно заявилъ татаринъ: — никто съ нами ночью не разминулся!

Бояринъ выбралъ наиболѣе укрытое мѣстечко, оставилъ четырехъ воиновъ въ засадѣ и приказалъ имъ слѣдить — не покажется ли какойнибудь встрѣчный чужой отрядъ и останавливать и отводить въ станъ къ рѣкѣ всѣхъ всадниковъ, вѣхавшихъ со стороны Вильно.

— Развѣ ты, бояринъ, опасешься чего-нибудь?.. почтительно, но съ искрой усмѣшки въ глазахъ спросилъ Андрей.

— Береженаго Богъ бережетъ!.. отвѣтилъ Семенъ Игнатьевичъ. — Мы изъ дому уже давно; кто знаетъ, что ждетъ насъ завтра?

Они вернулись къ рѣкѣ, и бояринъ, убѣдившись, что ладьи хорошо скрыты, приказалъ разводить огонь и готовить пищу.

Сейчасъ же послѣ обѣда княгиня стала торопить съ отплытіемъ, но бояринъ медлилъ.

— Матушка-княгиня... сказалъ онъ въ отвѣтъ на ея укоръ: — зарево знакъ не шуточный! А ты мнѣ княземъ моимъ Витовтомъ довѣрена, я за тебя и въ

отвѣтъ. Потерпи немного: сейчасъ я впередъ развѣдку пущу! Будь спокойна — завтра въ Вильнѣ своего князя увидишь!

Передовую ладью быстро обрядили къ отходу и уже начали стаскивать въ воду, когда между деревьевъ показалось двое изъ сторожевыхъ; между ними ѣхалъ безбородый, длинноусый всадникъ въ бѣломъ колпакѣ съ желтою и зеленой круговыми полосками.

Отрядъ высыпалъ навстрѣчу.

— Ведутъ кого то!.. да это нашъ никакъ!.. раздались возгласы.

Всадникъ замѣтилъ боярина и княгиню, сидѣвшихъ на сухой ели, поваленной среди папоротниковъ, и направилъ коня къ нимъ. Шаговъ за десять онъ соскочилъ съ войлочка, замѣнявшаго сѣдло, подбѣжалъ къ княгинѣ и, припавъ на одно колѣно, поцѣловалъ у нея руку.

— Здравствуй, Аукасъ!.. привѣтливо проговорила она. — Какими судьбами ты здѣсь?

Тутъ только она замѣтила, что проѣзжіи имѣютъ разстроенный видъ; бока у его коней запали, ноздри свѣтились будто красные маки.

— Куда путь держишь?.. быстро добавила она.

— Къ тебѣ гналъ, матушка... бѣда стряслась!

— Какая?.. краска медленно стала отливать отъ щекъ ея.

— Вильну взялъ вчера князь Ягайло. Нижній замокъ весь выгорѣлъ.

— А мужъ гдѣ?

— Третьяго дня обманомъ схваченъ вмѣстѣ съ великимъ княземъ Кейстутомъ.

Возбужденный говоръ волной прокатился по толпѣ воиновъ, тѣсно обступившей свою княгиню. Карликъ затрясъ кулаками; каріе глаза Андрея почернѣли какъ угли; Юрій стоялъ блѣдный, дѣвушки испуганно жались другъ къ другу и къ княгинѣ; бояринъ продолжалъ сидѣть и потеревливалъ бородку.

Витовтъ Великій.

— Какъ же такое приключилось?.. спросилъ онъ.
— Вѣдь рать большая была съ князьями. Битва, что ли, была, побилъ васъ Ягайло?

Гонецъ отрицательно потрясъ головой.

— Въ гости онъ заманилъ къ себѣ нашихъ князей: во время пира схватили и заковали ихъ!

— Гдѣ же они теперь?

— Увезли, а куда — невѣдомо! А потомъ Вильно и Троки врасплохъ захватили.

— Какъ, и Троки тоже?! удивился бояринъ. — Не потерялъ молодчикъ времени зря!..

— Что же теперь дѣлать?.. спокойно по виду спросила княгиня: — вѣдь мы почти въ самыхъ лапахъ у него!

— Богъ не безъ милости!.. отвѣтилъ бояринъ: — и на волка охотники есть!.. Только не горячись!

— А матушка, великая княгиня Бейрута, спаслась? задала вопросъ Анна.

— Не слыхалъ про нее ничего. Только ни въ Трокахъ, ни въ Вильнѣ не отыскиали ее!

— По мѣстамъ расходись!.. приказалъ Семенъ Игнатьевичъ. — А ты, обратился онъ къ Аукасу: — въ Вильнѣ развѣдай что сможешь; завтра ночью на Поплавахъ у камней посланцевъ отъ меня жди: филиномъ трижды прогукаютъ!

Рогъ провылъ сборъ; ладьи зашуршали по песку и стайкою чаекъ пустились въ дальнѣйшій путь.

Держа двухъ коней въ поводу, ихъ провожалъ глазами усатый Аукасъ, стоявшій по колѣно въ папоротникахъ на бугрѣ надъ водой.

Г л а в а III.

— Вотъ они, вчерашніе-то вѣроны!.. проговорила словно про себя княгиня.

Мимо неслись темно-зеленые мохнатые стѣны изъ великановъ - елей съ красно-сизыми просвѣтами изъ сосенъ.

— То ли еще бывало, княгинюшка! отозвался бояринъ. — Мы свое вернемъ, только бы Богъ привелъ благополучно проскочить мимо Вильны!

— Не о насъ толкъ: мужа и тестя какъ выручить?

— Рать немедля примемся собирать. За нашихъ князей вся Литва встанетъ, Ягайлу не терпять.

Княгиня покачала головой.

— Когда ее соберешь?.. застанутъ ли ихъ въ живыхъ наши рати! Сейчасъ же надо наскочить на замокъ, гдѣ они посажены!

— Маловато людей — сто копій всего!.. раздумчиво возразилъ бояринъ.

— Хватить. Врасплохъ вѣдь, неожиданно - нежданно на головы имъ свалимся. Наши сто копій пятьсотъ Ягайловскихъ стоятъ!

— Инъ попробуемъ!.. помолчавъ согласился бояринъ; спокойные глаза его заблестѣли удалью.

Мѣстность захолилась, боръ разрѣдился, ели смѣнились соснами, подпиравшими зелеными сводами вершинъ самое небо; благоуханный духъ смолы наполнялъ воздухъ. Великая тишина стояла кругомъ, ничто не зашелохнулось; вмѣсто птицъ чуть звенѣли и пѣли деревья.

На вечерней зарѣ караванъ присталъ къ берегу. До Вильны было еще далеко, но осторожный Семень Игнатьевичъ, чтобы не привлечь на дымъ чьего либо вниманія, не позволилъ разводить костровъ до самыхъ сумерекъ.

Ночь миновала спокойно.

Бояринъ нѣсколько разъ выходилъ изъ своего шатра и слушалъ тишину; дымилась рѣка, ни по ней, ни изъ бора не доносилось ни звука; гдѣ то мощно проревѣлъ зубръ, сосны спали въ мѣсячномъ свѣтѣ.

Еще до восхода солнца отрядъ былъ готовъ къ отплытію, но бояринъ медлилъ съ подачей сигнала: опасался засвѣтло очутиться у Вильны и попасть въ руки враговъ.

Только послѣ обѣда провылъ рогъ и около лодокъ закипѣла суета.

Бояринъ отпустилъ впередъ ладью подъ начальствомъ татарина; съ остальными отплылъ черезъ добрыхъ полчаса — чтобы въ случаѣ опасности развѣдчики во-время могли подать знакъ о ней.

Холмы кругомъ стали превращаться въ блѣдно-желтыя, песчаныя горы; боръ разрѣдился еще болѣе; скоро начали показываться дубы; рѣка сверкала. Правый берегъ все повышался и наконецъ выросъ въ сплошную глинистую громаду, высоко краснѣвшую надъ водою; ставшая шумной рѣка неслась, подмывая обрывъ; радужные снопы изъ брызгъ и пѣны взметывались надъ камнями.

Часамъ къ четыремъ бояринъ, не покидавшій носовой палубы, завидѣлъ притулившуюся въ кустахъ лѣваго низкаго берега свою передовую ладью; трубить было нельзя и онъ, махая шапкой, далъ остальнымъ знакъ остановки; караванъ завернулъ и укрылся подъ навѣсомъ кустовъ.

Татаринъ подошелъ къ княжеской ладьѣ и ухватился за бортъ ея непомѣрно-длинной, обезьяньей рукой.

— Вильно близко, бачка... проговорилъ онъ вполголоса. — Нельзя бѣжать дальше.

Воины высыпали на берегъ; въ дубовомъ лѣсу скрыли сторожевыхъ; громко разговаривать и безъ дѣла бродить было запрещено; будто волчья стая всѣ спрятались куда пришлось — въ кусты, въ ямы, между корнями. Карликъ, словно бѣлка, слазилъ на самую верхушку тысячелѣтняго дуба и видѣлъ Гедеминову гору съ бѣлѣвшимъ на вершинѣ ея замкомъ; до нея оставалось еще поприщъ пятнадцать.

Время тянулось безконечно. Наконецъ стало по-немногу смеркаться; яркими цвѣтами отпылалъ закатъ, золотымъ пескомъ просѣялись звѣздочки; на небѣ не виднѣлось ни облачка — все сулило свѣтлую, предательскую ночь.

Бояринъ выждалъ еще часа два и отдалъ приказъ къ отплытію.

Уже совсѣмъ въ потемкахъ люди усѣлись по мѣстамъ, рулевые провѣрили, въ сборѣ ли всѣ, и бояринъ обнажилъ голову.

— Боже, помоги намъ!! громко произнесъ онъ и трижды перекрестился.

Закрестилась и часть отряда — христiane, и длинныя черныя тѣни одна за другой скользнули въ стремнину и исчезли.

Шумъ воды былъ громче и явственнѣе чѣмъ днемъ; на черной поверхности рѣки, будто люди въ бѣломъ, взметывалась кое-гдѣ пѣна. Рулевые работали напряженно; жутко было пролетать на утлыхъ суденышкахъ среди ревѣвшихъ привидѣній—скаль.

Бояринъ осторожно коснулся руки задумавшейся княгини; та оглянулась въ его сторону.

— Замокъ!.. вполголоса промолвилъ бояринъ.

Княгиня быстро повернулась въ указанную сторону.

Сквозь чащу взѣрошенныхъ лѣсныхъ вершинъ, словно крупныя звѣзды, глядѣли освѣщенные окна огромнаго зданія.

Многое вдругъ вспомнила и пережила княгиня при видѣ своего гнѣзда, такого знакомаго, милаго, гдѣ теперь хозяйничали враги!

Она крѣпко сжала губы.

До замка оставалось не менѣе двухъ верстъ; высь неба совсѣмъ посвѣтлѣла: изъ-за отвѣса праваго берега показался мѣсяцъ. На Вилейкѣ продолжала лежать густая тьма, но съ подъемомъ мѣсяца рѣка неминуемо должна была освѣтиться какъ на ладони. Ни пришпорить, ни подхлестнуть ее было нельзя, а мѣсяцъ подымался все выше и выше! Заблестѣла, за минуту еще невидная, узенькая полоска воды у лѣваго берега; она все расширялась, тьма отступала.

Замокъ сіялъ будто корона; надъ зубчатыми стѣнами и башнями подымалось трехъярусное главное зданіе; во дворѣ были разведены костры и по стѣнѣ замка бродили красные отсвѣты, доносилось нестройное пѣніе, взрывы смѣха, веселые клики — происходилъ, очевидно, пиръ.

На ладьяхъ не дышали, не шелохнулись. Рѣка давала крутой изгибъ вдоль самой подошвы Замковой горы, сторожившей мѣсто сліянія Вилейки и многоводной Неріи, и въ ту минуту, когда ладьи огибали ее, мѣсяцъ поднялся до зенита и освѣтилъ ихъ. Впереди, въ какихъ нибудь ста саженьяхъ, широко залегла могучая Нерія; будто безконечная стая золотыхъ рыбокъ, по ней зыблилась свѣтовая струя.

— Гляди-ка — ладьи?! съ изумленіемъ, громко произнесъ кто то на берегу.

— Стой!! закричалъ другой голосъ; подъ горою стояли два вооруженныхъ челоѡка; блестѣли шлемы ихъ и концы копій; рядомъ съ ними чернѣла лодка.

Не успѣлъ никто что либо сообразить, татаринъ ухватился за лукъ и звякнула тетива.

— О-о-хы!.. протяжно простоналъ одинъ изъ сторожевыхъ, выпустилъ копье, мѣшкомъ осѣлъ на землю, затѣмъ свернулся на бокъ.

— Э-э-й, люди?! завопилъ второй и бросился бѣжать къ замку по крутой, вымощенной булыжникомъ дорогѣ. Шаговъ черезъ десять онъ споткнулся, рухнулъ лицомъ внизъ и задержалъ ногами: другая стрѣла пробила ему спину.

Отвѣта на зовъ сторожевого ниоткуда не доносилось — за шумомъ пира криковъ караульныхъ наверху не услышали.

Будто птицы, вырвавшіяся на просторъ, вынеслись ладьи на приволье Неріи и пересѣкли золотистую дорожку. Чтобы не быть очень примѣтными, опытный татаринъ повелъ ладьи подъ берегомъ, противоположнымъ городу.

Зачернѣло обширное пожарище; мѣстами на немъ, будто кровавые глаза, глядѣли еще тлѣвшіе уголья. Отъ нижняго замка, находившагося въ полугорѣ, уцѣлѣли только стѣны да трубы; поодадь безмолвствовало Ромове, главное капище бога Перкуна; городъ маленькой иззубренной грудой сбился поодадь, за просторною площадью въ тѣсную и темную кучу; огней въ отсвѣчивавшихъ оконцахъ нигдѣ видно не было — время стояло уже позднее; освѣщенный замокъ слѣ-

диль за уносящимся караваномъ; достигали голоса и глухіе звуки роговъ; гдѣ то имъ вторили собаки.

Звуки все утихали, Вильно отдалялось, словно тонула; за поворотомъ она исчезла, и только легкіе вздохи рѣки слышались среди глубокой тиши.

Бояринъ опять снялъ шапку и помолился на востокъ.

— Вывель Господы!.. съ чувствомъ облегченія, уже безъ опаски, сказалъ онъ.

— Теперь у насъ руки развязаны! Къ лѣвому берегу правы!.. приказалъ онъ рулевому, и ладья быстро очутилась на указанномъ мѣстѣ; остальные одна за другой пристали кругомъ нея.

Бояринъ вызвалъ Лугвенія и трехъ воиновъ — виленскихъ жителей — и поручилъ имъ встрѣтить Аукаса и вмѣстѣ съ нимъ развѣдать что возможно.

— А мы васъ завтра за Понарскими горами ждать будемъ!.. добавилъ онъ:—тамъ озеро есть глухое, все лѣсомъ заросло, знаете его?

— Знаемъ!.. былъ дружный отвѣтъ.

— Знакъ намъ подадите о себѣ крикомъ ворона дважды... Ну, съ Богомъ! И торопитесь, время дорого!

Вызванные цѣпко взобрались по довольно крутому скату горы, по которой пролегалла сухопутная дорога изъ Вильны въ Троки, и скрылись среди бугровъ и кустовъ.

Караванъ отчалилъ отъ берега.

— Мамочка, да посмотри ты на эту Фиму!! прозвѣлъ голосокъ Сони. — Я заговорить боялась, а вѣдь она все время спала!.. Фима, проснись!! княжна затрясла спавшую.

— А? что? гдѣ мы?.. дома?.. спросила та въ просонкахъ.

Соня залилась смѣхомъ и сейчасъ-же зажала себѣ ротъ рукой.

Всѣ улыбались; даже на суровомъ лицѣ княгини проступило что-то теплое.

Ладьи плыли по зыбкой тропѣ богини Каралуны.

Глава IV.

Ночью дважды прокричалъ воронъ въ безмолвномъ лѣсу.

Въ отвѣтъ слышалось такое же карканье.

— Кто идетъ?.. окликнулъ голосъ изъ непроглядной чащобы.

— Свой... Лугвеній!..

Отъ широкостволага дуба отдѣлились двѣ тѣни и подошли къ вновь прибывшему.

— Что такъ запоздалъ?.. спросила одна.

— Прятаться пришлось... коротко отозвался Лугвеній — многословностью онъ вообще не отличался. — А гдѣ бояринъ съ княгиней?

Одинъ изъ сторожевыхъ остался на своемъ посту, а второй повелъ въ станъ Лугвенія.

— Вотъ темень!.. проговорилъ первый. — Хоть глазъ выколи!..

Пахло папоротниками, сыростью; невдолгъ съ боку открылась обширная черная равнина—озеро; на поверхности его бѣлой травой шевелился туманъ; почти у самыхъ ногъ шедшихъ шлепали, шипѣли и кричали свое „какъ-какъ“ невидимки утки.

За озеромъ начался подъемъ, и вдругъ впереди огненной пастью разверзся глубокий оврагъ; на днѣ его пылали многочисленные костры; среди нихъ разбросался станъ.

Никто не спалъ, всѣ ждали возвращенія развѣдчиковъ.

Княгиня и бояринъ сидѣли на войлокѣ у одного изъ костровъ и изрѣдка обмѣнивались мыслями.

Наверху слышался трескъ вѣтокъ; зашуршали и будто съ неба сзалились нѣсколько комковъ сухой земли.

— Идутъ!.. проговорилъ бояринъ и всталъ на ноги: по кручѣ обрыва, перехватываясь за деревья, спускалось двое людей.

— Какія вѣсти? возбужденно спросила княгиня Живы князя, гдѣ они?

Лугвеній снялъ колпакъ и въ поясъ поклонилъ ей, затѣмъ боярину.

— Въ Крево оба... отвѣтилъ онъ. — Двое изъ шихъ здѣшнихъ до самаго замковаго моста просидели ихъ: связанными везли; человекъ двѣсти сопровождало ихъ.

— Великая княгиня гдѣ?

Лугвеній пожалъ плечами.

— Какъ въ воду канула... и слѣду нѣтъ!

Бояринъ, привычнымъ жестомъ раздумья, ту скрутилъ свою бородку.

— А въ Трокахъ что?.. начисто выжжены?

— Нѣтъ, замокъ цѣлъ. Городъ на половину въ горѣлъ. Воиновъ тамъ полно!

— Теперь остается одно — коней раздобывать, сказалъ бояринъ. — Лады пока бросить придется...

— И мы смекали, что безъ коней теперь обойтись: двѣнадцать головъ мы пригнали — у опушкѣ ждутъ, чтобы слѣда сюда не оставили!.. заявилъ Лугвеній.

— Умень, хвалю!.. произнесъ бояринъ. — Только дюжины головъ мало; нужно сто тридцать!

— Немедленно!.. вѣско добавила княгиня.

Стѣна воиновъ, обступившая ее и боярина, молчала и переминалась: скоро найти такое количество коней, да еще въ тревожное время, было невысказанно.

— Зачѣмъ шибко много?.. возразилъ татаринъ, внимательно слушавшій разговоръ; онъ часто моргалъ глазками. — Крево каменная, на конѣ не перескочишь. Мужиковъ мало: биться нельзя, украсть можно!

— Дѣло говорить Махмутъ!.. сказалъ бояринъ. — Силой намъ замка не достать, а хитростью можно. Подъ князей нужны будутъ двѣ лошади, со мной поѣдете — ты Андрей, ты Махмутъ и еще семь человекъ. Кто хочетъ съ нами?

— Я, я!! раздались дружные возгласы.

— Я первый!.. воскликнулъ карликъ, пролѣзавъ впередъ. — Я ужомъ вездѣ проползу!

— А и впрямь можешь пригодиться!.. согласился бояринъ:—со мной поѣдешь! Тебѣ, Юрій,—обратился онъ къ молодому человѣку — я княгиню съ дѣвицами поручаю; помощникомъ тебѣ Лугвенія оставляю; вы всѣ подъ Троки должны пробраться; въ лѣсу тамъ старое капище запустѣлое есть — въ немъ и ждите насъ. Коней не раздобудете — пѣшкомъ идите — путь не великій: отсюда верстъ тридцать всего!

— Я ѣду съ тобой!.. отозвалась княгиня.

— Какъ со мной?.. изумился бояринъ. — Да вѣдь ты свяжешь насъ по рукамъ и по ногамъ!

— Я изъ лука стрѣляю не хуже ихъ!.. она кивнула головой на воиновъ.

— А бѣгать да лазить вездѣ придется — тогда что сдѣлаешь въ своихъ юбкахъ?

Княгиня заспорила.

— Мама-князь мѣшать будешь!.. вступился татаринъ. — До Крево семьдесятъ верстъ во весь духъ скакать будемъ... А дѣвку гдѣ дѣнешь? Ай, худо надумала...

— И то вспомни... добавилъ Семенъ Игнатьевичъ: —золото надо въ Трокахъ изъ тайника достать — безъ денегъ, какъ безъ рукъ, воевать нельзя! Можетъ выкупъ еще надо будетъ платить.

Княгиня уступила.

Сборы небольшого отряда были недолгіе; бояринъ отдалъ послѣднія распоряженія, и кучка людей потонула въ потемкахъ; позади въ перекачку ковылялъ Муха.

Лугвеній, выведя уѣзжавшихъ изъ оврага, остановился.

— Худая вѣсть у меня!.. вполголоса проговорилъ онъ. — Не хотѣлъ при княгинѣ сказывать. Великій князь задушенъ въ Крево.

— Что!? воскликнулъ внѣ себя бояринъ. — Быть не можетъ?!

— Правда... Удавили по приказу Ягайлы!

Страшная новость потрясла всѣхъ.

— Дядю убилъ племянникъ!! И кого, Кейстута! О Господи!!

Бояринъ закрылъ лицо руками и заплакалъ.
— Самого бы его, выродка, пришибить!!
ревьями бы разорвать!! возбужденно заговорили
гомъ.

— А князь Витовтъ?.. спросилъ бояринъ.

— Былъ живъ... Ягайло великимъ княземъ
объявиль!

— На коней скорѣе, ребяташки!.. каждая минута
дорога!..

Татаринъ хрипло закричалъ вѣрономъ: въ черноту
глубинъ лѣса карканье дважды повторилось, и путники
заспѣшили на откликъ; кони и люди ждали почти
самой опушки.

Бояринъ и его спутники повскочили на невѣ-
домыхъ, но коренастыхъ, мохнатыхъ коньковъ; лошадь
предназначенная для Кейстута, оказалась свободна.
Бояринъ приказалъ Лугвенію взять ее подъ княгиню
и маленькій отрядикъ быстро поскакалъ по освѣщен-
ной мѣсяцемъ пустынной дорогѣ.

Глава V.

Только разъ давъ въ пути недолго отдохнуть въ
носливомъ конькамъ, бояринъ и его спутники были
на разсвѣтъ уже близъ Крево.

Чтобы избѣжать нежелательныхъ встрѣчъ, отрядъ
свернулъ въ глубь рѣдкаго дубоваго лѣса, обогнулъ
попавшіеся по пути высокіе земляные курганы — на
слѣдіе незапамятныхъ временъ — и очутился передъ
заросшими травой валами, тоже никѣмъ невѣдомой
крѣпости.

Всадники спѣшились, перевели коней черезъ валъ,
спутали ихъ и пустили пастись; татаринъ и карликъ
отправились на развѣдки. Первымъ дѣломъ они взо-
брались на громаднѣйшій развѣсистый дубъ и обо-
зрѣли окрестности.

Опушка была близка, за нею развѣтывалась об-
ширная болотистая равнина; среди сотенъ крохотныхъ

озерковъ блестяли изгибы Кревки, заросшей камышами; въ нее впадала другая, болѣе узкая рѣченка; на мысу между ними подымался угрюмый двухбашенный замокъ, обнесенный бурыми стѣнами; съ третьей стороны его ограждалъ водяной широкой ровъ; ворота подъ главною башней были затворены; на открытой площадкѣ выступа второго яруса находился камнеметь-катапульта; цѣпной мостъ былъ поднятъ.

Гдѣ ползкомъ, гдѣ по сукамъ дубовъ развѣдчики какъ бѣлки подобрались совсѣмъ близко къ стѣнамъ и тщательно осмотрѣли всѣ подступы; рѣки протекали по трясинамъ и переправа черезъ нихъ была невозможной. Около рва топкихъ мѣстъ не примѣчалось, зато его сторожила самая высокая, четырехугольная башня изъ кирпича и крупныхъ валуновъ.

Тюрьма видна не была, но со словъ боярина было извѣстно, что она находится подъ главною башней; благодаря высотѣ стѣнъ, на каждой изъ нихъ находилось только по одному часовому.

Высмотрѣвъ все, что было возможно, развѣдчики вернулись обратно и сообщили о видѣнномъ; предпринять что-либо до наступленія ночи было нельзя, времени впереди оставалось много и бояринъ раздѣлилъ людей на три смѣны и первую поставилъ на стражу. Остальные полегли гдѣ привелось и скоро сонъ охватилъ древнее городище.

Къ вечеру небо начало хмуриться; словно пробуя силу, вѣтеръ нѣтъ-нѣтъ и налеталъ на могучія деревья; дубы шумнымъ говоромъ встрѣтили надвигавшуюся съ запада сизую тучу.

Провести полночи подъ дождемъ было незаманчиво, и воины быстро нарубили вѣтокъ и устроили въ молодомъ дубнякѣ, невидные со стороны, навѣсы; скоро по нимъ защелкалъ дождь; гроза проходила стороною и гулъ грома докатывался издали; слабыя, рѣдкія молніи вспышками освѣщали валы и пасущихся коней.

Звѣздъ примѣтно не было и опредѣлять время приходилось наугадъ.

Ливень началъ стихать; шумъ лѣса превратилъ въ шопоть; дождь обѣщалъ сѣяться до утра.

— Не пора-ли?.. тихо молвилъ бояринъ свое сосѣду-татарину.

Тотъ потрясъ головою.

— Нѣтъ пора!.. отозвался онъ: — молонья выдастъ

Прошло еще съ часъ и зарницы погасли; но выпала непроглядная.

Махмутъ принялся будить товарищей. Одинъ былъ оставленъ при коняхъ. Татаринъ захватилъ свѣ арканъ, съ которымъ не разлучался въ походахъ, в ревку да длинный ножъ: копій и луковъ вѣрно было не брать; взяты были только боевые топоры да деревенныхъ тонкихъ сосенки, заготовленныхъ татаринами еще днемъ.

Махмутъ снялъ съ себя верхнее платье и остался полуголымъ; всѣ послѣдовали его примѣру.

Различить что-либо въ двухъ десяткахъ шаговъ было немыслимо; передовымъ пошелъ татаринъ, руководимый своимъ чутьемъ.

Черная, какъ земля, очертанія башенъ чуть проступили въ мутной выси; еще немного — и будто густая лужа дегтя преградила путь крившимся смѣльчакамъ.

Всѣ они осторожно, впередъ ногами, спустились въ воду рва, безъ всплеска добрались до другого берега и поползли по каменистой осыпи къ тому мѣсту гдѣ стѣны образовывали уголъ — за нимъ можно было скрыться отъ глазъ часового, находившагося на выступѣ главной башни.

Дождь моросилъ по-прежнему; подъ его шорохъ изъ воды тихо были вытащены и связаны концами вмѣстѣ обѣ жерди. Готовый шестъ подняли и приставили къ стѣнѣ; верхній конецъ его всего на какой-нибудь аршинъ не досталъ до гребня стѣны; Андрей въ безмолвномъ бѣшенствѣ ухватилъ себя за волосы.

И вдругъ мокрое дерево выскользнуло изъ державшихъ его рукъ, черкнуло всей своей длиной по стѣнѣ и хлястнулось на камни.

На мигъ всѣ замерли, затѣмъ бросились на землю

и припали къ ней; татаринъ остался на ногахъ, отско-
чилъ шага на три отъ стѣны, сорвалъ со своего пояса
арканъ и застылъ, выжидая, что будетъ.

Между зубцами стѣны показалась голова въ же-
лѣзномъ польскомъ шлемѣ.

— Кто тамъ?.. произнесла она.

Въ отвѣтъ шелестѣлъ дождь.

Караульный молча прислушался, затѣмъ нагнулся,
чтобы лучше разглядѣть, что случилось у подножія
стѣны. Въ ту же минуту тихо свистнулъ арканъ и
петля обвилась вокругъ шеи сторожевого; Мах-
мутъ рванулъ веревку изо всѣхъ силъ къ себѣ и
будто громадный коршунъ взлетѣлъ и рухнулъ внизъ;
послѣдовалъ тупой ударъ о землю, звякнуло объ ва-
лунъ желѣзо шлема и опять наступила тишина.

Упавшій не шевелился.

Татаринъ переметнулся къ нему, снялъ петлю,
шлемъ и верхнее полукафтанье, затѣмъ взмахнулъ
арканомъ и петля плотно сѣла на зубецъ стѣны.

Муху обмотали черезъ плечо другой веревкой,
онъ взялъ въ зубы ножъ и проворно сталъ взби-
раться по аркану; у края стѣны карликъ задержался,
прислушался, затѣмъ влѣзъ въ бойницу и исчезъ изъ
вида.

Нѣсколько минутъ прошло въ напряженномъ
ожиданіи, наконецъ сверху трижды дернули за
арканъ — это былъ условленный знакъ, что путь
безопасенъ.

Вторымъ сталъ подыматься Андрей; Муха при-
крѣпилъ свою веревку къ сосѣднему зубцу и ему по-
дали снизу одежду и шлемъ убитого караульного.

Одинъ за другимъ всѣ, кромѣ дороднаго бо-
ярина, вѣселились на стѣну; Семень Игнатьевичъ
остался ждать у рва; Андрей нарядилъ въ кафтанъ и
шлемъ убитого одного изъ своихъ спутниковъ, воору-
жилъ его копьемъ, найденнымъ на стѣнѣ, и оставилъ
сторожевымъ.

Прячась между зубцами, слѣдомъ за карликомъ,
остальные начали прокрадываться къ главной башнѣ;

машина ея вырисовывалась все явственнѣй, проваломъ зачернѣла узкая дверь.

Татаринъ и карликъ метнулись впередъ и припали къ косякамъ по обѣ стороны ея.

Изнутри не доносилось ни звука; глаза татарина различили каменные ступени лѣстницы, винтомъ уходящей вверхъ и внизъ; слѣва имѣлась другая дверь тоже открытая; татаринъ сообразилъ, что она выходила на широкую площадку башеннаго выступа с катапульты; тамъ раздался протяжный звѣнокъ, затѣмъ нѣсколько лѣнивыхъ, безцѣльныхъ шаговъ.

Татарину почудилось, будто внизу, на лѣстницѣ, сдѣлалось чуть свѣтлѣе; онъ откинулся назадъ и сталъ слушать: донеслись шаркающіе шаги, но на лѣстницѣ они не подымались, а прошли мимо и сейчасъ же остановились; прозвякали ключи, прогремѣлъ желѣзный засовъ и опять наступила полнѣйшая тишина; мутный свѣтъ превратился въ темень.

Затаивъ дыханіе, татаринъ и карликъ стали спускаться внизъ; Андрей скрылъ въ бойницахъ по бокамъ двухъ человѣкъ и послѣдовалъ за передовыми.

За вторымъ поворотомъ блеснулъ слабый свѣтъ подъ сводомъ воротъ на стѣнѣ тускло горѣлъ слюдяной фонарь; подъ нимъ бѣлѣла бочка изъ-подъ извести; зеленая желѣзная дверь, находившаяся около нея, стояла распахнутой; другого хода подъ башню не имѣлось.

Послышался говоръ; онъ приближался; красный блуждающій свѣтъ выявилъ довольно широкую каменную лѣстницу, ведущую въ провалъ; изъ него показался яркій факель, затѣмъ человѣкъ, несшій его; за нимъ слѣдовали носилки; на нихъ подъ чернымъ покровомъ лежало что-то походившее на трупъ; это несомнѣнною свидѣтельствомъ очертанія головы и въ особенности носа, остріемъ намѣчавшагося подъ тканью.

Послѣднимъ выбрался полный человѣкъ съ растрепанными желтыми волосами и багровымъ лицомъ; онъ притворилъ дверь и задвинулъ засовъ; большо

отпертый замокъ и пара такихъ же ключей остались висѣть на нихъ.

Зловѣщее шествіе пересѣкло дворъ и скрылось въ капищѣ у главнаго зданія.

Раздумывать о томъ, кто лежалъ на носилкахъ, времени не было.

Андрей выглянулъ изъ прохода наружу; ворота были замкнуты на огромный замокъ; стражи не имѣлось.

— Ждите!.. шепнулъ Андрей и не торопясь, словно свой челоуѣкъ, направился по освѣщенному мѣсту къ противоположной сторонѣ; дойдя до стѣны, онъ снялъ фонарь, отворилъ дверь и вошелъ въ нее; подъ башней все опять завѣсилъ мракъ.

Въ одно мгновеніе перебѣжали и остальные. Карликъ былъ оставленъ у входа, а Андрей, свѣтя поднятымъ фонаремъ, поспѣшилъ со своими спутниками въ подземелье.

Муха затворилъ за ними дверь и сунулъ ключи къ себѣ въ карманъ; затѣмъ онъ забрался въ бочку, но черезъ нѣсколько минутъ вылѣзъ и засѣлъ въ узкомъ пространствѣ между стѣной и ею.

Только что успѣлъ онъ устроиться и достать изъ другого кармана кистень — чугунную гирьку, прикрѣпленную короткимъ ремнемъ къ небольшой рукояткѣ, какъ опять слышались шаги: кто-то приближался и при томъ не особенно увѣренно.

— Что за чортъ?.. масло сегодня наливаль, а ужъ потухло!.. выпилъ его, что-ли, какой-то дуракъ?.. раздалось уже совсѣмъ близко; поступь сдѣлалась подъ сводами гулче; карликъ услыхалъ, какъ стѣну, а затѣмъ и дверь совсѣмъ рядомъ съ нимъ, ошарила рука.

— Гдѣ же фонарь?.. съ изумленіемъ произнесъ пришедшій. — Вотъ еще навожденіе! — И ключи собаки съѣли... Эй?! крикнулъ онъ, но зовъ его тутъ же оборвался: хряскнули кости и тяжелое тѣло шатнулось къ стѣнѣ, затѣмъ сползло на полъ: — карликъ съ размаха ударилъ тюремщика по головѣ.

Въ проходѣ, ведшемъ наверхъ, зашуршало.
— Ты, что-ль, Зибентой?.. спросилъ чужой го-

лось.

— Я!.. подражая пьяному, отозвался карликъ.

— Что тебѣ надобно? Зачѣмъ зовешь?

— Поди къ чорту... отвѣтилъ карликъ: — вотъ
вся въ тебѣ надобность!

Наверху лѣстницы засмѣялись.

— Ишь насвистался — лыка не вяжетъ!

Сторожевой зашаркалъ обратно.

Карликъ быстро отворилъ дверь въ тюрьму, вт-
щилъ въ нее тѣло убитаго и толкнулъ внизъ; онъ
покатилось, шлепая по ступенямъ то ладонями, то го-
ловою. Дверь онъ притворилъ снова и припалъ къ
оставленной щелкѣ ухомъ; въ глубинѣ земли чуть-чуть
слышался легкій шумъ и карликъ увидалъ своего
князя, быстро подымавшагося по лѣстницѣ; кругомъ
него тѣснились полуголые люди. У входа фонарь
былъ задутъ, всѣ выбрались подъ своды воротъ
стали прокрадываться на стѣну.

Карликъ очутился послѣднимъ; чтобы подол-
же не обнаружилось бѣгство князя Витовта, онъ тща-
тельно заперъ тюрьму на замокъ, захватилъ ключи
собой и бросился догонять ушедшихъ. Пара за парой
выскальзывали изъ башни черныя тѣни и таяли въ
стѣнѣ.

Ряженный караульный никѣмъ безпокоенъ
былъ; среди нерушимой тишины князь и его освобод-
ители спустились со стѣны, ползкомъ добрались до
рва и вплавь перебрались на другую сторону. Еще
полчаса — и Витовтъ стоялъ за валами городища,
обнималъ и благодарилъ своихъ спасителей.

— А про отца своего знаешь что-нибудь, княже?
осторожно освѣдомился бояринъ.

— Знаю!.. отозвался Витовтъ. — Все теперь знаю
понялъ и не забуду!.. Гдѣ жена и всѣ остальные?

— Ждутъ насъ въ капищѣхъ подъ Троками: золото
должны добыть изъ замка!

Станъ княгини Анны на р. Вилейкѣ.

— Сейчасъ прямо туда ѣхать надо — черезъ трое сутокъ будемъ на мѣстѣ.

Отрядъ сталъ садиться на коней.

Городище опустѣло; попрежнему шептались дубы, въ шелестѣ ихъ чуткое ухо могло уловить слабый топотъ коней, быстро удалявшихся отъ Крево.

Примѣчаніе. Существуетъ другое преданіе о спасеніи Витовта его женой Анной; я избралъ наиболѣе достовѣрное.

Глава VI.

Оставшійся съ отрядомъ княгини Юрій на восходѣ солнца началъ уборку стана; шатры и вещи были уложены въ ладьи и воины завели ихъ въ такія заросли кустовъ и тростника, что не знающему человѣку нельзя было даже заподозрить ихъ присутствія.

Чтобы не наткнуться на Ягайловскіе отряды, Юрій по совѣту Аукаса рѣшилъ направиться на Троки не по проѣзжей дорогѣ, а по тропѣ, ведущей среди болотъ и озеръ; на ней можно было встрѣтить развѣ одиночныхъ людей.

Съ большими предосторожностями, пустивъ впередъ себя развѣдку изъ трехъ человѣкъ, выступилъ Юрій изъ укрывавшаго ихъ лѣса; княгиня ѣхала верхомъ, за спиной ея сидѣла мамушка; по бокамъ лошади шли молодыя дѣвушки.

Опасная часть пути была быстро пройдена и отрядъ свернулъ на тропу; она стала понижаться; молчаливыя ели и сосны скоро пропали; вмѣсто нихъ зазеленѣли березы и орѣшникъ, сладкимъ духомъ наполнили воздухъ рябины, тополя и черемуха; тысячи щегловъ, зябликовъ и чижей заливались во всѣ свои птичьи голоса.

— Господи, какъ хорошо!! воскликнула княжна, разведя широко руки, будто намѣреваясь обнять весь открывшійся просторъ съ его привѣтливými безчис-

ленными озерами, съ безбрежными лѣсами, съ голубымъ небомъ. — И зачѣмъ только люди гадости делаютъ другъ другу?!

Отрядъ спустился въ низину и растянулся на ниточку. — И откуда бы кто ни глянулъ — ничего не увидалъ бы кромѣ моря свѣжей изумрудной травы, камышей, да попадавшихся кое-гдѣ веселыхъ березовыхъ островковъ.

Еще до заката солнца Аукасъ и Лугвеній привели отрядъ княгини въ дремучій лѣсъ, къ холму, на которомъ подымались развалины древняго капища кругомъ, на мху, вытягивались многостолѣтнія чудовищныя тѣла деревьевъ, вывороченныхъ съ корнями. Полное запустѣніе и высокіе завалы изъ всякаго бревна свидѣтельствовали, что капище заброшено и забыто безконечно давно.

Съ жуткимъ чувствомъ, косясь и озираясь, поглядывали на него недавніе христіане — воины; Юрій съ Лугвеніемъ осмотрѣли его внутри и за полуразрушенной оградой отыскали глубокую пещеру, снаружи напоминавшую волчье логово; крыши на капищѣ не имѣлось.

Троки, по словамъ Аукаса, находились верстахъ въ пяти. Мѣсто было совершенно безопасное. Юрій приказалъ разводить костры и устраиваться на ночлегъ и кликнулъ Аукаса и Лугвенія.

— Вы пойдете сейчасъ со мной въ Троки!.. заявилъ онъ имъ. — А ты, Усватъ... обратился онъ къ стоявшему поодаль свѣжелицею, широкогрудому богатырю со свѣтлой бородкой и сѣрыми глазами — на тебя оставляю княгиню и весь отрядъ. Если къ утру никто изъ насъ не вернется — значитъ мы попались Ягайловцамъ, выручай, коли сможешь. А если князя дожидаться нельзя будетъ — на Меречь бѣгите — тамъ ужъ до нашей Гродны рукой подать!..

Капище освѣтилось нѣсколькими кострами; языки огня взметнулись вверхъ и сумерки за стѣнами стали казаться черною ночью.

— Ты бы закусилъ чѣмъ нибудь передъ отходомъ?.. предложила княгиня.

— По дорогѣ успѣемъ!.. отвѣтилъ Юрій — сейчасъ некогда!

Стоявшая около пещеры княжна подошла къ Юрію.

— А ты развѣ не усталъ?.. заботливо спросила она.

Юрій ласково улыбнулся.

— Пять верстъ пустяки!.. сказалъ онъ. — Для тебя съ княгиней я и сто пройду!

Соня внимательно, снизу вверхъ, взглянула ему въ глаза, на мигъ призадумалась, затѣмъ вдругъ высунула самый кончикъ языка.

— А я для тебя ничего не желаю дѣлать!.. заявила она, засмѣялась и скрылась въ пещерѣ. Личико ея сейчасъ же выглянуло снова.

— Только возвращайся скорѣй... добавила она и исчезла окончательно.

Трое развѣдчиковъ, вооруженныхъ только поясными ножами, спустились съ холма и углубились въ лѣсъ. Когда Юрій оглянулся — позади была такая же тьма, какъ и въ другихъ сторонахъ, и только верхушка одной какой-то высоченной ели, будто лѣстница съ неба въ адъ, пламенѣла багрецомъ.

Пять верстъ было пройдено незамѣтно и развѣдчики задержались около поворота; за нимъ сейчасъ же начиналось предмѣстье Трокъ, но они не узнали мѣстности — по обѣимъ сторонамъ пересѣкавшей ее главной улицы тянулись пожарища; отъ домовъ остались только головешки и уголья, да торчали почернѣлыя печи; между ними простирались голыя, обгорѣлыя сучья деревьевъ.

Встрѣчныхъ не попадалось; съ другого конца улицы разносились пѣніе и крики — тамъ шла гульба.

— Въ корчмѣ пируютъ!.. проговорилъ Аукасъ.

Слѣва на небѣ обозначилась высокая предмостная башня — замокъ находился на островѣ; много-

численные окна его были освещены; ворота заперты.

Чтобы не привлечь къ себѣ чьего-либо вниманія, развѣдчики, не торсясь и не прячась, направились вдоль улицы; показался уцѣлѣвшій домикъ, за нимъ неясно заблѣлъ второй и третій; окна ихъ были темны; пожаръ, повидимому, произошелъ въ безветренную погоду и тамъ, гдѣ постройки жались слишкомъ тѣсно другъ къ другу, мѣстечко выгорѣло большими островами.

Дорога обогнула выступъ одного изъ уцѣлѣвшихъ садовъ и яркія полосы свѣта изъ окошекъ раскрытой двери въ упоръ освѣтили развѣдчиковъ; они разомъ отшатнулись въ сумракъ назадъ и стали выглядывать изъ-за угла.

Въ корчмѣ было шумно и людно; за длинными столами среди бѣлыхъ литовскихъ полукафтаний прострѣли разноцвѣтные кунтуши поляковъ, различались красныя усатыя и бородатыя лица.

— Ягайловцы!.. тихо молвилъ Лугвеній. — Черезъ садъ надо взять!

Онъ первымъ перелѣзъ черезъ невысокій парадный заборъ въ тень и мелькая между развѣсистыми яблонями, възялся со спутниками на задворки; охватило теплымъ духомъ конопли.

Миновавъ три хатки, Лугвеній свернулъ въ переулокъ и заглянулъ въ оконце четвертой.

Сквозь бычачій пузырь, замѣнявшій въ тѣхъ временахъ стекло, видно и слышно ничего не было; Лугвеній осторожно, будто по бубну, постучалъ пальцемъ, затѣмъ повторилъ стукъ.

Въ хатѣ зашевелились.

— Кто тамъ? откликнулся голосъ.

— Ты, Мингайло?.. вмѣсто отвѣта спросилъ Лугвеній.

— Я...

— Отворяй, свои!

Развѣдчики пропали, будто провалились сквозь землю, и очутились во дворѣ. Мингайло, невысо-

худощавый старикъ, встрѣтилъ неожиданныхъ гостей на крылечкѣ подъ покосившимся навѣсомъ и впустилъ ихъ въ хату; огня не вздували.

— И князь вернулся?.. обрадованно спросилъ Мингаило, всматриваясь въ лица вошедшихъ: — вызволили его?

Юрій коротко сообщилъ все, что зналъ, и старый слуга Кейстута ахнулъ и ударилъ кулакомъ въ свою тощую грудь.

— Да напустить Гадютая всѣхъ змѣй своихъ на проклятаго Ягайлу!! воскликнулъ онъ. — Порази Перкунъ огненною стрѣлой его и все его потомство!.. Пропади его тѣнь на землѣ!! Голосъ старика надломился — онъ не выдержалъ волненія и заплакалъ.

— Полно... не время плакать, надо дѣйствовать!.. сказалъ Юрій. — Намъ нужно на день—два во что бы то ни стало попасть въ замокъ; какъ это сдѣлать?

Мингаило сразу успокоился.

— Трудно, очень трудно... проговорилъ онъ. — Старыхъ слугъ уже нѣтъ — одни сами ушли, другихъ повыгоняли... Чужими полнымъ полно въ замкѣ. Изъ нашихъ прежнихъ только двое осталось — ну да, пожалуй, ихъ то пуще всѣхъ и стеречься надо!

— Кто такіе?.. освѣдомился Аукась.

— Корибутъ, ключникъ, да Кумецъ. Эти всегда волками были! А вы вотъ что, — оживясь добавилъ Мингаило: — слышно медвѣдей цѣлый таборъ сюда ведутъ; сговоритесь въ жожаками — васъ никто и не задержитъ!

Юрій выпросилъ все, что было необходимо ему узнать, простился со старикомъ и вмѣстѣ съ Лугвеніемъ отправился въ станъ съ лѣсу; Аукась остался ночевать у Мингаилы.

Подходя къ небольшой площади, находившейся противъ предмостной башни, Юрій и Лугвеній бросились въ сторону по первому попавшемуся пожарищу и притаились за ближайшей трубой: другой конецъ мѣстечка озарился свѣтомъ и показалось двое пышно

одѣтыхъ трубачей съ длинными фанфарами въ рукъ за ними слѣдовало человѣкъ десять, ѣхавшихъ съ келами. Нѣсколько поодаль, упершись въ бокъ вою рукою, важно возсѣдалъ на росломъ бѣломъ худошавый панъ съ небольшою черной бородкой.

Лугвеній нагнулся къ уху своего спутника.

— Ягайло!.. шепнулъ онъ.

Но Юрій и самъ узналъ пышно-одѣтаго пана, расшитомъ золотомъ малиновомъ платьѣ; его окружала свита, позади покачивались и отсвѣчивали щипки и копыя многочисленнаго отряда.

Звонко защелкали по стѣнамъ замка звуки трубы. Имъ пропѣла отвѣтъ передовая башня, грузно загрохотали цѣпи моста и глухой топотъ копытъ по деревянному настилу возвѣстилъ, что отрядъ новаго великаго князя Литвы уже движется по мосту.

Развѣдчики выглянули изъ своего убѣжища, увидѣлись, что путь свободенъ, и пустились въ глубокую тѣнь своею дорогой.

Сонно, въ разбродъ, прокричали полуночные вѣтры.

Глава VII.

Въ станѣ княгини не спали она сама, сторожеваго татарина съ Усватомъ — только они слышали легкій хрустъ осторожныхъ шаговъ.

Въ пещерѣ устроился совѣтъ. Княгиня подробно объяснила, гдѣ находился кладъ Витовта: въ средней комнатѣ третьяго яруса, у окна, глядѣвшаго на южную сторону, во внутренней стѣнѣ, сложенной изъ разноцвѣтныхъ валуновъ, имѣлся тайникъ. Чтобы попасть въ него, нужно было одновременно сильно надавить на двѣ небольшія черныя булыжины, находящіяся на высотѣ человѣческаго роста по бокамъ круглаго сизаго камня; часть стѣны поворачивалась и кровельница открывалась.

Вынести изъ воротъ замка грузный мѣшокъ нечего было и думать. Княгиня вспомнила, что у той комнаты имѣлся единственный въ замкѣ балконъ, висѣвшій надъ самымъ озеромъ; оно омывало южную стѣну и лодка могла подойти къ ней вплотную; спустить на веревкѣ мѣшокъ и ускользнуть тѣмъ же путемъ и самому похитителю, трудности не представляло.

Проникнуть въ замокъ вызвались Аукасъ и Лугвеній, знавшіе каждую пядь его.

Было условлено, что появленіе на одномъ изъ оконъ западной стороны бѣлаго полотенца будетъ знаменовать, что въ ту полночь подъ балконъ должна быть подана лодка. Если дѣло почему-либо затянется на нѣсколько дней — вѣсти обѣ стороны должны пересылать черезъ Мингайлу.

Совѣтъ длился недолго; утомленные развѣдчики отыскиали себѣ мѣста у костровъ, завернулись съ головами въ кафтаны и улеглись на мху; не спали только Усватъ да Юрій, нѣсколько разъ подымавшіеся, чтобы провѣрить стражу.

Совсѣмъ вблизи гукалъ и хохоталъ филинъ.

Еще чуть начало свѣтать, когда Лугвеній вскочилъ на единственную лошадь въ отрядѣ и поѣхалъ на розыски медвѣжатниковъ.

Усватъ отправился въ круговую, на противоположный берегъ озера добывать лодку: взять ее въ Трокахъ было опасно.

Аукасъ дождался восхода солнца и не торопясь пошелъ прямо въ замокъ.

На улицѣ было кое какое движеніе; на площади у предмостной башни стояли торговки съ лотками дымившихся колбасъ съ чеснокомъ, жареной на вертелахъ дичиной и всякой съѣстной всячиной. Аукаса обдало соблазнительнымъ духомъ и онъ остановился около одной пожилой женщины и принялся уписывать вкусную колбасу.

Высокія ворота въ обѣихъ башняхъ были открыты, мостъ опущенъ, люди входили и выходили изъ нихъ безпрепятственно. На Аукаса никто не обращалъ ни-

какого вниманія; онъ покончилъ съ ѣдой и направился первымъ воротамъ; въ проходѣ ихъ его остановилъ стража въ польскихъ крылатыхъ шлемахъ на головахъ.

— Зачѣмъ идешь? Кто такой?.. спросилъ стояшій.

— Къ великому князю наниматься иду... отвѣтилъ Аукасъ. — Служить хочу!

— А какъ звать тебя?

— Аукасъ я. Изъ Вильны.

Оружія при немъ не имѣлось и онъ былъ пропущенъ.

Аукасъ перешелъ черезъ мостъ, миновалъ проездъ подъ второй башней и очутился на тѣсномъ замковомъ дворѣ. Встрѣчные — все чужія лица — указали ему на пана подскарбія, вѣдавшаго слугами; онъ стоялъ на открытомъ сверху крыльцѣ небольшою и низенькаго зданія; виду былъ необычайно важнымъ: надъ синимъ жупаномъ пышно цвѣлъ багровый носовой платокъ; и такія же щеки; тройной подбородокъ спадалъ на грудь, усы были длиннѣйшіе; панъ поминутно гордо крутилъ ихъ и страшно раскашивалъ при этомъ выпавшие глаза. Рядомъ находился, на голову превышавшій его, пожилой литвинъ угрюмаго вида; полусѣдые брови его клочьями нависали надъ глазами, мерцавшими глубоко въ черепѣ; давно небритыя щеки казались сизыми.

— А что скажешь?.. освѣдомился толстякъ въ отвѣтъ на низкій поклонъ приблизившагося Аукасы тотъ мѣлъ въ рукахъ колпакъ.

— Мнѣ бы его вельможность, пана подскарбія повидать?

Лицо толстяка сдѣлалось отъ такого важнаго вниманія еще шире.

— Это я!.. заявилъ онъ. — Что надо?

— Служить бы хотѣлъ...

— Доброе дѣло!.. поощрилъ толстякъ. — А что умѣешь дѣлать, алюсь пить?

Онъ захохоталъ.

— Все, что прикажете!

— Онъ у князя Витовта коморникомъ былъ... вставилъ угрюмый литвинъ.

Толстякъ всколыхнулся.

— А ты же не туда попалъ! Здѣсь его мосци великому князю Ягайлѣ служатъ!

— Такъ вѣдь и онъ, ваша свѣтлость, у князя Витовта при ключахъ ходилъ! спокойно возразилъ Аукасъ.

Полякъ закрутилъ усъ спиралью на палецъ.

— Порока въ томъ нѣту... продолжалъ пришедшій. — Прежде вся Литва ему же служила. Мы въ такихъ дѣлахъ разбираться не можемъ: мы люди маленькіе — это однихъ васъ, великихъ пановъ да бояръ, касается!

— Вѣрно!.. панъ сдѣлался совсѣмъ благодушнымъ. — Всякій сверчокъ знай свой шестокъ!

— Видно, что такъ, ваша милость! Для насъ былъ бы кусокъ хлѣба — на печеную рѣпу послѣ него переходить не хочется!

— Вотъ!.. воскликнулъ толстякъ и поднялъ вверхъ палецъ, равнявшійся двумъ обыкновеннымъ. — Я всегда говорилъ, что бываютъ умныя головы и среди дураковъ! Беру тебя! Ступай комнаты убирать: солдаты плохая прислуга, а безпорядка тамъ надѣлано достаточно!

Аукасъ поцѣловалъ подставленную ему руку пана подскарбія и, внутренно торжествуя, отправился черезъ боковую маленькую дверь въ замокъ.

Незадолго до заката солнца изъ-подъ воротныхъ сводовъ во дворъ замка высыпала гурьба мохнатыхъ медвѣдей и ихъ вожаковъ; ихъ сопровождали музыканты съ волынкою, съ парой берестяныхъ дудокъ и бубномъ; среди звѣрей имѣлись темно-бурые саженыя великаны, но были и пестуны (двухлѣтки) и совсѣмъ малыши, сидѣвшіе на плечахъ у людей; большіе звѣри шли на цѣпяхъ, но безъ намордниковъ: челюсти у медвѣдей слабыя и пасть у нихъ не опасная.

Переливчато загудѣла волынка, залились па-
стушьи рожки, забухалъ бубенъ; звѣри поднялись на
дыбы и со всѣхъ концовъ двора и изо всѣхъ угловъ
стали сбѣгаться на зрѣлище люди; въ окнахъ показыва-
лись приближенные князя.

Медвѣди кувыркались черезъ голову, боролись
съ людьми, плясали; толпа, окружившая ихъ, поощряла
ихъ громкими возгласами и хохотала; вожакамъ
была вынесена цѣлая ендова хмѣльного алюса и тѣмъ
опустошивъ по большой глиняной кружкѣ, поднесъ
его и своимъ лохматымъ товарищамъ. Звѣри выцѣ-
лялись въ посуды обѣими лапами и подъ общимъ
восторгъ пили, причмокивая и посапывая отъ удо-
вольствія.

Никто и не замѣтилъ, что одинъ изъ медвѣжа-
никовъ, въ нахлобученномъ на брови колпакѣ, отдалъ
лился отъ своихъ товарищей, смѣшался съ челядью
и очутился около Аукаса. Оба нагнулись къ землѣ
будто ища что-то.

— Берегись Корибута!.. шепнулъ Аукасъ: — онъ
за мною весь день слѣдилъ. Если пристанутъ
тверди, что тебя панъ подскарбій сегодня нанялъ: онъ
съ утра до ночи пьянъ, ничего не помнитъ! Спать
буду въ коморѣ при погребѣхъ!

Онъ отодвинулся отъ Лугвенія, затѣмъ отве-
нулся и внимательно сталъ смотрѣть на представлен-
наго. Это не мѣшало ему въ то же время не выпускать изъ
вида дѣйствія товарища: тотъ вмѣстѣ съ толпой по-
близился къ главному крыльцу, на которое слуги
ропливо выносили, крытые алымъ бархатомъ, та-
реты; середину между ними заняло дубовое кресло
высокой спинкой, обитое золоченой кожей.

Дворъ, шумѣвшій какъ базаръ, стихъ; вожа-
къ въ перемежку съ медвѣдями выстроились передъ
крыльцомъ и сняли колпаки въ ожиданіи выхода
какого князя: онъ любилъ всякія звѣриныя потѣхи.

Высокая дверь распахнулась и на площадкѣ
красномъ камзолѣ и въ желтыхъ сапогахъ, держа
руку на осыпанномъ драгоцѣнными камнями кинжалѣ

появился худощавый Ягайло; изъ-подъ сросшихся на переносѣ черныхъ бровей его коринками поблескивали безпокойные глазки; съ узкаго лица свисали жиденькіе усы.

Позади князя стали размѣщаться придворные; будто яркіе, разныхъ окрасокъ, цвѣты клумбой раскинулись у бѣлой стѣны.

Вожаки въ поясъ поклонились князю.

— А ученые собаки у васъ есть?.. теноркомъ спросилъ Ягайло, чуть кивнувъ въ отвѣтъ. — Нѣмцы давно уже ихъ у себя водятъ, а у насъ все по старинѣ, по мужицкому!

— Поищемъ—такъ и мы сыщемъ!.. отозвался главный вожакъ, богатырь съ русой бородой съ просѣдью, закрывавшей его грудь какъ широкая лопата; каріе глаза смотрѣли сквозь заросли волосъ насмѣшливо и сторожно. — И у насъ водится кусъ на боярскій вкусъ. Есть толковый кобелекъ, имячко ему, простите, Панокъ; былъ бы изъ него прокъ, кабы пошелъ ему отъ тебя, княже, паекъ! Имѣется бѣлая сука, только съ ней чистая мука: не будетъ изъ нея прокъ — все дѣлаетъ поперекъ! скажешь ей — лови птицу, она тянетъ за хвостъ кобылицу; велишь — поди попроси, а она думаетъ укуси!

Смѣхъ разнесся по двору. Улыбнулся и Ягайло.

— Ну, ну, болтунъ, показывай!.. произнесъ онъ.

— Эй?! крикнулъ бородачъ, глянувъ назадъ: — заморскіе паны, надѣвайте проворнѣй штаны, являйтесь передъ княжескія очи живо, поклонитесь ему учтиво!

Кучка вожаковъ разступилась и изъ нея, будто держа другъ друга за лапы, вышли на дыбкахъ двѣ собаки, одѣтыя въ мужское и женское платья; на головѣ черной собаки была надѣта на бекрень голубая польская шапка; на бѣлой красовалась четырехъ-угольная розовая; на узенькомъ свободномъ полѣ у крыльца четвероногіе актеры остановились и завертѣлись, не зная, что дѣлать дальше.

— Эхъ вы, вельможи! укорилъ ихъ тотъ же во-

жакъ: — исхарчился я на ваши рожи, даль вам питаніе, а все нѣтъ у васъ никакого пониманія лайте заморскіе гости одолженіе, покажите великому князю свое служеніе!

Собаки сѣли и принялись лаять.

— Ишь ты, вѣдь какъ подлая твари вѣрнутся — стараются — прямо видать, что урвать нибудъ собираются, а какъ кусокъ урвутъ, тѣхней службѣ капутъ!

— Зачѣмъ псы въ нашихъ шапкахъ?.. спрашиваетъ недовольный голосъ.

— А заморскія еще не дошли, пане!.. подхватываетъ бородачъ. — Ежели бы мы были въ Польшѣ, отыскали бы больше: должны были нѣмецкія прислать изъ Берлина, да, видно, не хватило про всякаго!

Вожакъ заставилъ собакъ прыгать черезъ въ поднятыя палки, кувыркатся, ходить на однихъ переднихъ лапахъ и умирать.

Зрители были въ восхищеніи.

Ягайло смѣялся, нѣкоторые паны хмурились. Родная сатира въ тѣ времена была въ ходу.

— Говорятъ, что у васъ на вѣчный миръ Орденомъ что то слажено?.. сказалъ Ягайло. — Не покажи?

Бородачъ замялся, переглянулся съ товарищемъ и почесалъ бороду.

— Мы бы показали, только бы намъ потомъ шею не наклали?.. проговорилъ онъ. — По плачу какъ говорится, встрѣчаютъ, а колѣнкою прощаются!

— Не бойся!.. возразилъ Ягайло: — никто не посмѣетъ этого сдѣлать. — Кто меня веселитъ — тотъ будетъ пьянъ и сытъ! — Онъ засмѣялся и оглянулся на свиту. — А каково? стихъ вышелъ не хуже его!

Съ цвѣтника слышались одобренія.

— Быть по твоему слову, государь!.. согласился вожакъ. — На насъ, дураковъ, не серчай, коли что съ глупу обмолвимся невзначай!

Двое подручныхъ его подхватили собакъ и съ шумомъ заслонили ихъ отъ стороннихъ взглядовъ: черезъ

нугу онѣ выступили опять на заднихъ лапахъ и нѣжно обнявшись передними; платья на нихъ были другія: черный песь былъ закутанъ въ Орденскій нѣмецкій бѣлый плащъ съ чернымъ крестомъ на груди; на лобастой головѣ его былъ укрѣпленъ сшитый изъ тряпья шлемъ; бѣлая собака преобразилась въ литвинку съ вѣнкомъ изъ руты на торчкомъ стоявшихъ ушахъ.

— Съ княжеской его милости дозволенія, начинается представленіе!.. возгласилъ бородачъ. — Видите — честные господа — передъ вами Литва и Германія, обѣ прилагаютъ старанія, чтобы жить - не тужить, въ вѣчномъ мирѣ имъ быть. Эй, подать сюда вѣчнаго мира?..

Одинъ изъ подручныхъ, державшій въ рукахъ деревянный корецъ съ остатками творога на днѣ, подошелъ и поставилъ его между обнимавшимися собаками. Въ тотъ же мигъ оба актера яростно вцѣпились другъ въ друга и, вздымая пыль, клубомъ покатились по землѣ.

Зрители хохотали, держась за животики. И никто не замѣтилъ, какъ одинъ человѣкъ — Лугвеній — скрылся за угломъ главнаго зданія и нырнулъ въ первую попавшуюся ему подвальную дверь.

Глава VIII.

Пользуясь тѣмъ, что все населеніе замка высыпало на дворъ и занялось представленіемъ, Лугвеній и Аукасъ подробно обсудили въ своемъ темномъ убѣжищѣ что дѣлать дальше; рѣшено было, что первый изъ нихъ будетъ скрываться въ подземельяхъ, а когда замокъ скуется сномъ, проберется въ комнату Бейруты и выкрадетъ спрятанное; Аукасъ долженъ былъ сторожить и всячески отвлекать вниманіе подозрительнаго Корибута; товарищъ ключника оказался не

опасным, такъ какъ состоялъ при коняхъ и въ доступа не имѣлъ.

— Какъ думаешь, можетъ нынче ночью чимъ дѣло?.. не выставить ли знакъ?.. спросилъ вѣнѣй.

— Больно ты скоръ!.. возразилъ степеннѣе. — Надо напередъ всѣ распоряжки тепе узнать, не то и себѣ шеи свернемъ и кладъ стѣ. Можетъ и съ недѣлку придется ждаты!

— Съ недѣлку?! ужаснулся Лугвенѣй. — гиня что до тѣхъ поръ станеть дѣлаты!

— Наша забота — свое заданье выполнить, остальное самъ князь рѣшить!

Заговорщики условились о мѣстѣ своихъ вѣщаній и разстались.

Лукасъ поспѣшилъ внутреннимъ ходомъ въ замокъ, чтобы успѣть на свободѣ осмотрѣть стѣны комнатъ Бейруты, а Лугвенѣй скрылся въ черныя глубинахъ за бочками; опознательнымъ знакомъ женихъ былъ служить легкій троекратный стукъ.

Каменная лѣсенка и низкая дверь вывели Аугустиноса въ давно знакомый ему высокій залъ со стрѣльчатъ сводами и окнами; словно живая рать обступили вѣнѣй наго слугу портреты великихъ князей и княгинь; они въ полный ростъ были написаны на оштукатуренныхъ стѣнахъ и въ нишахъ оконъ.

Среди нихъ орлинымъ взоромъ глядѣлъ смѣлый красавецъ Гедиминъ; съ книгой въ рукѣ стоялъ свѣтловолосый и голубоглазый, полный глубокихъ, затаенныхъ думъ, Ольгердъ; опершись на своего испытаннаго друга — широкой мечъ — усмѣхался прямодушный богатырь и народный герой Литвы — сизобородый Кейстутъ; олицетвореннымъ спокойствіемъ и умомъ вѣяло отъ, въ мѣру полного, бритаго Витовта; между князьями размѣщались ихъ жены — кромѣ Бейруты всѣ онѣ были русскія.

Съ трехъ сторонъ разѣвали черныя пасти громады-камины; въ зимнее время въ нихъ раскладывались костры изъ толстыхъ пней и кореньевъ; середину

зала занималъ длинный дубовый столъ, окруженный такими же скамьями и табуретами.

Людей не было ни души; Аукасъ быстро пересѣкъ залъ, пріотодвинулъ край висячаго ковра, часто замѣнявшаго тогда внутреннія двери, и проскользнулъ въ сосѣднюю комнату. Будто рать, закованная въ доспѣхи, наполняла ее: вездѣ блестѣли шлемы, латы и всевозможное оружіе.

Изъ оружейной Аукасъ проникъ въ небольшую, тоже пустовавшую, совѣщательную пріемную съ алымъ кресломъ и табуретами вокругъ стола. Изъ угла ея наверхъ велъ каменный винтъ лѣстницы. Аукасъ птицей взлетѣлъ по ней на третій ярусъ и снова прислушался у ковра: за нимъ безмолствовала дѣтская. Дальше находилась комната Бейруты... изъ нея доносились негромкіе голоса — бесѣдовали двое мужчинъ.

Аукасъ чуть прошелестѣлъ по каменнымъ плитамъ пола къ слѣдующему ковра и сталъ слушать; разговоръ шелъ на польскомъ языкѣ, знакомомъ Аукасу благодаря походамъ съ княземъ Кейстутомъ.

— Лучшаго круля чѣмъ князь Ягайло намъ не найти!.. сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Святая правда, панъ ксендзъ!.. поддакнулъ другой; голосъ его былъ много грубѣе перваго. — Ему бы была только хорошая охота, а остальное его мало интересуеть!..

— Ну, такъ ли еще это — неизвѣстно; важно то, что онъ хочетъ ввести въ Литву нашу святую католическую вѣру. Такъ хорошо налажено уже все, а тутъ вдругъ этотъ принцъ Вильгельмъ вынырнулъ!.. Наши планы могутъ дымомъ развѣяться!

— Это изъ-за тонконогаго-то?.. презрительно отозвался первый. — Чтобы такой молю побитый нѣмейкій сусликъ да нами, милостью Божьей шляхтой, правиль?!.. Голову на плаху кладу — никогда тому не бывать!

Послышался вздохъ.

— Дай, Матерь Божія, чтобы слово пана Сигизмунда оказалось пророчествомъ! Но надо помнить,

что Ядвига-крулева и влюблена въ этого нѣмца... А любовь — это опаснѣйшій подводный камень!

— А мы ей не позволяемъ!.. Послѣдовалъ крѣпкій ударъ кулака по столу.

— Ну, скажи на милость Божью, панъ ксендзъ, кого Богъ раньше создалъ — шляхту, или Ядвигу? Значить она насъ и слушать должна!.. Ей почетъ, а намъ власть!..

Ксендзъ не громко, но одобрительно засмѣялся.

— Панъ Сигизмундъ мудръ, но онъ упустилъ изъ виду, что одна баба тысячею человекъ управлять можетъ, а вотъ чтобы тысяча людей управляла одной бабой — это еще не слыхано! Захочетъ и поставить на своемъ. И всѣ шляхетскія вольности Вильгельмъ отмѣнитъ!

— А мы ее на замокъ запремъ!! пылко воскликнулъ Сигизмундъ.

— А за нее нѣмцы вступятся, Москва. Польша худо станется!..

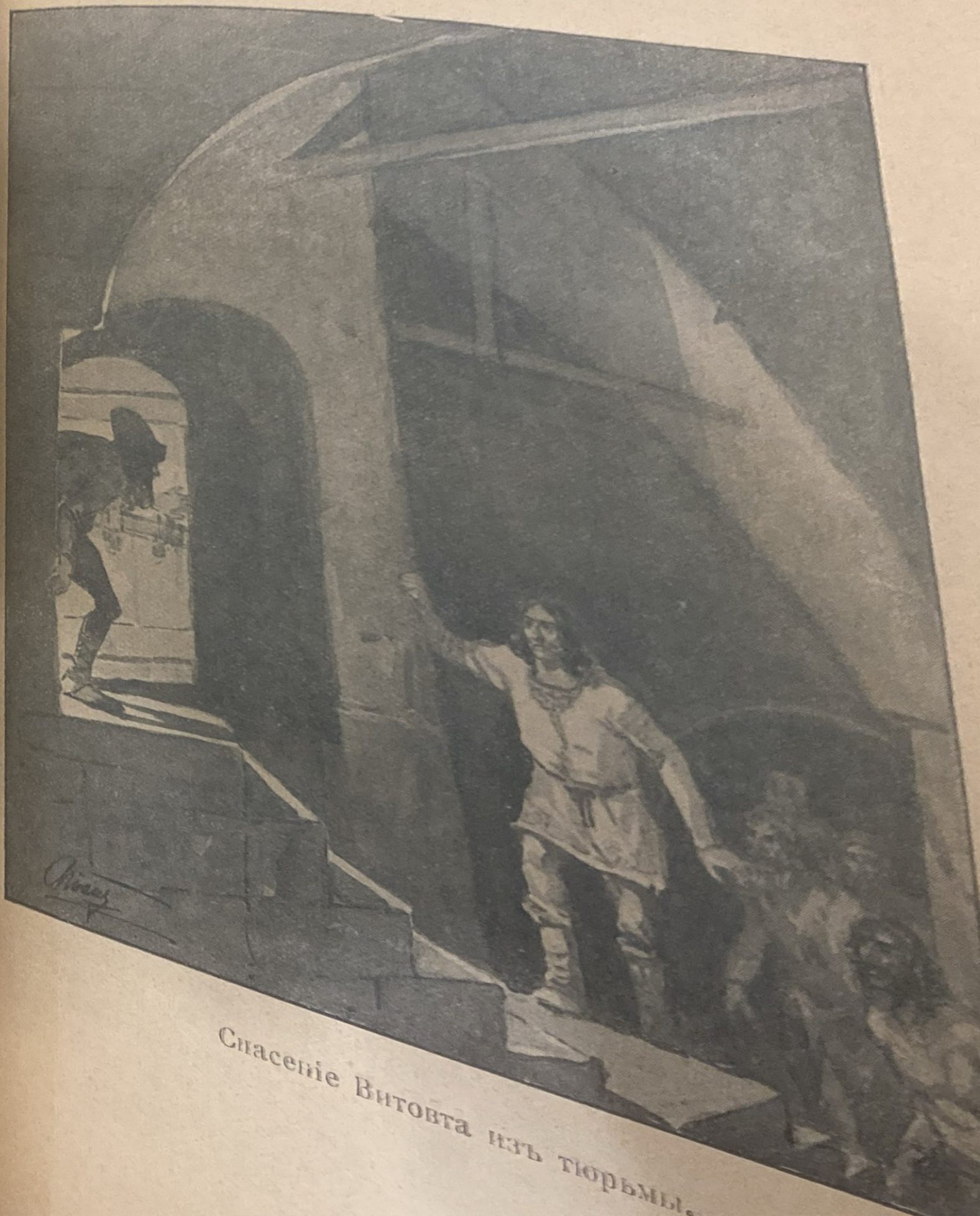
— Въ капусту всю Москву и нѣмцевъ перекрошимъ, клянусь головою!.. Еще мы доберемся до нихъ!

— Слишкомъ много капусты выйдетъ, пане добродзѣю! Нѣтъ, дѣло не такъ просто! Надо предоставить его заботамъ святой нашей церкви!.. Однако, не пора-ли и намъ взглянуть, что на дворѣ дѣлается?.. перемѣнивъ разговоръ, добавилъ ксендзъ.

Стукнули табуреты, слышались грузные шаги; прежде чѣмъ они дошли до ковра, Аукась исчезъ какъ сдутый вѣтромъ. Край завѣсы приподнялся и пропустилъ тучнаго каноника съ совершенно лысой головой, походившей на большую длинную дыню. За нимъ въ синемъ жупанѣ слѣдовалъ рослый усачъ съ подбритою спереди чуприной и смѣлыми, властными глазами; лица у обоихъ были раскраснѣвшіяся.

Аукась выждалъ въ своемъ убѣжищѣ пока голоса не стихли за поворотомъ лѣстницы и бросился въ только что опустѣвшую комнату.

Въ ней все оставалось какъ было при Бейрутѣ; у стѣны подъ алымъ балдахиномъ, увѣнчаннымъ ве-

Спасение Витовта изъ тюрьмы.

ликокняжеской короной и расшитымъ золотыми цвѣтами, за блѣдно-розовымъ кисейнымъ пологомъ намѣчалась кровать новаго были только двѣ постели, сдѣланныя изъ медвѣжьихъ шкуръ на широкихъ скамьяхъ, да безпорядокъ, учиненный на мраморномъ столѣ — на немъ возвышалась росписанная синими и желтыми узорами глиняная сулея и два серебряныхъ кубка, изъ которыхъ только что отхлебывали медъ ксендзъ съ паномъ Сигизмундомъ; по столу растекалась порядочная лужа, капавшая на полъ.

Все это въ одинъ мигъ краемъ глаза окинулъ Аукасъ и метнулся къ пушистому персидскому коври, закрывавшему противоположную стѣну. Аукасъ быстро приподнялъ его и увидалъ черные камни, о которыхъ говорила княгиня Анна: до тайника, повидимому, никто не дотрагивался. Онъ опустилъ коверъ и только тутъ замѣтилъ, что дверь на балконъ открыта настежь и за нею развертывается за вечерѣвшее обширное озеро, все росписанное малиновыми и сиреневыми красками заката.

Аукасъ выглянулъ съ балкона и убѣдился, что стражи съ той стороны по прежнему нѣтъ никакой; онъ висѣлъ высоко въ воздухѣ надъ самой водой; она чуть всплескивала на неприступную бурю стѣну, сложенную изъ громадъ-валуновъ; затуманившаяся даль тонула въ круговыхъ лѣсахъ. На Трокскомъ близкомъ берегу залива заливались соловьи.

Аукасъ быстро оглянулся и шарахнулся въ комнату — слышалась чья-то совсѣмъ близкая, осторожная поступь; успѣть скрыться незамѣченнымъ въ дѣтскую было нельзя и Аукасъ схватилъ сулею и принялся смахивать рукой лужу со стола.

Красный коверъ, скрывавшій третій проходъ, волнисто шевельнулся и выставилось непріязненное лицо Корибута.

— Что ты здѣсь дѣлаешь?.. спросилъ онъ, войдя и подозрительно оглядываясь.

— А то, что панъ подскарбій мнѣ приказалъ дѣлать: убираю!.. спокойно отвѣтилъ Аукасъ.

Клокастыя брови старика насупились.

— Тряпкою надо вытирать, а не рукой!.. промчалъ онъ. — Возьми метлу и тряпку и прибери къ слѣдуетъ!..

Аукасъ отправился внизъ, а Корибутъ покосился ему вслѣдъ и скрылся въ дѣтской.

Нѣсколько разъ въ теченіе вечера Аукасъ замечалъ, что черствый старикъ слѣдитъ за нимъ; беспокоило Аукаса, такъ какъ было необходимо можно скорѣе повидаться съ Лугвеніемъ и предупредить его о новыхъ жильцахъ въ комнатѣ Бейруты.

Тѣмъ не менѣе Аукасу удалось улучшить удобную минуту и непримѣтно скрыться во внутреннихъ переходахъ.

Представленіе медвѣжатниковъ кончилось: по двѣ кучками расплывалась по своимъ мѣстамъ толпа; Аукасъ первымъ проскочилъ въ пекарню, полную запаха хлѣбнаго духа; кромѣ пушистаго бѣлаго козла сладко свернувагося на столѣ калачомъ, иной жижи души кругомъ не было.

Аукасъ схватилъ цѣлый, еще горячій, коровай и пустился по темнымъ переходамъ къ условленному Лугвеніемъ мѣсту.

Впотѣмахъ онъ нашарилъ лавку съ накинутымъ войлокомъ, затѣмъ выждалъ нѣсколько минутъ, чтобы убѣдиться, не слѣдуетъ ли кто-нибудь за нимъ, и отчетливо, трижды, постучалъ по лавкѣ; совсѣмъ близки отвѣтили тѣмъ же и заговорщики встрѣтились.

Пока Лугвеній, не вѣсивъ съ утра, утолялъ свой голодъ и пилъ алюсъ изъ сулей, найденной у одного изъ расходныхъ бочекъ, Аукасъ подробно разсказалъ все, что успѣлъ высмотрѣть новаго въ тѣхъ комнатахъ черезъ которыя предстояло Лугвенію пробираться въ темнотѣ.

Рѣшено было дѣло выполнить въ слѣдующую ночь. Аукасъ взялся раздобыть необходимое количество веревокъ и стоять на караулѣ на винтовочной лѣстницѣ; первымъ, въ видахъ осторожности, долженъ былъ спуститься Лугвеній и убѣдиться, что лодка

ждеть своя; за нимъ шель чередъ заповѣднаго мѣшка; послѣднимъ слѣзаль Аукасъ.

Раннимъ утромъ слѣдующаго дня на зарумяненной солнцемъ сторонѣ замка чуть трепыхалось на легкомъ вѣтеркѣ небольшое полотенце.

Глава IX.

Весь слѣдующій день Корибуть неотступною, безмолвною тѣнью всюду слѣдовалъ по замку за Аукасомъ; во дворѣ слѣжка за нимъ прекращалась и Аукасъ ломалъ себѣ голову, не понимая причины такого поведенія стараго ключника.

Аукасъ покончилъ со своими обязанностями по уборкѣ и послѣ обѣда вышелъ на пустынный въ это время и раскаленный солнцемъ дворъ присмотрѣть, гдѣ бы можно было стянуть веревку; сыскать ее проще всего было на конюшнѣ, и Аукасъ направился къ ней; дверь стояла раскрытою настежь; по бокамъ ея, дымясь, высились двѣ пахучія пирамиды изъ навоза; людей не примѣчалось.

Двѣ ближайшія отъ входа вороныя лошади повернули головы и тихо проржали; сейчасъ же надъ дощатой перегородкой денника поднялась взлохмаченная голова раскраснѣвшагося отъ сна молодого парня - конюха; онъ глянулъ на вошедшаго ничего не соображающими глазами и сейчасъ же повалился обратно; слышался храпъ; поодаль густо басилъ второй.

Аукасъ убѣдился, что конюшня объята сномъ, и подошелъ къ боковой стѣнѣ: тамъ на деревянныхъ колкахъ, среди уздечекъ и ременныхъ возжей висѣло нѣсколько мотковъ веревокъ.

Аукасъ выбралъ болѣе подходящій и запихалъ его подъ куртку; въ карманъ штановъ послѣдовали двѣ пары возжей, и значительно пополнѣвшій Аукасъ

вышелъ изъ конюшни, не обративъ на себя вниманія; онъ не торопясь вернулся въ свои и сдалъ добычу на руки ожидавшему Лугвенію.

Наступилъ наконецъ желанный вечеръ.

Понемногу въ залъ стали заползать свѣтъ, какъ всегда, въ такую пору, въ двухъ проложныхъ каминахъ зажгли по парѣ короткихъ ловъ; колеблющійся красный свѣтъ ихъ озарялъ треты и казалось, что они шевелились и ли мѣняли выраженіе.

Придворные Ягайлы и польскіе гости разлѣлись кругомъ стола и вели сдержанные разговоры. Великій князь былъ не въ духѣ, ни съ кѣмъ не говорилъ и сейчасъ же послѣ ужина удалился въ опочивальню, выбранную имъ во второмъ яру стороны двора.

Послѣ ухода его сразу сдѣлалось шумно и оживленнѣе, чаще застучали чары и тяжелые стѣны флорентійскаго чекана.

За окнами серебрилась весенняя ночь.

Аукасъ въ числѣ другихъ слугъ наливалъ и давалъ напитки и нѣтъ-нѣтъ замѣчалъ на себѣ гнетъ взгляда Корибута, изрѣдка посматривавшаго въ двери.

Задолго до полуночи шляхетство разошлось по своимъ помѣщеніямъ, со стола было убрано и опустѣло. Чадъ и вспыхивая, догорали въ каминѣхъ факелы; скоро весь замокъ застылъ въ темнотѣ и тиши.

Аукасъ съ безпокойствомъ поглядывалъ на часы — подплывать въ такую ночь къ замку въ лодкѣ являлось очень рискованнымъ, грозило захватомъ. Полный тревожныхъ мыслей, Аукасъ направился въ застольную, гдѣ при слабомъ свѣтѣ дымнаго огня еще сидѣло, отдыхая и бесѣдуя послѣ рабочаго дня, нѣсколько пахолковъ и коморниковъ; туда же на минутку появился и Корибутъ; увидавъ ужинавшихъ

Аукаса, онъ ушелъ, шаркая ногою, во-свояси; Аукасъ сообразилъ, что старикъ почему-то считаетъ его присутствіе опаснымъ и подозрительнымъ только въ самомъ замкѣ — ни во дворѣ, ни во всѣхъ другихъ строеніяхъ слѣжки за нимъ не производилось.

Поболтавъ съ товарищами, Аукасъ громко икнулъ, заявилъ — „ну, время и спать идти“ и удалился.

Миновавъ ближайшій корридоръ, онъ снялъ тяжелые башмаки и, захвативъ ихъ въ лѣвую руку, босикомъ, во всю прыть, пустился по хорошо извѣстнымъ переходамъ; у одной изъ винтовыхъ лѣстницъ онъ задержался, прислушался и поднялся наверхъ; вытянутая впередъ ладонь его ощутила коверъ. И въ ту же минуту ухо уловило условленное, почти беззвучное — „ш-ш-ъ“: рядомъ съ нимъ, прижавшись къ стѣнѣ, ждалъ Лугвеній.

За ковромъ послышался зѣвокъ.

— Панъ ксендзъ все не спитъ?.. произнесъ густой мужской голосъ.

— Нѣту сна!.. отозвался мягкій теноръ:— должно быть нужно зачѣмъ то, чтобы я не спалъ!

Лугвеній толкнулъ локтемъ своего сосѣда.

Наступила тишина; кто-то всхрапнулъ.

Аукасъ чуть пріотодвинулъ коверъ. Стала видна часть комнаты; на постеляхъ темнѣли очертанія двоихъ людей; дверь на балконъ была закрыта и мутно-синеватый свѣтъ полосой лился въ узкое и высокое окно.

Ксендзъ вдругъ зашевелился и сѣлъ; немного погодя онъ всталъ на колѣни, сложилъ передъ лицомъ ладони и началъ молиться. Потомъ онъ походилъ по комнатѣ и опять легъ.

— Прирѣзать ихъ?.. на ухо товарищу предложилъ Лугвеній.

— Что ты?! Зачѣмъ?! съ испугомъ прошепталъ Аукасъ и крѣпко схватилъ за руку своего горячаго сообщника.

— А! громко спросилъ ксендзъ, приподымая лову. — Кто тамъ?

Заговорщики замерли.

Ксендзъ свѣсилъ ноги съ постели, всталъ и правился къ ковроу.

Когда онъ приподнялъ его — на лѣстницѣ никого не было; черная глубь безмолвствовала.

— Мышь, должно быть!.. вслухъ подумалъ ксендзъ, опустилъ коверъ и отошелъ обратно.

Снова онъ погулялъ по комнатѣ, затѣмъ открылъ дверь на балконъ; прямо въ лицо ему гляну слегка ущербленный, сверкающій мѣсяцъ. Ксендзъ взялъ табуретъ, поставилъ его у самой балконной шетки, сѣлъ на него и задумался.

Озеро казалось безпредѣльнымъ. Съ берега несло яблонный и черемуховый духъ; занимался рассвѣтъ.

А подъ балкономъ, прижавшись бортомъ къ стѣнѣ, притаилась лодка съ двумя гребцами и Юріемъ руль.

Къ утру все кругомъ задымилось туманомъ. Всѣхъ балконъ обезлюдѣлъ; вглубь по озеру, то пропадая, то появляясь въ бѣлыхъ языкахъ, быстро уходила лодка съ тѣми же тремя удалъцами: первая попытка кончилась неудачей.

Глава X.

Юрій запряталъ лодку въ камышъ и обходными тропками вернулся со своими спутниками въ станъ. Уже взошло солнце.

Всѣ недоумѣвали.

— Ужъ не попались-ли наши?.. съ тревогой спросила княгиня.

— Зачѣмъ попались?.. разсудительно возразилъ Усватъ. — Не бараны, легко не поймаетъ!

— Въ замкѣ было тихо!.. добавилъ Юрій. — Мы всю ночь подѣ балкономъ простояли!

Къ полудню сторожевой, сидѣвшій на берегу, на высокомъ дубѣ, далъ вѣсть, что полотенце съ окна снято и замѣнено маленькой тряпкой; Юрій понялъ, что перемѣна эта была сдѣлана для того, чтобы въ станѣ знали, что съ развѣдчиками ничего не произошло.

Послѣ обѣда солнце скрылось: не по обычному скоро стемнѣло; лѣсъ притихъ, папоротники дышали затхлой сыростью.

Юрій прилежъ отдохнуть въ одномъ изъ шалашей и сквозь сонъ ощутилъ, что чьи-то нѣжныя руки осторожно укутываютъ его вторымъ кафтаномъ. Онъ улыбнулся невѣдомо кому и какъ камень пошелъ на дно...

Утромъ того же дня Аукасъ мель пустовавшую комнату и вдругъ ему почудилось, будто позади кто-то тихо произнесъ: — „псты!“

Аукасъ оглянулся и увидалъ Корибута, манившего его къ себѣ скрюченнымъ пальцемъ.

— Что надо?... спросилъ Аукасъ.

— Поговорить съ тобой хочу... пройди въ мою каморку!..

Лицо старика скрылось.

Недоумѣвая въ чемъ дѣло, Аукасъ забралъ метлу и тряпку и отправился куда было сказано.

Тѣсное жилище Корибута находилось при винныхъ погребахъ; мутный свѣтъ въ него попадалъ только черезъ крохотное оконце, высоко пробитое въ стѣнѣ; его затягивалъ пузырь, заросшій грязью, копившейся десятками лѣтъ; пахло плѣсенью, было душно; стѣны скрывала всевозможная изношенная и даже рваная одежда; на черномъ отъ дыма, низкомъ потолкѣ висѣла паутина; каморка казалась свалочнымъ мѣстомъ, гдѣ среди мусора притыркнули убогую кровать и маленькій столъ съ такой же лавкой.

Корибутъ впустилъ Аукаса, убѣдился, что по зости нѣтъ ушей, вошелъ въ каморку и притворилъ за собой дверь.

Оба сѣли другъ противъ друга.

Аукасъ пристально глядѣлъ на лицо Корибута, оно стало расплываться въ черствой, жадной улыбкѣ.

— Слышь?.. словно внезапно охрипнувъ, выкрикнулъ онъ: — а клада ты безъ меня не добудешь!!

Аукасъ похолодѣлъ, но только вспыхнувшіе мигъ глаза выдали его волненіе.

— Какой кладъ?.. притворился онъ изумленнымъ.

— Не строй дурака!.. отвѣтилъ старикъ. — Знаютъ, что княгиня передъ бѣгствомъ спрятала много серебра и золота!

— Слыхалъ и я. Только съ нею одинъ Омулъ былъ и гдѣ закопано невѣдомо!

— Врешь, врешь!! перебилъ ключникъ. — Опомнись! Другой кладъ закапывалъ, князя Кейстута: по дну озера онъ, сказываютъ! А другой въ самомъ замкѣ спрятанъ. Гдѣ?!

Старикъ перегнулся черезъ столъ и напряженные, ястребиные глаза его запрыгали по лицу собеседника.

Аукасъ выдержалъ искусь.

— Не знаю!.. раздумчиво отозвался онъ. — Невѣроятно, врядъ-ли есть еще второй кладъ!

— Врешь!.. отрѣзалъ Корибутъ. — Кабы не было его — за деньги не заманить бы тебя сюда: ты въ любимчикъ былъ у Бейруты!.. Зачѣмъ явился? Поймай ловушку, ловой вѣдь играешь!

Старикъ слегка стукнулъ по столу кулакомъ, оплетеннымъ, какъ веревками, синими жилами.

— Безъ хлѣба останешься — такъ явишься!.. засмеялся Аукасъ.

Старикъ всталъ съ постели, обогнулъ столъ, обнявъ собеседника лѣвой рукой и опустился на скамью рядомъ съ нимъ.

— Слышь, не отпѣкивайся!.. дѣланно ласково зашепталъ онъ: — Я вѣдь не глупѣй тебя, самъ всѣхъ проведу и выведу!.. хочешь такъ сдѣлаемъ: пополамъ кладъ подѣлимъ? А?.. Безъ меня, вѣдь, горсти земли не вынесешь, на шагъ отъ тебя не отойду!

Наступила минута молчанія.
— Я вѣдь полагалъ, ты за князя Ягайлу стоишь!.. обронилъ Аукасъ.

— Храни меня Перкунъ!! воскликнулъ старикъ. — Тѣфу ему!! — онъ плюнулъ. — И я здѣсь изъ-за клада! Ну такъ какъ же?

— Тайника я не вѣдаю, а гдѣ надо искать его — знаю!

— Гдѣ, гдѣ?..
— Онъ въ бывшей дѣтской подъ поломъ, либо въ княгининой спальнѣ...
— Такъ я и думалъ!! воскликнулъ Корибутъ. На желтыхъ щекахъ его заиграли красныя пятна. — Не зря тебя сразу въ тѣ комнаты потянуло!! Такъ по рукамъ что-ли?

— По рукамъ!.. рѣшительно произнесъ Аукасъ послѣ нѣкотораго раздумья.

Двѣ ладони звучно шлепнули одна о другую.
— Такъ-то вотъ лучше, братъ!.. успокоенно сказалъ старикъ. — Дѣйствуй, на тебя во всемъ полагаюсь!

— Какъ дѣйствовать то, когда тамъ люди живутъ?.. возразилъ Аукасъ.

— Слышь, ничего это... на завтра охота назначена, живой души наверху не останется, всѣ внизу будутъ, я караулить стану!

— Ладно!.. согласился Аукасъ.

— Метлу, смотри, припрядь — намусоришь, когда искать станешь!.. А чѣмъ камни выворачивать будешь?.. ломъ, стало быть, надобенъ?

— Да!.. согласился Аукасъ. — И молотокъ нуженъ, надо стѣны сперва выстукать, — добавилъ онъ, чтобы подозрительный старикъ не усомнился въ его надежности.

— Все будетъ!.. съ короткимъ, довольнымъ скомъ отозвался Корибутъ и судорожно потеръ — Ломъ я въ уголкѣ за ковромъ спрячу. — А се держи вотъ это!.. онъ порылся въ кучѣ всякой д вытащилъ небольшой молотокъ и нѣсколько о ныхъ гвоздей и подалъ ихъ своему пособнику. — спросять — что дѣлаешь — сказывай, что гвоздей казано тебѣ набить! — Ну, бѣги, молодецъ, не т времени зря!

И онъ, въ знакъ особаго расположенія, поди нулъ Аукаса.

Послѣдній сунулъ въ карманъ данныя ему и скорымъ шагомъ пустился по полутемнымъ пер дамъ. На лицѣ его просвѣчивала усмѣшка и есл старый Корибутъ увидалъ ее — врядъ ли бы онъ с продолжать свою затѣю съ Аукасомъ!

Во время полуденнаго отдыха, Аукасъ проп въ берлогу, какъ онъ называлъ свое помѣщеніе, далъ условный знакъ, и рядомъ на постель опусти другая тѣнь — Лугвеній.

Аукасъ сообщилъ товарищу о разговорѣ сори комъ и оба рѣшили воспользоваться удачнымъ паденіемъ обстоятельствъ и привести свой замыс въ исполненіе на сутки раньше — въ ту же ночь.

Уже озеро сдѣлалось лиловымъ; лучи солн ставшаго невидимкой, короной золотились надъ запавшимъ лѣсомъ, когда кучка всадниковъ подска на дымившихся коняхъ къ древнему капищу.

Всѣ воины и слуги высыпали на скатъ холма радостными привѣтствіями; княгиня и Соня съ к комъ бросились навстрѣчу и принялись обнимать скочившаго съ сѣдла Витовта; онъ сильно исхуда давно не бритое лицо заросло русой бородкой, гл сдѣлались строже.

— А отецъ?.. правда?.. у княгини не хвати духа договорить.

— Правда... отвѣтилъ князь.

Соня молча ластилась къ отцу какъ котенокъ; въ глазахъ ея стояли задержанныя слезы.

— Слава Богу, мы опять вмѣстѣ!.. сказала княгиня: — съ тобой сразу спокойнѣе стало!

Это чувство передалось и всему отряду.

Въ костры подбросили вѣтокъ, огни разгорѣлись ярче; Витовтъ сѣлъ на валунъ у входа въ пещеру и сталъ утолять голодъ и сообщать о томъ, что происходило съ нимъ; говорилъ онъ коротко, выразительно.

— Ну, а у васъ тутъ какъ обстоятъ дѣла?.. спросилъ онъ, кончивъ рассказъ.

Княгиня въ свою очередь сообщила объ Лугвеніи и Аукасѣ, находящихся въ замкѣ, и добавила, что беспокоится за ихъ участь.

-- Тревожиться рано!.. возразилъ князь: — при людяхъ достать спрятанное не такъ то легко, какъ тебѣ кажется! Во всякомъ случаѣ вамъ, женщинамъ, надо ѣхать въ Гродно, или къ Янушу, въ Мазовію. Здѣсь для наблюденія останется Юрій съ нѣсколькими людьми...

— А ты гдѣ будешь?.. спросила княгиня.

— Вездѣ!.. отвѣтилъ Витовтъ. — Весь отрядъ разошлю созывать полки!.. либо меня, либо этого Іуды-предателя Ягайлы не будетъ въ Литвѣ!

— Вотъ ему что!! воскликнулъ карликъ, грозя жилистымъ кулакомъ въ пространство.

А тамъ на верху, сквозь вѣтви елей мерцали звѣзды; по росистой тропѣ, ведущей къ озеру, торопливо пробирались Юрій и двое его подручныхъ.

Глава XI.

Красные лучи столбами наклонились изъ око замка надъ темной водою: слуги зажгли въ залѣ факелы.

Аукасъ работалъ вмѣстѣ съ другими; Корибу не обращалъ на него никакого вниманія и только два, невзначай встрѣтившись съ нимъ, хитро незамѣтно подмигивалъ глазомъ.

Подходила пора дѣйствовать: залъ понемногу наполнялся княжескими приближенными и Аукасъ присматривалъ — сошли-ли внизъ обитатели комнаты Беруты; они долго не появлялись; наконецъ, передъ самымъ выходомъ Ягайлы, показались и они.

Какъ только распахнулись, уходившіе чуть подъ самые своды, пестрые ковры и между ними зловоннымъ пятномъ, въ красныхъ сапогахъ и беретахъ появился великій князь литовскій, Аукасъ скрылся бѣгомъ понесся по темнымъ переходамъ къ своему сообщнику.

Лугвеній, могшій судить о времени только по ходьбѣ и говору въ отдаленныхъ корридорахъ, уже давно поджидалъ его; подъ куртку у него были запиханы веревки и возжи, на поясѣ висѣлъ широкій и короткий ножъ.

Чтобы Лугвеній имѣлъ видъ занятого человѣка, Аукасъ добылъ кувшинъ и далъ его нести товарищу, а самъ пошелъ нѣсколько впереди, выбирая отдаленнѣйшіе закоулки, гдѣ менѣе возможно было нарваться на Корибута.

На поворотѣ корридора, какъ разъ около горѣвшаго факела, воткнутого въ стѣну, навстрѣчу имъ попалось двое пахолковъ; оба остановились.

— Это еще что за чучело ты ведешь?.. обратился одинъ къ Аукасу, указывая пальцемъ на Лугвенія.

Тутъ только Аукасъ замѣтилъ, что его спутникъ, нѣсколько сутокъ проведенный въ подземельяхъ, весь былъ извалянь въ пыли и паутинѣ и болѣе походилъ на трубочиста, чѣмъ на коморника.

— Панъ подскарбій приказалъ позвать!.. отвѣтилъ Аукасъ. — Не видали гдѣ онъ?

— Сейчасъ онъ у главнаго входа стоитъ!

Встрѣчные разминулись и заговорщики въ ту же минуту шарахнулись въ другую сторону. Теперь уже каждая секунда была дорога: Аукасъ рѣшилъ повертѣться нѣкоторое время на глазахъ пана подскарбія и Корибута; Лугвеній выбрался на дворъ, обогнулъ главный подъѣздъ и, не привлекая больше ничьего вниманія, вошелъ въ другую дверь и понесъ свой кувшинъ по винтовой лѣстницѣ.

На верху царила мертвая тишина; Лугвеній проскользнулъ въ комнату Бейруты; окно и дверь на балконъ стояли открытыми; въ нихъ глядѣла темная ночь, на закрытомъ тучами небѣ кое гдѣ искрились звѣзды.

Лугвеній метнулся къ стѣнѣ, отодвинулъ очень мѣшавшій коверъ и торопливо сталъ ощупывать выпуклые камни. Найдя подходившіе къ указаніямъ княгини, онъ сразу нажалъ на нихъ; передъ нимъ, легко и беззвучно, подалась во внутрь и повернулась часть стѣны.

Заговорщики полагали, что увидятъ небольшое углубленіе, вродѣ ящика, но на Лугвенія смотрѣла черная впадина почти въ ростъ человѣка величиною. Онъ сунулъ въ нее руку и попытался ошарить стѣны, но всюду встрѣчалъ пустоту.

Гдѣ же мѣшокъ съ драгоценностями?

Въ ту же минуту чуткое ухо его слышало внизу два голоса; одинъ, какъ бы предупреждая, говорилъ особенно громко; по лѣстницѣ стали подыматься грузные и шаркающіе шаги.

Въ одно мгновеніе Лугвеній перешагнулъ черезъ высокій порогъ въ тайникъ и захлопнулъ за собою дверь. Она четко щелкнула.

Лугвеній вытянулъ впередъ руки, сдѣлалъ шагъ впередъ и вдругъ почувствовалъ, что пола подъ нимъ нѣтъ и онъ летитъ куда-то въ бездну, Синей мориіеі блеснула гдѣ-то въ пространствѣ его родная Неврїа, бѣлый замокъ, высокая гора Гедемина и все заволокъ черный туманъ...

Аукасъ, сопровождавшій пана подскарбія, которому понадобилось осмотрѣть спальню Бейруты, понылся вмѣстѣ съ нимъ по лѣстницѣ и, свѣтя какъ факеломъ толстой восковой свѣчей, отпахнулъ край ковра и пропустилъ впередъ своего спутника.

Комната была безлюдна, все находилось на своихъ мѣстахъ и Аукасъ рѣшилъ, что Лугвеній, услыжавъ голоса, спрятался въ дѣтской, или же дальше за нею, подъ второй винтовой лѣстницей.

— На дняхъ изъ Кракова посольство прибудеть! обводя взглядомъ комнату, заговорилъ панъ подскарбій. — Пана ксендза и пана Сигизмунда Окушко рядомъ съ капицей придется перевести — очень много гостей жду — онъ важно покрутилъ усъ — всѣмъ придется потѣсниться! Этотъ этажъ весь подъ пановъ пословъ пойдетъ. Озаботься!.. завтра чтобы все готово было!

Подскарбій заглянулъ въ бывшую дѣтскую и остался доволенъ ея обширными размѣрами; Аукасъ проводилъ его до самаго низа.

Не задувая свѣчи, онъ вернулся на верхъ и по-свѣтилъ въ глубокій закоулокъ подъ лѣстницей — тамъ никого не оказалось. Не было никого и въ дѣтской. Въ комнатѣ Бейруты Аукасъ посмотрѣлъ подъ кровать, потомъ за коверъ затѣмъ вышелъ на балконъ — всюду не было ни души. Отсутствовала и веревка, которую Лугвеній долженъ былъ привязать къ периламъ... это значило, что спуститься оттуда онъ не могъ.

Аукасъ перевѣсился черезъ перила и различилъ внизу у стѣны черную тѣнь лодки; на ней ничто не шелохнулось.

Заговорить съ нею, да еще съ такой высоты, было опасно; оставалось какъ можно скорѣе проникнуть въ тайникъ, гдѣ, быть можетъ, успѣлъ ухорониться Лугвеній.

Аукасъ постучалъ въ стѣну — отзыва не послѣдовало. Онъ прилѣпилъ свѣчу къ столу и отвелъ въ сторону коверъ, — въ углу блеснулъ небольшой ломъ, обѣщанный Корибутомъ; примѣтно выступили двѣ черныхъ булыжины. Аукасъ дакнулъ ихъ и ощутилъ, что стѣна медленно поворачивается; потайной входъ открылся.

— Лугвеній?.. позвалъ Аукасъ, весь подавшись черезъ порогъ.

Отвѣта не было.

Аукасъ вернулся къ столу, взялъ свѣчу и, свѣтя себѣ, осторожно переступилъ во внутрь стѣны; онъ очутился на небольшой площадкѣ, висѣвшей въ пространствѣ; справа внизъ вела крутая каменная лѣстница безъ перилъ. Ни мѣшка, ни сумки на ней не было.

Аукасъ выбрался обратно, взялъ на всякій случай ломъ и, не рѣшаясь оставить ходъ открытымъ, оправилъ коверъ, вошелъ опять въ тайникъ и плотно затворилъ дверь. Со свѣчей въ одной рукѣ и съ ломомъ въ другой онъ, вглядываясь въ темноту, началъ сходить по лѣстницѣ. На ней показались какія-то пятна; Аукасъ нагнулся и увидѣлъ, что то была кровь и при томъ совсѣмъ свѣжая. Недоумѣвая въ чемъ дѣло, онъ поспѣшилъ дальше. И вдругъ Аукасъ выронилъ ломъ и бросился впередъ — передъ нимъ недвижно лежалъ Лугвеній съ облитую кровью головою.

Аукасъ быстро прикрѣпилъ къ камню свѣчу и принялся осматривать товарища.

Лугвеній былъ въ безпамятствѣ, но дышалъ; кости у него какъ будто находились всѣ въ цѣлости: ихъ отчасти спасли веревки, но лобъ и голова были

раскромсаны въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Обмыть и перевязать ихъ было нечѣмъ — надо было вернуться въ комнаты и добыть воды и вина.

Аукасъ вихремъ взвился по лѣстницѣ, на дверь и сталъ пытаться отворить ее; она не поддавалась. Аукасъ сбѣжалъ внизъ, захватилъ свѣчу, свѣтъ ея тщательно осмотрѣлъ стѣну. На серого захолонуло: дверь оказалась сдѣланной изъ стѣйшихъ желѣзныхъ гнѣздъ, въ которыя было глухо вклепаны камни разныхъ размѣровъ: ни з ни другого запора видно не было.

Аукасъ принялся нажимать на нихъ въ разныхъ мѣстахъ, но толку не получалось никакого — дверь подавалась. Начать громить ее ломомъ значило привлечь къ себѣ вниманіе всего замка. Надо отыскивать другой выходъ и Аукасъ набралъ на нѣхъ паутины и сошелъ къ Лугвенію: тотъ дѣла уже лучше, но съ хрипомъ.

Аукасъ залѣпилъ паутиной его раны и пошелъ дальше; ходъ наклонялся, въ подземельѣ дѣлалось сырѣе. Ни слѣва, ни справа не было ни намека на какой-нибудь выходъ. Не сдѣлалъ Аукасъ и три шаговъ, и впереди встала сплошная кирпичная стѣна: корридоръ окончился тупикомъ.

Освѣщая и тщательно осматривая каждую стѣну, Аукасъ обошелъ подземелье разъ и другой — результатъ былъ все тотъ же. Подъ лѣстницей онъ наткнулся на довольно большой мѣшокъ, скрученный веревкой, что его можно было надѣть на спину. Аукасъ ощупалъ его — чувствовались и позвякивали серебряныя вещи — и вернулся къ вариху.

Паутина сдѣлала свое дѣло — остановила течение и Лугвеній пришелъ въ себя; мутные, не понимающіе глаза его ошарили сводъ, за стѣны; онъ потрогалъ голову и приподнялся на локотки. Его привлекли липкія пятна, покрывавшія руки и грудь.

Гонецъ съ вѣстью о бѣгствѣ Витовта.

— Откуда кровь?.. выговорилъ онъ: — что случилось?

— Ты съ лѣстницы слетѣлъ и расшибся... сообщилъ Аукасъ и сѣлъ около товарища.—Худо съ нами, братья!..

Аукасъ открылъ въ какомъ безвыходномъ положеніи они находятся: ихъ ожидала либо голодная смерть, либо смерть на колу — Ягайло не прощалъ людей, становившихся поперекъ его пути, и расправлялся съ ними жестоко.

— Выборъ не великъ!.. сказалъ, окончательно опомнившійся, Лугвеній. — Что-жъ, коли помирать, такъ на людяхъ лучше!.. и мы, можетъ быть, кого-нибудь изъ ягайловцевъ пришибемъ!.. И какъ это такъ мы не догадались спросить у княгини, какъ отмыкается дверь съ внутренней стороны?

— Вотъ поди-жъ ты!.. Аукасъ развелъ руками. — Въ голову не пришло, что можемъ такъ влопаться!.. А какъ со свѣчей быть — ея развѣ на ночь хватить?

— Для насъ теперь все будетъ ночь!.. проговорилъ Лугвеній.

Онъ хотѣлъ встать на ноги, но не могъ — потеря крови ослабила его и онъ только стиснулъ зубы отъ боли въ правой рукѣ, на которую оперся.

— Куда ты? лежи!.. остановилъ его Аукасъ. — торопиться намъ некуда!..

Оба надолго замолчали.

Надъ огонькомъ свѣчи длинной струйкой вилась копоть; Аукасъ снялъ нагорѣвшую часть фитиля; желтый язычокъ ярче озарилъ заживо похороненныхъ; сводъ и стѣны склепа чуть выступали изъ мрака...

Глава XII.

Свѣча сгорѣла больше чѣмъ на половину, когда Лукасъ задулъ ее, предварительно убѣдившись, что въ карманѣ у него имѣется все необходимое для свѣчки огня.

Глубокая тьма затопила подземелье.

А на дворѣ уже брезжилъ разсвѣтъ; по озеру отъ замка, походившаго на бурья высокія скалы, беззвучно удалялась лодка.

— Что то опять ихъ нѣтъ?.. вполголоса переговаривались сидѣвшіе въ ней. — А знакъ прежній виситъ!.. все-ли у нихъ благополучно?

Юрій завелъ лодку въ глубь камышей, спряталъ ее и отправился съ двумя своими спутниками по дорогѣ, ведущей изъ Старыхъ Трокъ въ Новыя, къ замку. Путь былъ небезопасный, поэтому Юрій, несмотря на неудобство пробиранья по лѣсу, пошелъ опушкой. Только что успѣли они сдѣлать полверсты — позади послышался глухой топотъ — быстро скакала лошадь.

Юрій сдѣлалъ знакъ и всѣ трое припали между корнями столѣтнихъ елей на влажный мохъ. Мимо всю прыть пронесся всадникъ въ темномъ кафтанѣ и въ зеленомъ колпакѣ.

— Гонецъ откуда то!.. шепнулъ одинъ изъ людей Юрія.

Всадникъ скрылся за поворотомъ и, уже не потревоженные ничѣмъ, развѣдчики вернулись въ свой станъ.

Витовтъ выслушалъ докладъ Юрія и приказалъ татарину разослать всадниковъ для сбора лошадей.

— Зачѣмъ собирать: вечеръ придетъ онѣ сами придутъ!.. возразилъ татаринъ.

— Какъ, сами придутъ?.. удивился Витовтъ.

— Конямъ трава надо, а въ замкѣ какой трава? Табунъ въ ночное погонять!..

— Вѣрно!.. согласился князь. — Такъ ты займись этимъ дѣломъ: оно тебѣ привычное!

Татаринъ молча мигнулъ глазками.

Въ полдень дозорные дали знать съ дуба, что бѣлая тряпка виситъ на стѣнѣ замка по-прежнему.

Томительно тянулся этотъ день въ станѣ у капища. Люди были распределены княземъ по мелкимъ отрядамъ и каждому была дана своя задача и назначено мѣсто для дѣйствій; Юрію предстояло остаться добывать спрятанныя драгоценности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдить за дѣйствіями Ягайлы.

Было уже за полдень, когда отдыхавшаго Витовта осторожно разбудилъ татаринъ.

— Папа-князь?.. тихо позвалъ онъ, войдя въ пещеру.

Чутко спавшій князь быстро сѣлъ на подостланной медвѣжьей шкурѣ.

— Что тебѣ?.. спросилъ онъ.

— Мингайло изъ замка пришла.

— Что говорить? Зови его сюда!..

— Аукасъ пропалъ...

— Схватили?

— Нѣтъ. Самъ не знай гдѣ!..

Поднялась и княгиня; изъ-за ея спины выглянуло внимательное личико Сони.

Татаринъ вышелъ и вернулся съ Мингайломъ.

— Здравствуй, старина!.. привѣтливо проговорилъ Витовтъ.

Старикъ бросился цѣловать руки княжеской четы.

— Что случилось?

— Ума не приложу, княже!.. Корибутъ весь замокъ обыскалъ со слугами — нѣтъ его нигдѣ, какъ въ воду сгинулъ!

— А Лугвеній гдѣ? задала вопросъ княгиня.

— Не знаю... былъ отвѣтъ: — Аукасъ сказывалъ, въ подвалахъ онъ гдѣ-то прячется... ни одна душа до сихъ поръ не вѣдаетъ, что онъ въ замкѣ!

— Что же бы это такое значило?.. пророни
Витовтъ. — Пережидаютъ они, должно быть, мѣш
вынести все не могутъ!..

— А мнѣ чудится, что Аукасъ въ бѣдѣ!.. прои
несла княгиня. — Нужно какъ можно скорѣй вы
чать его!

— Такъ и сдѣлаемъ!.. отвѣтилъ князь. — Но ра
онъ до сихъ поръ не найденъ, значитъ близкой опа
ности ему пока не угрожаетъ; надо выждать Лугвені

— Пошли меня, княже?.. вызвался карликъ, в
вернувшійся изъ-подъ ногъ людей, скопившихся у п
щеры.

— Ты слишкомъ примѣтенъ!.. возразилъ В
товтъ. — Время есть, что-нибудь придумаемъ! Да
добавилъ онъ: — сказывали, гонецъ утромъ сегод
прискакалъ въ замокъ. Не слышно, съ чѣмъ присла
онъ?

Мингаило усмѣхнулся.

— Добрую вѣсть привезли ему: что ты бѣжа
изъ Крево. Онъ на конѣ уже сидѣлъ, — на охо
ѣхать собирался, когда коморникъ пригналъ. И с
сѣдла слѣзь и охоту отставилъ, съ лица даже спа
сразу!.. Лютовалъ потомъ въ замкѣ страсть какъ
На шкафъ рѣзной наткнулся, такъ весь его на щеп
изсѣкъ!.. Боится онъ тебя, княже: не глядя на ден
ворота на запорѣ стоятъ и мостъ поднять приказан

— Чуетъ коршунъ, что орелъ близко!.. пыл
воскликнулъ Андрей.

Вечеромъ, въ часы ужина, по опустѣлымъ комн
тамъ верхнихъ ярусовъ замка прокрадывался Корибутъ

У каждой стѣны, у cadaго угла онъ останавл
вался и припадалъ, ухомъ къ холоднымъ камнямъ
надеждѣ слышать какой-либо звукъ. Уйти изъ за
ка и унести сокровище Аукасъ не могъ — воро
были на запорѣ; исчезновеніе лома указывало, что о
спрятался въ какомъ-то тайникѣ, даже, быть может
стоитъ тутъ же, за стѣной плечомъ о плечо съ Кор
бутомъ и смѣется въ глаза ему.

Лицо старика было озлобленно; изрѣдка онъ тихо стоналъ и тотчасъ же подозрительно оглядывался кругомъ: ему казалось, что стонетъ кто-то другой за его спиною.

Стѣны безмолвствовали. Тѣнь продолжала свой напряженный дозоръ.

— Аукась?.. проговорилъ въ полной тѣмѣ голосъ Лугвенія.

— Что?.. немного погода отвѣтилъ позванный.

— Не изъ-за Христа ли все такъ съ нами стряслось?

— Изъ-за какого Христа?

— А того, въ котораго вѣрить княгиня Анна... пока мы молились своимъ богамъ — все шло хорошо, а какъ впустили Христа — и великій князь погибъ и мы съ нимъ!

— Не знаю!.. подумавъ отвѣтилъ Аукась. — Давно, еще дѣдамъ, было предсказано, что крестъ придетъ въ Литву. — Что должно случиться -- того не избѣгнешь!..

— Значить Перкунасъ слабѣе Христа? Но, вѣдь, Христа убили люди, а нашего бога никто не убивалъ?

— А Христось взялъ и воскресъ!

Лугвеній зашевелился.

— Неужели можно воскреснуть?! спросилъ онъ.

— Княгиня Анна и русскіе жрецы увѣряютъ, что можно!.. Христось много творилъ чудесъ!..

— Попить бы! обронилъ Лугвеній. — Душа за-томила!.. онъ чмокнулъ нѣсколько разъ губами.

Аукась не отвѣтилъ.

Еще двѣ ночи караулила подъ балкономъ лодка и возвращалась безъ всякаго успѣха.

Погода испортилась; день и ночь лилъ дождь; платья на людяхъ отсырѣли насквозь; костры были разведены въ пещерѣ и подъ особенно развѣсистыми елями. Не было удачи и татарину — табунъ изъ замка почему-то не выгоняли.

Наступала совсѣмъ черная третья ночь.

Глава XIII.

— Питы!.. питы!.. повторилъ нѣсколько разъ веній, едва выговаривая слова спекшимися губами; корчился на землѣ и судорожно разгребалъ ее руками, будто ища воду.

Аукасъ стиснулъ зубы и не шевелился: помоги товарищу онъ ничѣмъ не могъ и его тоже жгла и мучила жажда.

Лугвеній изрѣдка торопливо бормоталъ что-то невнятное.

— Вода, вода!! вдругъ закричалъ онъ, совершенно очистившись отъ хрипоты, звучнымъ голосомъ.

Лугвеній вскочилъ на ноги и бросился куда-то во тьму; Аукаса овѣяло будто порывомъ вѣтра; послышалось шлепанье ладоней по камнямъ.

— Гдѣ?.. гдѣ?.. забормоталъ Аукасъ, стараясь высѣчь искру и зажечь крохотный огарокъ, остававшійся въ распоряженіи погребенныхъ.

Загорѣлся слабый огонекъ.

Лугвеній растрепанный, съ лицомъ чернымъ отъ заскорузшей на немъ крови, съ безумными, воспаленными глазами ошаривалъ холодную стѣну.

— Брось!.. сурово проговорилъ Аукасъ, подойдя къ товарищу и обнимая его за плечи.

Лугвеній стихъ, посунулся внизъ и сталъ падать; рядомъ повалился, старавшійся удержать его, ослабѣвшій Аукасъ.

— Промжимасъ зоветъ насъ на гору Суда... скажаль послѣдній:—помолись ему и не волнуйся больше: теперь мы скоро умремъ!..

— Не хочу!! воскликнулъ Лугвеній. — Христось, спаси насъ!!...

Аукасъ задулъ огарокъ и тьма опять скрыла все.

Слышалось свистящее дыханіе Лугвенія; временами онъ засыпалъ, затѣмъ внезапно начиналъ бредить и что то выкрикивать и опять затихалъ.

Тяжелое, глубокое забытье овладѣло Аукасомъ...

Толчокъ въ плечо, затѣмъ второй и третій — заставили его очнуться.

Аукасъ съ трудомъ разомкнулъ отяжелѣвшій вѣки и провелъ въ пространствѣ около себя рукою.

— Что?.. спросилъ онъ, нашаривъ Лугвенія — тотъ стоялъ около него на колѣняхъ.

— Христосъ здѣсь!.. выдохнулъ изъ себя потрясенный Лугвеній.

— Гдѣ?! Аукасъ сталъ озираться и сѣлъ; вѣра, съ какой были произнесены эти два жуткія слова, пробудили его окончательно.

— Ц-с-с!! Лугвеній стиснулъ руку сосѣда... Онъ ходитъ!

Аукасъ прислушался: дѣйствительно шорохъ легкихъ шаговъ по мелкой галькѣ былъ явствененъ.

— Крыса это... тихо проговорилъ Аукасъ.

— Нѣтъ!.. Онъ сейчасъ подходилъ ко мнѣ, я видѣлъ его — онъ свѣтился! — Христосъ, помоги! громко воскликнулъ Лугвеній, и будто въ отвѣтъ ему глухой гулъ наполнилъ корридоръ; видно по-прежнему ничего не было.

— Ужъ не на Судной ли горѣ мы съ тобой?.. предположилъ Аукасъ.

Опять гулъ, но уже болѣе сильный, раскатился подъ сводами.

— Христосъ это!.. Онъ и Промжимасъ борются!..

Лугвеній крѣпко вцѣпился въ руку товарища; ознобъ, трясшій его, передался и Аукасу.

Грохнулъ новый, невѣроятной силы ударъ и что-то синевато-мутное блеснуло и погасло въ воздухѣ.

Грохотъ болѣе не повторялся, но синія вспышки участились и вскорѣ сдѣлались почти непрерывными; появлялись онѣ все въ одномъ и томъ же мѣстѣ — подъ серединой стѣны корридора, наискосокъ отъ прижавшихся другъ къ другу плѣнниковъ.

Аукасъ сообразилъ, что это отсвѣтъ зарницъ и что разъ онѣ проникаютъ въ подземелье — значитъ тамъ имѣется какое - нибудь отверстіе, выходящее наружу.

Аукасъ отыскалъ ломъ, поспѣшилъ къ загадочному мѣсту и нащупалъ щель.

— Вздуй скорѣй огонь!! приказалъ онъ товарищу: — здѣсь дверь!

Лугвеній съ трудомъ высѣкъ трясшимися руками огонь и сталъ свѣтить Аукасу. Тотъ ударилъ въ середину двери ломомъ и она зазвенѣла; сдѣлана она была изъ толстаго желѣза и такъ хорошо выкрашена подъ кирпичную кладку, что отличить ее отъ стѣны можно было только случайно. Она была заперта на внутренній замокъ, скрытый за нарисованными кирпичами.

Аукасъ подсунулъ ломъ подъ дверь и сталъ пытаться поднять ее съ петель; это оказалось ему не подъ силу и онъ принялся громить стѣну въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ по его разсчету должны были находиться желѣзные кулаки.

Кирпичъ подавался легко и сыпался изъ-подъ лома дымившимся потокомъ. Послѣ нѣсколькихъ долгихъ передышекъ оба крюка были выбиты изъ стѣны и дверь медленно накренилась и повалилась на полъ.

Передъ плѣнниками открылся небольшой естественный гротъ; выхода изъ него не имѣлось; сейчасъ же за дверью находилась узенькая песчаная отмель; свѣтъ огарка отразился въ чемъ то темномъ, будто отполированномъ.

— Вода!! прохрипѣлъ Лугвеній, оттолкнулъ товарища и, какъ обезумѣвшій, бросился впередъ.

Аукасъ едва успѣлъ удержаться на ногахъ, а Лугвеній пластомъ повалился прямо подъ воду и скрылся подъ нею.

Черезъ мгновеніе голова его показалась обратно; глубина доходила ему до подмышекъ, онъ стоялъ и, булькая какъ лошадь, жадно глоталъ свѣжую влагу.

Аукасъ опустился на песокъ и припалъ къ ней ртомъ. Наслажденіе было безконечное!

— Эй, будетъ!.. окликнулъ онъ Лугвенія, но тотъ не слыхалъ ничего и только пилъ и пилъ безъ конца.

— Довольно, говорю!.. прикрикнулъ Аукасъ. — Заболѣешь вѣдь!.

Лугвеній сдѣлалъ усиліе, поднялъ лицо, постоялъ и вдругъ жадно набросился на воду снова. Наконецъ онъ оторвался окончательно и принялся обмывать лицо и раны.

Аукасъ тѣмъ временемъ осматривалъ стѣны грота; выхода изъ него не было — прихотливо изорванные стѣны вставали прямо изъ воды. Можно было предположить, что это потайной внутренній колодезь, устроенный на случай осады.

Но откуда же въ такомъ случаѣ прорывался въ корридоръ свѣтъ зарницъ? Днемъ онъ видны не бывають, значить стояла ночь и надо было дожидаться разсвѣта и доискиваться до настоящаго выхода.

Спать бѣглецы улеглись въ гротъ, поближе къ водѣ; оба по нѣскольку разъ вставали и пили сколько могли.

А въ какихъ-нибудь двухъ саженьяхъ отъ нихъ всю бурную черную ночь прокачалась подъ стѣной замка лодка Юрія.

Г л а в а XIV.

Когда Аукасъ открылъ глаза, ему почудилось, что онъ уже на томъ свѣтѣ.

Онъ и Лугвеній лежали на берегу крохотнаго озера. Кругомъ все заполняли странные, полупрозрачные сумерки; со свода низко свисали сталактиты; поверхность воды казалась стеклянною. Ни окна, ни отдушины кругомъ не было, между тѣмъ у противоположной стѣны вода излучала слабое сіяніе.

Проснулся и Лугвеній.

Аукасъ раздѣлся и слѣзъ въ воду; дно было песчаное и онъ, осторожно нащупывая его ногой, добрался до середины грота; дальше пришлось уже плыть. Около свѣтившагося мѣста Аукасъ уцѣпился за выступъ и убѣдился, что свѣтъ исходилъ снизу, черезъ воду, и что части стѣны въ томъ мѣстѣ не имѣлось.

Перехватываясь руками за явно нарочно оставленные выпуклости, Аукасъ набралъ въ грудь побольше воздуха и погрузился въ воду у самой стѣны. Недвижно-раскрытые глаза его увидали мутно-желтые лучи, пронизывавшіе кристальную воду до самого дна; щекотнувъ его плавникомъ, мимо прошла большая рыба съ красными глазами.

Аукасъ быстро вынырнулъ на поверхность.

На него глянуло ослѣпительное солнце, синее небо, синее озеро; свѣжесть и бурная радость охватили пловца.

Онъ находился у островка, на которомъ высился замокъ; подъ стѣной былъ виденъ заросшій колючимъ терновникомъ каменистый бугоръ; подъ нимъ съ необыкновеннымъ искусствомъ былъ скрытъ гротъ.

На высотѣ, на висячемъ балконѣ, словно въ люлькѣ, сидѣло двое богато одѣтыхъ людей — въ золотистомъ и аломъ кунтушахъ. Аукасъ замѣтилъ ихъ и мгновенно скрылся подъ водою. Черезъ минуту онъ, фыркая и отдуваясь, вынырнулъ въ гротъ.

— Наконецъ-то!! облегченно произнесъ Лугвеній: онъ стоялъ уже раздѣтый и собирался спасти товарища.

— Будемъ живы!! есть выходъ!! объявилъ Аукасъ, выбираясь на бережокъ.

— Слава Христу!! набожно проговорилъ Лугвеній.

— Почему Христу?.. удивился Аукасъ.

Лугвеній не отвѣтилъ.

До ночи времени оставалось еще довольно и, чтобы заполнить его бѣглецы, перетащили изъ-подъ

лѣстницы въ гротъ драгоцѣнную кладь; чтобы облегчить переносъ ея въ пробоину подъ водой, къ мѣшку была привязана длинная веревка.

Потянулись безконечные часы; голодъ дѣлался все нестерпимѣе, и, чтобы обмануть его, плѣнники жевали кожаные концы вожжей и запивали жвачку водою.

Свѣтившаяся часть озерка въ пещерѣ померкла, затѣмъ потемнѣла совершенно; надо было торопиться покидать свое убѣжище.

Бѣглецы сняли верхнее платье, связали его узломъ, спустили въ воду мѣшокъ и въ однѣхъ рубахахъ подтащили его, насколько позволяла глубина, къ мѣсту выхода; Аукасъ, держа локтемъ веревку, нырнулъ первымъ; за нимъ послѣдовалъ его товарищъ.

Солнце только что закатилось; за потемнѣвшимъ просторомъ озера пылалъ въ огнѣ заката сосновый лѣсъ; лиловымъ заревомъ недвижно стояли подъ нимъ длинныя облака.

Совсѣмъ прижавшись къ стѣнѣ, бѣглецы осторожно выволокли наружу свою добычу и прилипли, какъ стрижи, подъ бережкомъ.

Невдалекѣ на отмели посвистывали неугомонныя кулики; загукала выпь; лѣсной пожаръ и облака надъ нимъ погасли, темнота быстро стала заволакивать міръ.

Еще немного и Аукасъ передалъ конецъ веревки своему товарищу и поплылъ въ глубь озера — тамъ чуть слышно стукнула уключина.

Появилась лодка; съ нея тоже примѣтили плывущаго человѣка и весла застыли на размахѣ; изъ воды протянулась рука и ухватилась за бортъ; показалась голова и двое гребцовъ помогли ея владѣльцу взобраться въ лодку.

— Ты, Аукасъ?.. шопотомъ освѣдомился Юрій, правившій лодкой.

— Я!

Аукасъ, молча, пробрался на корму и взялся за рукоятку руля: разговоры были опасны, такъ какъ вода далеко и четко передаетъ каждый звукъ.

Лодка подчалаила къ бугру; Лугвеній сунул
нее узелъ съ одеждой, затѣмъ влѣзъ самъ и, съ
мощью гребца, втащилъ мѣшокъ; лодка повернула
стала таять во тьмѣ.

Огни замка тѣсною кучкою звѣздъ свѣтили
небѣ...

— Стой!! раздалось изъ непроглядной тьмы,
ружавшей капище.

— Это я, Юрій!.. отозвался голосъ. — Б
упреди князя, что Аукасъ и Лугвеній съ нами ид

— Слава Перкуну!! воскликнулъ сторожевой.
слышался быстрый бѣгъ и черезъ нѣсколько мин
все капище наполнилось яркимъ свѣтомъ, движеніе
и шумомъ. Часть воиновъ похватала горящія суки
спустилась съ холма навстрѣчу шедшимъ; Витовтъ
княгиня Анна подошли къ воротамъ.

На тропкѣ между лохматыми елями обозначили
трое человѣкъ; двое изъ нихъ на палкахъ, будто
носилкахъ, несли грузный мѣшокъ; они поднялись
холмъ и по обычаю преклонили колѣна передъ княж
ской четой.

— Вотъ казна твоя, княже!.. произнесъ Аукасъ.

Витовтъ и Анна обняли и расцѣловали обоихъ.

Мѣшокъ съ драгоценностями положили около п
щеры и пока ослабѣвшіе отъ голодовки выручате
клада насыщались у одного изъ костровъ, у другого
огня на медвѣжьихъ шкурахъ расположились Витовтъ
съ княгиней и Соней и слушали повѣствованіе Юрія
Его смѣнили Аукасъ и Лугвеній; плотная толпа во
новъ, замеревъ, не упускала ни одного слова ихъ.

Витовтъ снялъ съ своей руки золотое кольцо и
взялъ другое у княгини.

— Вотъ вамъ на память объ этихъ дняхъ!.. про
изнесъ онъ, протягивая каждому по драгоценному
дару. — Богъ дастъ придетъ время, когда я лучше
съумѣю отблагодарить васъ, друзья мои!

Аукасъ и Лугвеній низко склонились передъ княжеской четой: даръ его былъ особо почетень въ тѣ времена.

Наговорившись, всѣ стали расходиться по мѣстамъ и Юрій почувствовалъ, что кто то осторожно тронулъ его сзади за локоть. Онъ оглянулся и увидалъ Соню.

— А это тебѣ отъ меня!.. шопотомъ сказала она. — Возьми... оно наговорное... а то я буду бояться, что тебя убьютъ!..

На ладони Юрія блеснуло колечко, но не успѣлъ онъ раскрыть рта для отвѣта — княжна уже исчезла въ пещерѣ.

По замку поползли странные слухи.

Гости, засидѣвшіеся на балконѣ, видѣли, что кто то утонулъ близъ острова; для поисковъ утопленника была послана лодка, но ни на берегу, ни въ водѣ его найдено не было; при провѣркѣ слугъ не оказалось Аукаса и было рѣшено, что утонулъ именно онъ. Какъ могъ произойти такой случай — никто не могъ постичь!

Часть обитателей замка еще раньше слышала неясный гулъ: онъ нѣсколько разъ доносился откуда то изъ подъ земли; слуги съ факелами обыскали подземелья, но они были безлюдны и безмолвны.

Особенное впечатлѣніе произвела на всѣхъ вѣсть о появленіи привидѣнія; его встрѣчали блуждающимъ по комнатамъ, главнымъ образомъ на верху... оно пробиралось вдоль стѣнъ и таяло при появленіи людей.

Ягайло, больше всѣхъ своихъ подданныхъ боявшійся злыхъ духовъ и привидѣній, приказалъ отслужить мессу и толстый каноникъ послѣ нея окропилъ всѣ комнаты освященной водой.

Утромъ татаринъ разослалъ десятокъ воиновъ на розыски липъ для добычи мочалы. Посланные скоро вернулись съ цѣлыми пуками ея и около капища началась спѣшная вязка недоузdkовъ и поводьевъ.

Драгоценности были вынуты и переложены въ четыре небольшихъ мѣшка; татаринъ захватилъ часть воиновъ и исчезъ съ ними въ чащу. Около полудня ожидавшіе въ капищѣ люди слышали трескъ и топотъ и разсыпались цѣпью по лѣсу; то здѣсь, то тамъ между лохматыхъ елей и кустовъ стали показываться настороженные конскія головы; число ихъ все увеличивалось и наконецъ около развалинъ плотнымъ потокомъ сбился огромный, разномастный табунъ; воины принялись зануздывать и привязывать коней къ деревьямъ; лошади ржали, другія всхрапывали и, прижавъ уши, брыкались; шумъ разносился какъ на ярмаркѣ.

Витовтъ, окруженный семьей, стоялъ у входа въ капище и смотрѣлъ на конское наводненіе; будто изъ подъ ногъ лошадей, согнувшись какъ обычно, вынырнулъ старый Махмудъ.

— Есть кони, папа-князь... успокоительно заявилъ онъ.

Витовтъ улыбнулся.

— Вижу, что есть!.. отвѣтилъ онъ. — Да ты, никакъ, весь замковый табунъ угналъ?

— А весь!.. подтвердилъ татаринъ. — Дома только головъ десять осталось.

Трое воиновъ подвели къ Витовту кучку связанныхъ людей.

— Это кто такіе? спросилъ князь.

— Табунщикъ... сказалъ татаринъ. — Онъ коней сторожилъ, а мы ихъ самихъ ловилъ — весь тутъ!

— Ну что-жъ?.. проговорилъ Витовтъ: — пусть прокатятся съ нами денька на два пути, а тамъ выпустить ихъ!

Лошадей съ избыткомъ хватило на весь отрядъ. Витовтъ назначилъ мѣстомъ общаго сбора Гродну и приказалъ садиться на коней.

Капище и поляна быстро опустѣли; еще не успѣлъ стихнуть въ лѣсу удалявшійся шумъ отъ копытъ, какъ небольшая стая воронъ опустилась на зубчатые верхушки елей, затѣмъ слетѣла на землю и среди черныхъ круговъ, оставшихся отъ костровъ, началось карканье и драка птицъ изъ за разбросанныхъ, плохо обглоданныхъ костей.

Глава XV.

Дремучіе, непроѣздные лѣтомъ лѣса раскидывались на всемъ пространствѣ между Троками и Гродной.

То вплавъ черезъ часто встрѣчавшіяся рѣки, то по серебрянымъ песчанымъ и совершенно обнаженнымъ горамъ, либо по болотамъ и бревенчатымъ гатямъ вель трудный пятидневный путь между двумя названными городами.

Первые двое сутокъ погода держалась прекрасная, къ третьему полдню синее небо стало закрываться мѣдными щитами изъ облаковъ.

Татаринъ поглядывалъ на нихъ и торопилъ отрядъ: вдругъ смерклося, а длинная вереница людей находилась на опасномъ мѣстѣ — посрединѣ безконечной качающейся гати; кругомъ залегала трясина.

Смерклося еще болѣе; по начавшему чернѣть небу, словно лохмотья тряпокъ, проносились сизые обрывки тучъ; брызнуло серебро дождя.

Татаринъ остановилъ отрядъ, соскочилъ съ коня и сталъ укутывать княгиню и Соню въ теплые одѣяла; всѣ принялись накидывать на себя что довелось — кто попону или потникъ, кто запасные кафтаны. Надъ болотомъ взвѣялись листья и мелкіе сучья, изъ нихъ разомъ выросъ и закрутился воронкой высокій смерчъ. Ливень хлынулъ потопомъ; тьма наступила какъ ночью; кони то и дѣло оскальзывались на мокрыхъ бревнахъ.

Татаринъ ѣхалъ между княземъ и княгиней, готовый ежеминутно придти на помощь, въ случаѣ бѣды.

Чугунными шарами прокатился вверх молнія освѣтила стѣну изъ безчисленныхъ сизыдей дождя.

— Ничего, мама-князь!.. произнесъ татарин. Скоро сохнутъ будемъ, деревня близко!

Обѣщаніе Махмута исполнилось: гать кончилась твердая земля и невдолгъ впереди мутно свѣтился огонекъ; гроза кончилась, бурный ливень превратился въ обыкновенный дождь, на дворе свѣтлѣло.

Отрядъ сталъ подыматься въ гору; кругомъ мѣли высокія сосны; на просторной полянкѣ темнѣло нѣсколько длинныхъ, похожихъ на сараи, избъ. Навѣснѣ двери въ нихъ стояли открытыми и видны были стры, горѣвшіе въ ямахъ, вырытыхъ среди пола; слышались люди, раздавался собачій лай, на пороги выскочили ребятишки и взрослые.

Отрядъ сталъ спѣшиваться и привязывать лошадей къ плетнямъ и подъ навѣсами.

— Да это жъ князь и княгиня наши!! закричала какая-то старуха, всплеснула худыми руками и бѣжала навстрѣчу нежданнымъ гостямъ. За ней кинулись и старъ и младъ и черезъ какую-нибудь минуту пробужденное населеніе деревеньки все столпилось кругъ Витовта, его жены и дочери.

Съ промокшихъ насквозь путниковъ текла вода, въ тѣмъ не менѣе всѣ хватали и цѣловали полы и платья; радость была всеобщая.

Княжескую чету съ почетомъ ввели въ самую большую и чистую избу и пока шло переодѣваніе, земляной полъ былъ застланъ коврами, нанесенными изъ всей деревней; въ костеръ навалили дѣловую гору дровъ, кругомъ него разложили мягкія подушки.

Мужчины ловили и рѣзали барановъ и куръ; женщины жарили ихъ на вертелахъ, пекли рѣпу, во многихъ мѣстахъ тогда замѣнявшую хлѣбъ, доставляли огромные жбаны съ алюсомъ и липовые ковши. Для угощенія воиновъ разрубили на части убитого въ то утро тура и понесли ихъ жарить по другимъ избамъ.

Трокскій замокъ. Бѣгство изъ подземелья.

Витовта, переоблачившагося въ лучшій, бѣлый кафтанъ хозяина, усадили, какъ на престолѣ, на грудѣ подушекъ у самаго огня; по обѣ стороны его помѣстились, тоже переодѣвшіеся въ крестьянскія платья, княгиня и Соня; дѣвушки навѣшали на княжну все, что имѣли лучшаго — бусы и запястья изъ разноцвѣтнаго стекла.

Все свободное пространство избы заполнилось сбѣжавшимися жителями. И взрослые, и старики, и дѣти, затаивъ дыханіе, слушали разсказъ князя обо всемъ случившемся. Освѣщенный пламенемъ Витовтъ казался спокойнымъ, но всѣ, видѣвшіе его прежде, сразу замѣчали двѣ глубокія складки, вновь просѣкшіеся у него между густыми бровями; строже и глубже сдѣлался взглядъ умныхъ глазъ.

Слушатели ахали, многіе плакали, другіе шептали проклятія Ягайлѣ... какъ единый сказочный мигъ пролетѣлъ тотъ вечеръ и ужинъ поселянъ съ ихъ высокими гостями.

На ночь татаринъ разставилъ въ разныхъ мѣстахъ сторожевыхъ и скоро маленькая деревушка зацѣпѣла во снѣ.

Дождь пересталъ; шумѣли сосны — будто водопадъ ревѣлъ гдѣ то вдали.

Еще трое сутокъ пробирался по дебрямъ лѣсовъ княжескій отрядъ, то таявшій отъ разсылокъ въ разныя стороны гонцовъ, то вновь разроставшійся отъ прилива новыхъ людей; къ полдню шестого дня развернулась обширнѣйшая низина; за ней на высокой горѣ прямыми темными линіями намѣчались земляные валы, укрѣпленные заостреннымъ частоколомъ изъ вѣковыхъ, цѣльныхъ дубовъ; изъ за него выглядывали буря, валунныя стѣны небольшого замка и тѣсно сбившіеся кругомъ него строенія горожанъ; надъ лубяными и соломенными кровлями подымалась красная церковь во имя святыхъ Бориса и Глѣба.

Отрядъ выбрался изъ лѣса и остановился; крестились.

— Слава Богу!.. набожно произнесла Анна; уже дома!!

Зоркій степной коршунъ, Махмутъ, долго врывался въ открывшійся городъ: около воротъ и горой примѣтны были какія то передвигавшіяся тѣни.

— Наши... проговорилъ татаринъ. — Тебя, князь, ждутъ!

Какъ бы подтверждая слова его, изъ ложины реди выскакалъ на небольшомъ буромъ конѣ всадникъ, затащивъ поводъ и, осмотрѣвъ появившихся, повелъ коня и стремглавъ понесся обратно.

Витовтъ и его спутники двинулись къ городу оттуда, съ криками радости, сыпались съ горы пѣни и скакали на лошадахъ всадники, махавшіе кто широкимъ, кто зеленой вѣткой. Еще четверть часа — и толпа горожанъ окружили Витовта и Анну, цѣловали имъ ноги и руки и съ торжествомъ повели подъ уздцы ихъ коней.

— Да сдохнетъ собака - Ягайло!.. Местъ еси, мѣсть!! съ разныхъ сторонъ доносились возбужденныя голоса.

Княжескій поѣздъ втянулся въ ворота подъ высокую и широкую деревянную башню и свернулъ въправо къ замку; тамъ встрѣтили привѣтственные крики слугъ и воиновъ, и звуки мѣдныхъ и берестяныхъ трубъ, гулкіе, частые удары литавровъ, перенятыхъ литовцами у татаръ. Маленькій замковый дворъ весь загроможденъ людомъ: всѣмъ хотѣлось еще и еще посмотреть на своего князя и послушать его слово.

— А никакъ въ Гроднѣ пожаръ?.. переговаривались между собой вечеромъ того же дня жители окрестныхъ деревень, глядя на кровавое пятно зарева проступившаго на небѣ. — Ужъ не крыжаки ли пожегали?

Тревога распространилась по ближайшимъ селениямъ; многіе жители побѣжали въ лѣсъ за конями,

женщины бросились связывать вещи и подготавливаться къ уходу въ дебри лѣсовъ. Мужчины съ луками и копьями сѣли на дорогѣ въ засады, чтобы въ случаѣ бѣды задержать хоть ненадолго враговъ и дать возможность угнать скотъ и скрыться старымъ и малымъ.

Еще издали, по топоту всего двухъ коней обитатели деревень слышали, что скачутъ гонцы, и высыпали имъ навстрѣчу.

— Князь Витовтъ вернулся!! кричали еще на лету всадники. — Смерть проклятому Ягайлѣ!.. чуть-свѣтъ воиновъ присылайте!..

— А Гродна почему въ огнѣ?.. спрашивали голоса.

— Костры это да бочки смоляныя горятъ... отвѣчали вѣстники. — Плясъ идетъ на площади, пѣсни поютъ, вездѣ музыка!..

И ночные гости уносились дальше подъ звѣзднымъ небомъ на своихъ неутомимыхъ конькахъ.

Глава XVI.

На другой же день закипѣли работы по укрѣпленію замка и города; на третьи сутки въ Гродну прибылъ большой отрядъ, собранный Юріемъ на Меречанкѣ; Юрій пріѣхалъ съ обвязанной головою — у него въ дорогѣ произошла стычка со встрѣтившимися поляками.

Только что послѣдніе всадники успѣли втянуться въ ворота и прогрохотали цѣпи, поднявшія мостъ, къ глубокому рву, опоясывавшему городъ, подѣхалъ всадникъ въ красномъ платьѣ и замахалъ какою то грамотой.

— Отъ его свѣтлости, великаго князя Ягайлы письмо къ князю Витовту!.. прокричалъ пріѣзжій.

Мостъ грузно опустился снова; письмо принялъ начальникъ стражи, но въ городъ гонецъ, несмотря на его требованія, впущенъ не былъ — незачѣмъ ему было видѣть, какія мѣры приняты для охраны Гродны.

Витовтъ сидѣлъ въ небольшой, но высокой, просто обставленной комнатѣ за дубовымъ столомъ, вершковъ пяти толщиною, и что то писалъ бѣлыми лебединымъ перомъ; два маленькихъ окна этой комнаты глядѣли съ кручи обрыва на синій Нѣманъ, лѣсные просторы за нимъ.

Въ залѣ, выстланной известняковыми плитами, раздались тяжелые шаги, и когда князь поднялъ голову — въ дверяхъ стоялъ одѣтый въ кольчугу и чальникъ предмостныхъ воротъ.

— Письмо тебѣ, княже, изъ Трокъ отъ Ягайлы, какъ бы опасаясь дать волю зычному голосу, проговорилъ вошедшій; за нимъ показались лица княгини и нѣсколькихъ приближенныхъ.

Большіе глаза Витовта почернѣли; онъ сжалъ бритыя губы, взялъ грамоту, сломалъ восковую печать и погрузился въ чтеніе.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ жестко усмѣхнулся и протянулъ письмо княгинѣ.

— Прочти вслухъ... проговорилъ онъ: — во какой у насъ хорошій и добрый братецъ!

— „Любезный братъ и другъ!.. нѣсколько взволнованно начала княгиня. — Скорблю всею плотью и душой и въ отчаяніи отъ того, что неожиданно произошло съ моимъ безцѣннымъ дядей, а твоимъ оцемъ. Нѣсколько окаянныхъ пьяницъ самовольно, безъ чьего либо вѣдома и приказа убили его. Да вызоветь это дѣло раздора между нами и готовъ присягнуть тебѣ на чемъ угодно, что я не повиненъ въ смерти дяди, а если ты и отецъ твой и были взяты подъ стражу, такъ только потому, что было выпущено лишнее и такія размолвки на пирахъ между родственниками всюду часты и зла помнить за нихъ нечего.“

Очень жалѣлъ, узнавъ, что ты убѣждалъ Крево: если бы остался тамъ на два часа дольше, увидалъ бы гонцовъ и стражу, которыхъ я послалъ за тобой, чтобы со всею почестью освободили тебя и проводили ко мнѣ. Врагамъ нашимъ нужно ссорить насъ, они клеветаютъ, но ты не вѣрь ядо-

той злобѣ, а вѣрь мнѣ: твое мѣсто всегда въ сердцѣ у меня. Пріѣзжай скорѣй въ Троки — поговоримъ и всѣ недоразумѣнія разсѣются какъ дымъ.

Если тебѣ будетъ угодно, то повѣшу еще десятокъ, или два, остолоповъ — только назови кого именно".

Княгиня опустила руку съ письмомъ и обвела взглядомъ присутствовавшихъ; всѣ стояли нахмуренные, суровые.

Витовтъ вопросительно перевелъ глаза на боярина Кучко.

— Заманительная грамота!.. рѣшительно выска- зался тотъ. — Ни слову въ ней вѣрить нельзя!

— А родственниковъ великой княгини Бейруты кто же умучалъ — тоже пьяные что ли?.. рѣзко ска- залъ другой.

— Западно опять тебѣ, княже, готовятъ!.. пре- достерегъ третій.

— Старъ я сталъ для такихъ ловушекъ!.. произ- несъ Витовтъ. — Отвѣтимъ и мы письмомъ ему!..

Князь приказалъ кликнуть писца и явился не- высокій человѣкъ съ полукруглою челкой на лбу и съ желтыми волосами, спадавшими на плечи; онъ вынулъ изъ за собственнаго уха гусиное перо, попро- бовалъ его на ногтѣ большого пальца, склонилъ го- лову къ плечу и рука его легко и быстро заскользила по бумагѣ, выдѣлывая хитрые выкрутасы на началь- ныхъ буквахъ красныхъ строкъ.

— „Любезный братъ!.. не спѣша говорилъ Витовтъ. — Слово человѣческое великій даръ Божій и осквернять его ложью у насъ, на Литвѣ, дѣло неслыханное даже между послѣдними людьми. Поэтому вѣрю твоей великокняжеской клятвѣ, что въ крови моего отца, а твоего дяди, повинны только одни негодяи, которымъ нѣтъ названія, и да будутъ они прокляты въ настоя- щей и будущей жизни.

Что же касается до нашего свиданія, то пріѣхалъ бы къ тебѣ съ радостью, да въ пути

растеръ ремнемъ отъ стремени ногу и она п
кинулась болѣть. Поэтому теперь жду тебя
себѣ въ гости, и встрѣчу тебя съ подобающ
честью и даю крѣпкое слово, что отъ меня те
бѣжать не придется!“

— Хорошо!.. одобрилъ Кучко, когда писецъ,
приказу Витовта, вслухъ прочиталъ грамоту. — Под
вится отъ злости нечистый духъ, когда раскуси
загвоздочки!

Писецъ прилѣпилъ восковую печать; Витовтъ, в
съ тою же усмѣшкой на губахъ, притиснулъ ее со
ственнымъ перстнемъ и Ягайловъ гонецъ, будто кра
ный факель, на ворономъ конѣ понесся съ этимъ
письмомъ обратно въ лѣсныя дебри.

Дворъ Гродненскаго замка наполнился вооружен
ными всадниками и на топотъ и ржанье коней из
оконъ выглянуло нѣсколько дѣвичьихъ лицъ; среди
нихъ Юрій запримѣтилъ Соню; зоркая княжна мгно
венно исчезла.

Юрій передалъ въ распоряженіе Лугвенія приве
денныхъ людей, а самъ поспѣшилъ съ докладомъ къ
князю.

Только что онъ сталъ взбѣгать по внутренней
узкой лѣстницѣ и обогнулъ колонну, чьи то двѣ бѣ
лыя руки не то оперлись, не то упали на его грудь—
передъ нимъ стояла княжна. Лицо ея было блѣдно.

— Что съ тобой?.. почему ты въ крови?.. взвол
нованно спросила она, заглядывая въ глаза ему.

— Да пустое... царапина!.. поляковъ пришлось
поучить немного у корчмы!.. отвѣтилъ онъ, радостно
улыбаясь

— Напали?

— Не то, что напали, а привязались... порубиться
пришлось!

— Глубоко поранили?.. очень болитъ?

— Совсѣмъ немного... тряпка только попачкана кровью!

Внизу зазвучали шаги и разговоръ оборвался; княжна исчезла какъ бѣлое облачко.

Каждый день изъ разныхъ мѣстъ Литвы стали стекаться въ Гродну сторонники князя Витовта; начали возвращаться и развѣдчики, отправленные въ Вильно и Троки, и новости, привозившіяся ими, были таковы, что у замка постоянно шумѣлъ народъ, желавшій узнать ихъ: поляки стали пріобрѣтать при дворѣ великаго князя все большій вѣсъ; въ столицѣ идутъ непрерывные пиры и празднества и въ то же время собираются полки противъ Витовта.

Однажды передъ самымъ закатомъ солнца прибылъ развѣдчикъ изъ Кракова. Не успѣлъ онъ вѣхаться на замковый дворъ, какъ уже весь городъ облетѣлъ слухъ, что онъ привезъ особенно важныя вѣсти; ворота были немедленно заперты и человѣческія волны хлынули къ замку.

Витовтъ приказалъ допустить въ залъ, сколько окажется возможнымъ, людей и сѣлъ съ княгиней въ кресла съ высокими спинками; по бокамъ ихъ на скамьяхъ и табуретахъ размѣстились бояре и приближенные; горожане и воины заполнили всю остальную часть помѣщенія. У ногъ княгини полуулегся карликъ; изъ-за плеча ея, будто обугленная головешка, высматривало лицо татарина; Соня устроилась на низенькой скамеечкѣ, прильнула къ колѣнямъ отца и равнодушно поглядывала на Юрія: она уже успѣла нѣсколько разъ поддразнить его разными способами; теперь ей очень хотѣлось сдѣлать ему нось, но при такомъ многолюдствѣ учинить это было невозможно и княжна ограничилась тѣмъ, что будто совершенно не замѣчала Юрія; онъ не понималъ, въ чемъ дѣло, и безпокойно поглядывалъ на нее.

Чтобы собравшіеся лучше видѣли и слышали княжескаго посланца, была принесена скамья и на нее

всталъ высокій бритый человѣкъ со свѣтлыми волосами и съ холодными пристальными глазами. Шопотъ въ залѣ затихъ.

— Князь Ягайло заключилъ съ поляками договоръ... громко, такъ что услышали въ самыхъ дальнихъ углахъ, произнесъ развѣдчикъ. — Условія такія: Ягайло обязался жениться на ихъ королевѣ, Ядвигѣ, и сдѣлается королемъ польскимъ, а Литва навѣки сливается съ Польшей!

— То-есть, какъ это сливается?.. грубо спросилъ кто-то изъ глубины залы; — ковшъ алюса, что ли, Литва?

Нѣсколько человѣкъ засмѣялось.

— Да, должно быть, что такъ!.. согласился развѣдчикъ — Волей Ягайлы, Литвой отнынѣ будутъ править польскіе паны: насъ подчинили имъ. Ягайло приметъ ихъ вѣру и насъ всѣхъ переведетъ въ нее!

Возбужденный говоръ прокатился по залу.

— Продали Литву!! рявкнулъ голосъ...

— Братоубійца!.. Литва споконъ вѣковъ свободной была!.. подхватили другіе и въ залѣ разразилась буря.

— Вѣруемъ, какъ хотимъ!.. Не допустимъ ничьей руки надъ собой!.. загремѣли крики... — Не рабы мы, чтобы нами торговать!!

— Долой Польшу и Ягайлу!..

— Война имъ!..

Карликъ вскочилъ на свои ноги-колеса.

— Тссс, тише!! закричалъ онъ во всѣ легкія. — Дайте, пустомели, умному человѣку слово сказать! — Да развѣ Ягайло женится?! Это мы его замужъ выдаемъ, только больно ужъ много приданаго хотятъ получить поляки за этой невестой!..

Залъ отозвался хохотомъ и одобреніями.

— А я такъ смекаю, что этимъ договоромъ Ягайло свою шкуру оберегаетъ!.. произнесъ бояринъ Кучко.

Витовтъ остановилъ на немъ внимательные глаза. Онъ сидѣлъ опершись щекой на ладонь и вслушивался въ горячіе толки.

— Трусъ, вѣдь, онъ: за женскую спину отъ тебя спрятался!

— Правда, правда! подхватили кругомъ.

— Слышишь, Сонюрка? шутливо обратился Витовтъ къ дочери и нѣжно погладилъ ее по бѣлокурой головѣ. — А ты укроешь меня за своей спиной, коли часъ такой придетъ? Дѣло, какъ видно, къ тому клонится!

Соня подняла на него синіе васильки свои.

— Укрою, папочка!.. рѣшительно отвѣтила она.

Витовтъ засмѣялся, довольный своею шуткой, потрепалъ дочь по зарумянившейся щекѣ, затѣмъ приподнялъ руку и буря въ залѣ затихла.

— Война счетъ любить!.. сказалъ князь. — Сейчасъ враги сильнѣе насъ. Будемъ кричать о войнѣ, когда будемъ готовы къ ней... А теперь съ Богомъ идите по домамъ, пора ужинать!..

И онъ и княгиня поднялись съ креселъ и пошли во внутренніе покои среди разступавшагося и кланявшагося люда.

Лучи заката ворвались въ окна зала, и алая полоса легла на противоположныя стѣны. Витовтъ и Анна вспыхнули въ полусумеркахъ пурпурнымъ видѣніемъ и исчезли за дверью.

Глава XVII.

— Вставай, вставай, безстыдница!.. ворчала мамушка, будя сладко разоспавшуюся княжну. — Всѣ поднялись давно, дѣвчата уже въ лодку садятся, въ лѣсъ на ту сторону за грибами ѣдутъ!

Соня вскочила съ постели и въ одной рубашкѣ, босикомъ, бросилась къ окну и высунулась до пояса.

Сводчатую комнатку ея заливало солнце; роспись изъ яркихъ цвѣтовъ, травы и разнообразныхъ птицъ

покрывала стѣны сверху до низу; окошко смотрѣло
будто просвѣтъ между двумя елями.

— Нянька, ты лгунишка!! воскликнула княжна.
Обѣ лодки на берегу лежатъ и ни души нѣтъ ни

— Развѣ?.. посмѣиваясь произнесла Маремьяна
Никитишна. — Ну, стало быть, обозналась... глаза
у меня не твои, не молоденькіе! Да и чѣмъ, какъ
конями да лодкой, и разбудишь тебя!

— Старая, а врунья!.. укорила княжна, отходя
отъ окна. — А и въ самомъ дѣлѣ хорошо бы было
тотъ берегъ съѣздить? Грибовъ тамъ теперь, должно
быть, что листвы на дубахъ! И погода чудесная...

— Еще чего придумай?.. возразила нянька. —
Тутъ война, войски всякія шлѣются, а она на-ка что
затѣваетъ? Садись за пряжу лучше.. ишь тебѣ како
веретенце красивенькое сдѣлали — золоченое!.. Гдѣ
оно, кстати?

— Я его еще третьяго дня на крышу забросила

— Ахъ ты озорная, озорная!.. нянька покачала
головой. — И въ кого ты такая задалась? Мальчиш
кой бы тебѣ слѣдъ было родиться!..

— Нянечка, милая, поѣдемъ въ лѣсъ?.. скучно
дома, однѣ каменные стѣны кругомъ!..

Княжна обняла свою собесѣдницу и, какъ коте
нокъ, стала тереться головой объ ея щеку и шею.

Нянька растаяла.

— Ну, ну, не поддѣлывайся ко мнѣ, все одно не
поѣду!.. будто сердито заявила она.

Княжна осыпала ее поцѣлуями.

— Поѣдешь, поѣдешь!! радостно завосклицала
она. — Собирайся скорѣй!

— Да пусти, бѣшенная... уронишь меня!.. отбояри
валась Маремьяна Никитишна. — Умывайся лучше, а
я къ матушкѣ-княгинѣ спроситься пойду!

Не прошло и получаса, малая желѣзная дверь,
выводившая изъ замка на обрывъ надъ Нѣманомъ,
распахнулась и на небольшую площадку высыпало
нѣсколько дѣвушекъ; пестрой вереницей онѣ стали
сбѣгать къ водѣ по деревянной, казавшейся безконеч-

ной, лѣстницѣ съ поручнями по сторонамъ; за шумной молодежью въ перевалку колыхалась толстая нянюшка, очень напоминавшая курицу, высидѣвшую утятъ; позади всѣхъ съ лукомъ за плечами плелся старый орангутангъ Махмутъ; на спинѣ у него висѣла волчья шкура.

— А что это, какъ будто одна изъ лодокъ пропала?.. сказала на срединѣ лѣстницы Уля. — Я сверху двѣ видѣла!

Въ отвѣтъ она получила крѣпкій толчокъ локтемъ отъ Сони, находившейся рядомъ съ нею.

— Молчи!.. шепнула княжна.

Уля оглядѣлась, не понимая въ чемъ дѣло, а Соня перегнала ее и бѣжала уже далеко впереди.

Пока татаринъ сволакивалъ лодку съ песка, дѣвушки занимались пусканьемъ камешковъ - прыгунковъ, затѣмъ наполнили лодку такъ, что бортъ ея всего вершка на три оказался выше воды.

Нянюку ввели подъ руки.

— Ай, батюшки, страсть какая!! говорила она, зажмуривъ глаза: — дѣвоньки, не шевелитесь, смирно сидите, потопнемъ всѣ!

Быстрина разомъ подхватила лодку и помчала ее подъ замковой горой; лѣсъ противоположнаго берега приближался. Татаринъ, не торопясь, работалъ веслами; лодку несло съ неудержимой силой и черезъ нѣсколько минутъ словно цвѣты разсыпались по желтой отмели Нѣмана: грибницы принялись взбираться по откосу.

Татаринъ долго стоялъ у воды и, вытянувъ шею, смотрѣлъ внизъ по теченію, гдѣ рѣка дѣлала крутой изгибъ: тамъ онъ завидѣлъ часть кормы второй лодки. Татаринъ перевелъ взглядъ на лѣсъ и на морщинистомъ лицѣ его проступила хитрая усмѣшка. Онъ, не торопясь, послѣдовалъ за своими спутниками.

Вѣковую чащу огласилъ щебетъ молодыхъ головъ. Тысячелѣтніе дубы весело откликались; плыволга, ей заворилъ свѣжій дѣвичій голосъ, затѣмъ второй; было прохладно, радостно, сказочно!

Разомлѣла отъ лѣсного духа нянька, околдовали ее бѣлые грибы-крѣпыши, не разобрало ее старое ухо, что вдругъ перестали аукаться и пѣть Соня и Уля, не примѣтили старые глаза, что какія то двѣ знакомыя мужскія тѣни перебѣгали, будто отъ башни къ башнѣ, отъ дерева къ дереву и все ближе подбирались къ пѣвуньямъ!

Видѣлъ ихъ только, незримый самъ, степной волкъ — татаринъ; онъ взобрался на поваленное толстое дерево, на диванъ лѣсной изъ бархатнаго моха и, освѣщенный пробившимся лучомъ солнца, что пригрѣвшійся котъ, прикурнулъ тоже; убаюкивающе шелестѣли дубы, перекликались въ зеленомъ царствѣ дѣвушки... дрема прикрыла глаза татарину.

Кто его знаетъ, долго ли спалъ онъ, только вдругъ встрепенулъ, сѣлъ и заводилъ носомъ по воздуху — зачудился ему конскій топотъ и людская молвь. Какъ бѣлка соскользнулъ онъ со своего примятаго логова и исчезъ между дубами.

По лѣсной тропѣ ѣхало четверо всадниковъ; на нихъ блестѣли высокіе шлемы — мисюрки; всѣ были одѣты въ кольчуги, за спинами виднѣлись луки, у боковъ побрякивали сабли. Передній былъ еще совсѣмъ юноша съ темными усиками и глазами; блѣдное лицо его носило печать утомленія; онъ кутался въ теплый армякъ, накинутый на плечи.

На шагъ позади шелъ, поматывая головой, вороной конь; на немъ сидѣлъ статный, сильный человѣкъ среднихъ лѣтъ съ черной бородкой и властнымъ, самоувереннымъ лицомъ; двое остальныхъ имѣли при сѣдлахъ по парѣ переметныхъ сумъ и выглядѣли слугами.

— Скоро ли будетъ эта Гродна?.. утомленно, съ болѣзненнымъ раздраженіемъ спросилъ юноша. — Сказывали до нея верстъ двадцать, а мы вотъ уже третій день ихъ ѣдемъ!

— Теперь скоро... вчера, вѣдь, проплутали много!.. отозвался чернобородый.

— Ну да и лѣса же здѣсь, Господи твоя воля!.. дубы то какіе — обхватовъ на десять... у насъ и ба-шенъ такихъ нѣтъ!

— Богъ съ ними совсѣмъ!.. проговорилъ молодой.
— Лечь бы мнѣ гдѣ нибудь?

— погоди, потерпи... сказалъ чернобородый и на лобъ его набѣжали заботныя морщинки: — надо до жилья добратся, иначе трясавица еще злѣй станетъ — до смерти затрясетъ. Приневоль себя!

— Пить хочу... все нутро горить!.. вымолвилъ больной, сбрасывая армякъ на спину лошади. — Жарко!.. щеки его стали покрываться малиновыми пятнами.

Скоро впереди заизумрудилась полянка, среди нея темнымъ зеркаломъ проглянуло небольшое болотце. Чернобородый спрыгнулъ съ сѣдла, снялъ съ себя шлемъ, зачерпнулъ имъ воды и подалъ своему спутнику. Тотъ съ жадностью припалъ къ ней.

— Ау?! долетѣло изъ отдаленья.

— Ау!.. отозвалось въ другой сторонѣ.

Всадники сбились въ кучу; больной пересталъ пить, всѣ внимательно слушали. Ауканье стало доноситься изъ разныхъ мѣстъ; въ блѣдныхъ сумеркахъ между деревьями кое гдѣ свѣтились и золотились полосы и бляхи изъ солнечныхъ лучей. Ни души живой видно не было.

— Ужъ не русалки ли, борони Боже?.. проговорилъ высокій слуга, сидѣвшій на большомъ рыжемъ, нѣмецкомъ конѣ.

Всѣ перекрестились: судя по голосамъ, путники попали въ самую середину все сжимавшагося кольца изъ невѣдомыхъ существъ.

— Мы съ крестами, что намъ подѣлается!.. увѣренно произнесъ чернобородый. — Селенье здѣсь не близко ли?

— Ау?! звонко раздалось почти рядомъ въ орѣховыхъ кустахъ.

Они раздвинулись, и въ зеленой рамѣ появилась и окаменѣла Сося съ кошелкой въ рукѣ; всадники отъ неожиданности застыли на коняхъ.

— Здравствуй, боярышня!.. мы люди мирные привѣтливо проговорилъ чернобородый, — не бой насъ!

— Я никого не боюсь!.. вызывающе отвѣти придя въ себя, княжна. — А вы кто такіе?

— Мы купцы москвичи. Ворочаемся къ себѣ домой, да вотъ сбились въ лѣсу съ дороги и товарищи какъ на грѣхъ, захворалъ!.. Не укажешь ли, какъ до жилья до какого нибудь добратся?

— Гродно совсѣмъ близко. Ступайте за мною. Черный, скрюченный пенъ, находившійся на ближнемъ мшистомъ камнѣ-валунѣ, вдругъ зашевелился, соскочилъ въ траву и вынырнулъ рядомъ съ княжной. Лошади шарахнулись и захрапѣли.

— Лѣшій!.. въ испугѣ проронилъ второй слуга помоложе и помогутнѣе на видъ, едва сдерживая своего скакуна.

Соня съ недоумѣніемъ оглянулась и засмѣялась.

— Это Махмутъ, мой дядька!.. пояснила она: — не опасайтесь ничего!

Ауканья приближались; княжна отозвалась, и тогда здѣсь, то тамъ стали показываться дѣвушки съ луками и кошками, полными грибовъ.

Увидавъ незнакомыхъ всадниковъ, онѣ зашарахались, было, назадъ, но сейчасъ же вернулись и окружили княжну; у ближайшаго дуба, держа луки наготовѣ, настереглись Андрей и Юрій.

— Русскіе гости ѣдутъ!.. крикнула Соня. — Лодки готовьте!.. Няня, гдѣ ты?

— А спитъ нянька!.. добродушно сказалъ татаринъ. — Баба старикъ, на солнышкѣ угрѣлся!

Всадники, кромѣ больного, послѣзали съ коней и, ведя ихъ въ поводу, пошли за неожиданными встрѣчными.

Уля пустилась бѣжать впередъ, отыскала старуху, прикурнувшую на бугоркѣ, на солнцепекѣ, и разбудила ее.

Нянька съѣла и поправила повязку на головѣ.

— Чтой то я будто вздремнула чуть чуть?.. проговорила она и вдругъ увидала коней и людей въ кольчугахъ и въ шлемахъ.

— Батюшки мои!.. откуда же это чужаки взялись?! съ испугомъ добавила она и поднялась на ноги.

Уля объяснила, что произошло; Маремьяна Никитшна внимательно разсмотрѣла приближавшихся и привѣтливо поздоровалась съ ними.

Впереди заблестали голубые просвѣты.

— Нѣманъ, Нѣманъ!! заговорили дѣвушки. — Вонъ и городъ уже видать...

Лѣсъ зеленой тучей остался за спиной у всѣхъ. За стальной ширью рѣки вздыбалась крутая гора съ темнымъ вѣнцомъ изъ частокола, башенъ, домовъ и церкви; вверхъ вела почти отвѣсная, высоченная деревянная лѣстница. Глубокій, какъ пропасть, Нѣманъ все отражалъ въ своихъ безднахъ.

На берегу нянька изумилась снова.

— Что за чудеса!.. заявила она. — Была одна лодка, а теперь двѣ рядышкомъ стоятъ! Вы то, молодцы, откуда взялись?.. обратилась она къ хлопотавшимъ на отмели Юрію и Андрею.

— Рыбку думали половить, Маремьяна Никитшна.. съ лукавой усмѣшкой отозвался Андрей.

Нянька погрозила ему пальцемъ.

Дѣвушки прежнимъ порядкомъ разсѣлись въ своей лодкѣ; другая оказалась поменьше и въ ней помѣстилось только трое мужчинъ. Лошадей разсѣдлали; коренастый слуга сталъ на кормѣ и взялъ на длинные поводъ двухъ изъ нихъ; кони вошли въ воду по брюхо, затѣмъ разомъ потеряли дно подъ собой, ухнули по уши, всплыли и, похрапывая, плавно понеслись за лодкой по теченію.

Татаринъ высадилъ на берегъ дѣвушекъ и отправился за ожидавшими на другой сторонѣ.

На деревянной башнѣ рѣзко и звучно протрубилъ мѣдный рогъ; далеко вверхъ и внизъ по рѣкѣ прокатился сигналъ — сторожевые Гродны завидѣли высаживавшихся на берегъ чужихъ людей.

Глава XVIII.

Въ сумрачной комнатѣ съ низкимъ потолкомъ, внутренней стѣны бѣлѣла роскошь тѣхъ временъ изразцовая печь, вся усыпанная мелкими розовыми синими цвѣточками. На лежанкѣ, на толстомъ войлокѣ лежалъ съ закрытыми глазами молодой москвичъ; единственнаго маленькаго окошка, за ясеневымъ столомъ, на широкой лавкѣ сидѣлъ чернобородый спутникъ его и то съ безпокойствомъ поглядывалъ на больного то прислушивался къ разговору, ведшемуся вполголоса въ сосѣдней, еще меньшей горенкѣ: тамъ находились двое слугъ и карликъ.

Любопытный Муха допытывался, куда и съ какими товарами они ѣздили и отчего возвращаются съ пустыми руками. Отвѣты получалъ самые краткіе — собесѣдники его были изъ неразговорчивыхъ кряжей.

— Иванъ Дмитріевичъ?.. невнятно позвалъ больной и чернобородый встрепенулся.

— Попить, что ли, хочется?.. заботливо освѣдомился онъ подходя.

— Кто эта Соня?..

У чернобородаго отъ удивленія расширились глаза; онъ засмѣялся.

— Ну, слава Богу; коль о бабахъ заговорилъ, значить дѣло на поправку пошло! Софья — дочка князя Витовта; боевая дѣвка!.. слыхалъ, какъ она на берегу всѣми командовала?

Лежавшій помолчалъ.

— Красивая.. тихо добавилъ онъ и вѣки его сомкнулись.

Въ дверяхъ горницы показалась горбоносая, сухая старуха въ черномъ платьѣ съ бѣлой каемкой по подолу и съ бѣлымъ шнуркомъ вмѣсто пояса. Въ рукахъ она несла зеленый глиняный горшечекъ съ какою то жидкостью, надъ которой подымался паръ.

Старуха низко поклонилась гостю.

Встрѣча Софіи съ москвичами.

— Княгиня узнала, что боленъ товарищъ твой.. сказала она: — прислала меня провѣдать его!

Она поставила принесенное на столъ, подошла къ лежанкѣ, нагнулась и осторожно положила руку на лобъ юноши: онъ спалъ; жаркое дыханіе овѣяло ея лицо.

— Попросить пить—изъ этой посуды давай; воды студеной чтобъ и не видѣлъ онъ! Давно ли захворалъ?

— Дня три какъ перемогаться началъ.

Старуха еще разъ внимательно всмотрѣлась въ лежавшаго:

— Гадютаѣ не будетъ удачи иа этотъ разъ!.. увѣренно произнесла вѣдунья.

— А кто она такая?.. не понявъ, спросилъ Иванъ Дмитріевичъ.

— Богиня.. жизнь она портитъ людямъ!

Чернобородый опасливо перекрестился.

— А скоро ли мы въ путь тронутся сможемъ?

— Дней черезъ пять сѣдлатъ будете!

Старуха ушла; въ распахнутую ею дверь показалась часть замковаго двора и ворота; въ нихъ на поджарыхъ, тонконогихъ скакунахъ вѣзжало пятеро татаръ въ полосатыхъ желтыхъ и синихъ халатахъ и въ островерхихъ бараньихъ шапкахъ, съ кривыми саблями на серебряныхъ поясахъ.

Иванъ Михайловичъ отшатнулся назадъ и поспѣшно притворилъ дверь.

Солнце садилось за лѣсъ. Небо опламенѣло; съ крикомъ, выбирая мѣсто для ночлега, надъ деревьями чернымъ снѣгомъ, кружилась стая галокъ.

Въ замкѣ ужинали; за обильнымъ столомъ князя, кромѣ своихъ домашнихъ, присутствовалъ и московскій гость, Иванъ Михайловичъ, скромно пріютившійся на самомъ дальнемъ концѣ стола; Витовтъ сразу обратилъ вниманіе на умное лицо купца и приказалъ ему пересѣсть ближе къ себѣ.

Между ними начался разговоръ: князь интересовался Москвой и ея обычаями, расспрашивалъ торговлѣ и о городахъ, черезъ которые они шли; Иванъ Михайловичъ отвѣчалъ обстоятельно, ловито и всѣ съ любопытствомъ слушали его сказы.

Купецъ побывалъ въ Польшѣ и вѣсти изъ были у него самыя свѣжія. Особенно потѣшилъ в рассказъ о королевѣ Ядвига, которую польскіе п противъ ея воли, сосватали за Ягайлу. Сердце ея надлежало нѣмецкому принцу Вильгельму и бур объясненія между королевой и ея подданными до того, что краковскій каштелянъ заперъ е дворцъ и не допустилъ къ ней Вильгельма, при шаго съ блестящей свитой на свиданье; принцъ нужденъ былъ остановиться въ гостиницѣ и приня дѣйствовать подкупамъ; тѣмъ же занялась со стороны и Ядвига и въ одну темную ночь изъ о ея комнаты была спущена на веревкѣ корзина; въ усѣлся Вильгельмъ и былъ поднятъ въ замокъ. Утро его обнаружили въ опочивальнѣ виновницы вс этихъ событій и, совсѣмъ не по королевскому, выт кали изъ дворца въ шею.

Ядвига, видя свое безсиліе, хотѣла отравить но къ ней явилась многочисленная депутація изъ ховенства и знати и уговорила ее уступить желан народа и согласиться для пользы отечества на бра съ Ягайлой; ее провозглашали щитомъ Польши и а столomъ—просвѣтительницей Литвы.

Слушатели хохотали, живо представляя себѣ а сцены. Витовтъ слушалъ задумавшись, будто прови что-то.

— Срамъ-то какой!.. замѣтила княгиня: — ве свѣтъ, можно сказать, потѣшили!

— Будемъ-ли мы смѣяться надъ этимъ чере годъ?.. кратко, какъ всегда, замѣтилъ князь.

Зелье ли вѣдуньи помогло, по другой ли причинѣ, но больной москвичъ быстро поправлялся и сталъ выходить посидѣть и погрѣться на солнышкѣ.

Чьи то глаза примѣтили, что онъ не сводить взгляда съ княжны и норовить устроиться такъ, чтобы хоть мелькомъ, издали, повидать ее.

Соня съ любопытствомъ поглядывала на чернокудраго молодого купца: что-то самоувѣренное и не совсѣмъ обычное чудилось ей въ блѣдномъ лицѣ его.

Посматривала на него и добродушная Фима: ей казалось, что именно она нравится чужеземному гостю.

Тѣмъ временемъ на помощь Витовту подоспѣлъ испытанный въ бояхъ татарскій кошъ: во дни распрей въ Ордѣ Кейстутъ давалъ пріютъ и землю въ Литвѣ бѣжавшимъ татарамъ и эти выходцы съ устьевъ далекой Волги являлись вѣрнѣйшими слугами его и его сына

Еще нѣсколько дней — и равнина подъ городомъ взѣрошилась разноцвѣтными шатрами, палатками и шалашами; надъ ними полоскались по вѣтру яркіе сотенные значки, всюду сновали воины, складывались походные выюки, перекликались голоса, ржали кони.

Чтобы поглядѣть на разворошенный человѣческій муравейникъ, на верхнюю площадку башни подъ вечеръ поднялись Витовтъ и Анна; дулъ довольно сильный вѣтеръ и княгиня куталась въ соболій мѣхъ. Только что успѣла она окинуть взглядомъ станъ внизу, что-то шевельнулось слѣва отъ нея и изъ лѣстничнаго хода выставились двѣ черныя руки, взяли за косяки дверцы и показалось лицо Махмута; на немъ лежало затаенно-хитрое выраженіе.

— Что тебѣ?.. спросила княгиня, видя, что татаринъ стоитъ въ видѣ распятія и ждетъ чего-то.

— Тебѣ врутъ, мама - князь!.. вполголоса произнесъ онъ, обращаясь къ обоимъ.

— Кто?

— Купецъ московскій. Никакой она купецъ.
 — А кто же онъ? поинтересовался Витовтъ.
 — Бояринъ она.
 — Вотъ что!.. то-то обличье у него особенное,
 же онъ такой?
 — Иванъ Михайло.
 — Такихъ на Москвѣ много!.. прозвище то у
 какое?
 — Не знай. А молодого знай: Василь Митро
 нъ Витовтъ.
 Та пожала плечами.
 — А сынъ великаго князя она!.. равнодушно
 бавиль татаринъ.
 — Сынъ Донского?! чуть не вскрикнулъ Вито
 Махмутъ утвердительно мигнулъ глазами.
 — Да вѣрно ли? Ты то откуда узналъ?
 — Асланъ сказалъ — Асланъ въ Москва ча
 видалъ!
 — Что за исторія?! недоумѣвая произнесъ
 товтъ. — Зачѣмъ онъ къ намъ то на Литву попа
 — Можетъ бѣжалъ, натворилъ что нибудь?.. пр
 положила Анна.
 — Не думаю: отъ такихъ отцовъ, какъ Дми
 Ивановичъ, не бѣгаютъ! Странно... ну да, разберемъ.
 Ты вотъ что, Махмутъ, — обратился Витовтъ къ т
 рину: — позови ихъ обоихъ внизъ ко мнѣ; боль
 то, кажется, уже выздоровѣлъ?
 — Опять заболѣлъ... съ усмѣшкой возразилъ
 таринъ: — на Соню глазъ таращить!
 — Что за вздоръ!! вскинулась княгиня и д
 покраснѣла отъ неожиданной вѣсти.
 Витовтъ лукаво улыбнулся.
 — Все бываетъ на свѣтѣ!.. проронилъ онъ.
 вдругъ?.. онъ не договорилъ и устремилъ взглядъ
 востокъ: тамъ за синими туманами, за алыми зор
 мерещилась Москва.

Витовтъ прогуливался по залу, а княгиня съ Улей и Фимой ткали длинный коверъ, картину, начатый еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ и предназначавшійся для Трокскаго замка въ подарокъ Кейстуту.

Соня полулежала въ окнѣ и беззаботно напѣвала пѣсенку. Княгиня съ любопытствомъ поглядывала на дверь, изъ которой должны были появиться таинственные пріѣзжіе.

Заслышались твердые шаги и показались тѣ, кого ожидали.

Княгиня оставила челнокъ воткнутымъ въ ткань, сложила на колѣняхъ руки и устремила настороженный взглядъ на купцовъ.

Они въ поясъ поклонились ей и князю; Витовтъ примѣтилъ, что поклонъ Ивана Михайловича былъ ниже, чѣмъ его молодого товарища.

— Здравствуйте, друзья мои!.. отвѣтилъ князь.
— Пospросить кое что у васъ хочу!

— Приказывай, государи!.. наклонивъ голову, съ полупоклономъ сказалъ чернобородый.

— Правда ли, что кони завелись у васъ на Москвѣ такіе отмѣнные, что ласточекъ шутя обгоняютъ?
Чернобородый усмѣхнулся.

— За пирушкой у васъ, должно быть, похвастался кто нибудь, государь: кони наши сильные, но тяжелые!

— А насчетъ ковровъ какъ? Княгинѣ сказывали, будто ткуть ихъ у васъ замѣчательно!

Чернобородый пожалъ плечами.

— И этого нѣтъ! Ковры къ намъ издалеча, изъ Персіи, идутъ. Своихъ у насъ не имѣется.

Витовтъ покачалъ головой.

— А шутниковъ да вралей, вижу, у васъ непочатый уголь!.. произнесъ онъ: — иль и они тоже изъ за рубежа являются?

Чернобородый зачуялъ какой то намекъ и искра тревоги мелькнула въ глазахъ его.

— Невдомекъ мнѣ слова твои, господине!.. чуть запнувшись, отвѣтилъ онъ.

— Неужели? Ну, можетъ, попроше слов
мешъ — да садись, бояринъ, и княжичъ Васил
сядетъ — не посольскую должность вѣдь прави

Склоненныя лица женщинъ разомъ под
отъ работы и повернулись въ сторону мол
щеки и уши его залились багрецомъ; удив
Соня соскочила съ окна.

Чернобородый потупилъ на мигъ глаза, з
смѣло перевелъ ихъ на собесѣдника.

— Отъ орла куропаткамъ не спрятаться!..
залъ онъ. — Вѣрно твое слово господине, онъ
лій Дмитріевичъ, старшій сынъ великаго князя Мос
скаго, а я пѣстунъ его Всеволожскій. Не постав
вину, что сразу не открылись тебѣ: слѣдъ ну
было замести за собой!

Оба москвича опять отвѣсили по глубокому
клону.

— Вины вашей передъ собой не вижу!.. отозва
Витовтъ. — А за осторожность хвалю: умный м
чить, глупый кричитъ! А почему же вамъ слѣдъ
метать оказалось нужнымъ?.. садитесь поближе
намъ, сказывайте все чередою!

Гости повиновались.

— Ъдемъ мы теперь изъ Орды.. опять заговорил
Всеволожскій. — А послалъ насъ туда вмѣсто себ
великій князь нашъ: прихварываетъ онъ, далекаго п
ти не вынесъ бы! А въ Сараѣ насъ бѣда ждала: мо
лодъ нашъ княжичъ, пылокъ — зацѣпилъ при нем
татарскій мирза дерзкимъ словомъ Москву, а онъ ег
саблей по башкѣ! Счастье еще наше, что на мѣстѣ не
расправились за это — хана изъ отлучки ждали
Засадили княжича подъ караулъ въ юрту, а ночью мы
прикончили сторожевыхъ, да на коней. Чтобы съ тол
ку погоню сбить, въ началѣ взяли мы путь на Москву;
татары по нему должны были кинуться. А невдолгѣ
на другой шляхъ свернули, да кружной дорогой на
Волынъ, въ Луцкъ, попали, а тамъ черезъ городъ Вла
диміръ до Гродны добрались!

Витовтъ качнулъ головою.

— Большой крюкъ дали! — Сколько же времени вы въ пути были?

— Третій мѣсяцъ пошелъ..

— Честь вамъ и слава за такой походъ! — Много всего вы должны были вытерпѣть!

— Всяко бывало!.. скромно проронилъ бояринъ.

— Плутать не мало доводилось.

— Отъ меня гоѣдете — не собѣтесы!.. сказалъ Витовтъ: — надежныхъ проводниковъ вамъ дамъ! Побуду радъ, если хоть чѣмъ нибудь смогу услужить сыну знаменитаго московскаго великаго князя. Считайте себя, какъ дома!

Гости встали и поклонились.

— А теперь поужинаемъ вмѣстѣ!.. привѣтливо обратилась къ нимъ княгиня: — потомъ, коли не устали, повѣдайте намъ про походъ вашъ; всѣмъ любопытно послушать.. страховъ, поди, сколько натерпѣлись?

Послѣ ужина всѣ гурьбой перешли въ сосѣдную, угловую комнату; Витовтъ и Анна сѣли около окна; спинки и сидѣнья ихъ дубовыхъ стульевъ закрывали черныя медвѣжьи шкуры. Остальные слушатели расположились гдѣ и какъ привелось позади и по сторонамъ княжеской четы.

Серебряный, ущербленный мѣсяцъ свѣтилъ въ окно, а Всеволожскій все продолжалъ говорить. Рассказывалъ, какъ неслись они на быстрыхъ аргамакахъ по необозримой степи, какъ разсѣкали кони, что лады море, высокій ковыль, какъ двое сутокъ гнались за ними и потомъ потеряли ихъ татары.

Приволье степей смѣнилось темными дремучими лѣсами; нападали на бѣглецовъ звѣри и разбойники, сбивала съ пути нечистая сила, хохоталъ и потѣшался лѣшій, на ночныхъ переправахъ черезъ черныя бездны рѣкъ гугукалъ водяной и пытался утащить къ себѣ

въ омутъ.. И только крестъ святой, выпростанный изъ за ворота рубахъ, да молитва спасали ихъ и вывели наконецъ въ земли волынскія..

Огня не вздували — сумерничали, всѣ слушали съ жаднымъ вниманіемъ; Соня подалась впередъ и глазъ не отводила отъ рассказчика. Только двое врядъ ли разбирали что, кромѣ журчанья рѣчи боярина, и думали свои думы: одинъ былъ Витовтъ, съ глубокой просѣчиной между густыми бровями, поглядывавшій на сына Донского, да московскій княжичъ, неотступно слѣдившій за Соней.

Поздно въ тотъ вечеръ разошлись по своимъ мѣстамъ обитатели замка; послѣдними задержались въ угловой комнатѣ Витовтъ и Анна

— Будто сказку какую мы слушали!.. проговорила княгиня, подойдя къ мужу и положивъ бѣлую руку къ нему на плечо.

— Жизнь и есть сказка!.. отозвался Витовтъ. — Не вздумаешь, не взгадаешь, что завтра ждетъ тебя... Ты ничего не примѣтила, Нюта?

— Нѣтъ, а что такое?

— Княжичъ съ нашей Сони глазъ не сводилъ. Пара хорошая изъ нихъ вышла бы.

— Молода еще Сонюшка!.. возразила княгиня. — Да и Москва далеко, какъ въ нее дѣтище свое отдавать?

— У Ягайлы поляки теперь за спиной стоятъ, а намъ бы хорошо Москву за собой поставить!.. продолжалъ Витовтъ. — Эхъ, кабы всѣ русскія земли съ нашими слить!! Чувствуешь, что это было бы!.. Онъ крѣпко стиснулъ руку жены и устремилъ взглядъ въ окно.

Мѣсяцъ плылъ надъ міромъ; золотая тропа пересѣкала тусклый Нѣманъ; великимъ, уснувшимъ городомъ съ черными башнями и стѣнами безмолвствоваль на другомъ берегу лѣсъ; мѣсячный свѣтъ сѣросинею пылью лежалъ на вершинахъ.

Глава XIX.

Трокскій замокъ блисталъ огнями... На дворѣ, будто пожаромъ озаренномъ факелами, суетилось и шумѣло множество всякаго люда; около подъѣзда возвышались два холма изъ убитыхъ ланей, козъ, оленей и клыкастыхъ вепрей: во всѣ стороны торчали всевозможные рога; поодаль лежалъ бородатый и косматый зубръ; лобастая голова звѣря опиралась на нижнюю ступеньку; черные глаза отражали свѣтъ и казались пробуждающимися и бѣшенными. На сворахъ прыгали и рвались собаки.

Ягайло, польскіе послы и другіе охотники разсматривали добычу, спорили о мѣткости ударовъ, хвастались и потѣшались: всѣ были уже въ подпитіи.

Въ залѣ ожидалъ ужинъ; гости и свои размѣстились за столами.

Ягайло первымъ дѣломъ осушилъ кубокъ съ виномъ; слуга, стоявшій позади, снова наполнилъ его изъ длиннгорлаго серебрянаго кувшина. Загремѣли тосты и крики въ честь перваго охотника Литвы — Ягайлы; на раскраснѣвшемся лицѣ его отражалось полное самодовольство. Онъ кивалъ въ отвѣтъ заостренной кверху головой и дѣлалъ рукой привѣтственные знаки. По сторонамъ его, положивъ морды на его колѣни, стояли два громадныхъ волкодава — любимцы Ягайло. Много разномастныхъ псовъ разныхъ породъ шмыгало подъ столами.

— А князь Витовтъ не любитъ, я слышалъ, охоты?... сказалъ одинъ изъ польскихъ пословъ.

Лицо Ягайлы сразу освирѣпѣло.

— Я его научу что надо любить!! закричалъ онъ и хватилъ кулакомъ по столу. — Будетъ знать, какъ не повиноваться мнѣ! Въ пыль сотру! Завтра же въ

походъ!.. Какъ куренка поймаю!.. Такъ вѣдь, панъ Сигизмундъ?

Воспаленные, красные отъ вѣтра и вина глаза Ягайлы устремились на сивоусаго поляка съ горделивымъ и смѣлымъ лицомъ.

— Съ походомъ обождать не пришлось-бы, ваша свѣтлость!.. отозвался онъ.

— Это еще почему?

— Маленькая задержка есть: татары на помощь къ своему другу Витовту пожаловали!

Ротъ Ягайлы приоткрылся, въ глазахъ изобразилось изумленіе.

— Какъ, уже?.. выговорилъ онъ.

— Да, уже!.. подтвердилъ панъ Сигизмундъ. — Князь Витовтъ времени зря не теряетъ!

Каноникъ, помѣщавшійся около Ягайлы, наклонилъ въ его сторону жирное, выбритое лицо.

— Не пора-ли подумать вашей великокняжеской милости объ ускореніи отъѣзда въ Польшу?.. мягко проговорилъ онъ. — Тамъ всѣ до единого челоуѣки ваши вѣрные слуги и друзья... полная безопасность...

— Королю Польши и Литвы не приходится бояться какихъ-то князьковъ изъ Луцковъ и Гроднѣ, закрутивъ усъ, надменно и многозначительно заявилъ панъ Сигизмундъ.

Каноникъ толкнулъ его подъ столомъ ногою.

— Разумѣется!.. подхватилъ Ягайло; хмѣль разбиралъ его все больше и больше.

— А охота какая у насъ! Первая въ мірѣ, въ сто разъ лучше здѣшней!

— Врешь!.. воскликнулъ Ягайло и ударилъ кулакомъ по столу: — въ Литвѣ все лучше!

— Шляхтичи не врутъ!.. вспыхнулъ полякъ; каноникъ, чтобы предупредить вспышку, опять толкнулъ его и положилъ руку на его колѣно.

— Не въ охотѣ дѣло, а въ охотникахъ!.. сказалъ ксендзъ. — Пока неумѣлый справится съ однимъ ту

ромъ, умѣлый и храбрый уложить пять. А съ прїѣздомъ вашей свѣтлости въ Польшѣ дѣйствительно будетъ первая охота во всей подлунной!

Ягайло взялъ кубокъ.

— За здоровье второго охотника въ мірѣ — пана Сигизмунда!.. возгласилъ онъ; сивоусый всталъ и съ достоинствомъ поклонился своему будущему повелителю.

Шумный пиръ затянулся надолго: усатые, побавровѣвшіе и посинѣвшіе участники его кричали, чокались и пѣли, аккомпанируя себѣ стукомъ кулаковъ; нѣсколько грузныхъ тушъ заснуло за столомъ, опустивъ на него, среди кубковъ и чарокъ, подбритыя на лбу головы.

Расходиться стали только тогда, когда сгорѣло на стѣнахъ десятка два смѣнъ факеловъ. Въ опустѣломъ залѣ остались другіе пирующие — собаки, грызшія кости, усѣивавшія полъ. Псы дрались и клубкомъ, съ ревомъ и визгомъ катались по лужамъ вина и алюса. Трепетный, умиравшій свѣтъ вдругъ вспыхивалъ на мигъ и тогда казалось, что въ залѣ только что происходилъ бой и на лужахъ крови послѣдніе бойцы приканчиваютъ другъ друга.

Въ корридорахъ и переходахъ спали гдѣ и какъ довелось мертвецки пьяные слуги.

Въ срединѣ ночи Ягайло проснулся — ему мучительно захотѣлось пить. Вода обыкновенно ставилась въ кубкѣ около изголовья, и онъ протянулъ руку и ошарилъ низенькій столикъ: на немъ ничего не оказалось. Разозленный, заспанный повелитель Литвы спустилъ босыя ноги на медвѣжій коверъ, дошелъ до двери и ударомъ ноги распахнулъ ее. Прямо передъ нимъ, у окна въ корридорѣ, стоялъ освѣщенный мѣсяцемъ человекъ; Ягайло узналъ въ немъ стараго Корибута.

— Воды нѣтъ... воды подай, старый чортъ!! хрипя закричалъ Ягайло.

Ключникъ не двигался; глаза у него свѣтились какъ у волка.

— Да ты слышишь, или нѣтъ?! бѣшено заоралъ Ягайло, размахнулся и хотѣлъ ударить старика, тотъ отступилъ за уголъ и пропалъ въ темнотѣ.

На крикъ выскочило съ противоположныхъ сторонъ двое коморниковъ; за ними появился полураздѣтый, перепуганный панъ подскарбій.

— Гдѣ этотъ дуракъ?! вопилъ Ягайло: — на конюшню его, палокъ ему всыпать!

— Кому, ваша свѣтлость?! весь трепеща, осведомился толстякъ.

— Да Корибутъ!.. осмѣлился уйти, когда я позвалъ его!!

— Ко-ко-ри-бутъ!! едва выговорилъ подскарбій Носъ его сталъ казаться чернымъ и заострился. — Корибутъ, ваша свѣтлость, вчера повѣсился и похороненъ...

— Что!! визгнулъ Ягайло, отступая назадъ и чувствуя, что трезвѣетъ. — Свѣчей сюда, всѣ комнаты освѣтитъ!! пана ксендза позвать! Стой, панъ подскарбій, со мной останься!

Ягайло бросился обратно въ спальню и съ помощью пана кое-какъ одѣлся.

По замку забѣгали огни; Ягайло, окруженный тѣсной толпой полураздѣтыхъ и вооруженныхъ людей, перебрался въ нижній ярусъ другой половины замка и улегся на кровати, съ которой сняли и положили въ уголъ на сложенный коверъ одного изъ мертвецки пьяныхъ пословъ; въ той же комнатѣ, на звѣриныхъ шкурахъ отъ двери до постели Ягайло, впопалку улеглись его приближенные.

Съ восходомъ солнца на слѣдующій день ярко пестрая лента всадниковъ изгибалась среди лѣсовъ великій князь Ягайло съ охраной и свитой отбылъ изъ Трокъ въ болѣе безопасную во всѣхъ отношеніяхъ Вильну.

Золотомъ и багрецомъ опятнались лѣса кругомъ Гродны; стали свѣжѣй и прозрачнѣе зори, поплыла въ воздухъ бѣлая пряжа богинь, а московскій княжичъ, хотя и выздоровѣлъ, но и не помышлялъ объ отъѣздѣ.

Всеволожскій нѣсколько разъ напоминалъ, что время пускаться въ далекую дорогу — Василій мимоушей пропускалъ рѣчи пѣстуна и внималъ только ласковымъ словамъ Витовта, говорившаго, что лучше выждать зимняго пути и затѣмъ безъ всякихъ препятствій катить на саняхъ, по голубому льду рѣкъ и озеръ.

— Отецъ твой человекъ больной, много ли жить ему осталось — невѣдомо... убѣждалъ княжича Иванъ Михайловичъ. — Тревожится о насъ, думаетъ, поди, что ужъ насъ и въ живыхъ нѣтъ, безъ вѣсти пропали!

Княжичъ повторилъ эти рѣчи Витовту.

— Не безпокойся, мой другъ!.. отвѣтилъ князь: — мой гонецъ съ вѣстями о тебѣ уже стучитъ сейчасъ въ ворота Московскаго Кремля!

Не спалось ночью послѣ этого разговора княжичу и его пѣстуну.

Въ узкое оконце свѣтилъ мѣсяцъ; столь раздѣлялъ лавки и одна половина его тонула въ неясности, на другой четко сіяли пара кружекъ и большой кувшинъ.

Княжичъ вздыхалъ, ворочался, наконецъ сѣлъ.

— Спишь, бояринъ?.. вполголоса произнесъ онъ.

— Нѣтъ, тебя слушаю!.. отозвался Всеволожскій.

— Что, видно, изъ хоромъ на улицу тянетъ?

Княжичъ всталъ, завернулся въ тонкую и бѣлую кошму, служившую ему одѣяломъ, и пересѣлъ на край постели боярина. Лучъ свѣта облилъ его съ головы до босыхъ ногъ; брови были нахмурены, губы сжаты.

— Просьбу имѣю къ тебѣ... сказалъ наслѣдникъ московскаго престола. — Сосватай мнѣ Софью!..

Всеволожскій подскочилъ, какъ подброшенный.

— Какую Софью?! чуть не закричалъ онъ.

— Витовтовну...

— Да не во снѣ ли ты бредишь? Опомнись!!

— На яву сказываю ..

— Да какъ же безъ спросу у отца и безъ благословенія его сдѣлать такое? Отатарился, что-ли, въ Ордѣ? Перекрестись скорѣй, бѣсы навожденіе напустили на тебя!

— И креститься не стану, и безъ отцовской воли обойдусь!.. За тридевять земель онъ: черезъ сто лѣтъ отъ него отвѣтъ придетъ!.. возразилъ княжичъ. — Приказываю тебѣ поговорить съ Витовтомъ.

— Безъ воли на то родителя твоего шагу не ступлю!.. твердо возразилъ Всеволожскій.

— А я велю!

— Умру, а не сдѣлаю!

Княжичъ ударилъ кулакомъ по столу.

— Тогда я здѣсь остаюсь, совсѣмъ не вернусь на Москву! — Мнѣ и тутъ удѣлъ дадутъ!

Бояринъ онѣмѣлъ на мигъ.

— Видать, тебя бѣленой обкормили, Василій Дмитріевичъ!.. вымолвилъ онъ немного погодя.

Княжичъ всталъ.

— Чѣмъ бы ни обкормили, а слово мое твердо!..

И онъ улегся на свою скамью.

Наступило молчаніе.

Княжичъ, словно освободясь отъ тяготившаго его груза, уснулъ почти немедленно; до свѣту не смыкалъ зато глазъ пѣстунъ его, все время думавшій, какъ расхлебать неожиданно заварившуюся кашу.

Замѣтилъ и Юрій то, что видѣлъ весь замокъ — увлеченіе молодого москвича Соней и безпокойное чувство зашевелилось въ его сердцѣ; ему показалось, что и она заинтересовалась Василіемъ.

Въ ту ночь, когда шелъ разговоръ между Всеволожскимъ и его спутникомъ, Юрій полулежалъ, опершись локтемъ о подушку, и рѣшалъ что дѣлать.

Выступать въ качествѣ явнаго соперника старшаго сына великаго московскаго князя не приходилось совершенно; дѣйствовать потаенными путями претила ему прямая и открытая натура. Мелькала мысль о колдовствѣ, но онъ со страхомъ гналъ ее отъ себя; томилъ мѣсяцъ, жгла постель, стрекоталъ сверчокъ въ углу... гдѣ то далеко-далеко пропѣли заревые пѣтухи и только тогда скатилась на подушку голова Юрія съ усталымъ безкровнымъ лицомъ.

Глава XX.

Еще не мало разъ умывалось зорями солнце. Голубое небо начало отливать по краямъ морской пра-зеленю, обитатели замка стали накидывать на себя по ночамъ пушистыя одѣяла изъ серебристой рыси. А однажды раннимъ утромъ такъ необыкновенно посвѣтлѣло въ комнатахъ, что всѣ, кто проснулся, бросились къ окнамъ: глаза ослѣпилъ снѣговой покровъ, раскинувшійся по всему міру.

По замку разнеслись веселыя восклицанія: радовались первопутку и наступившей зимѣ. Одинъ только княжичъ, нахмурясь и сжавъ губы, смотрѣлъ на снѣга, настойчиво напоминавшіе о существованіи Москвы.

Соня прямо съ постели, едва успѣвъ кое какъ одѣться, бросилась вмѣстѣ со своими всегдашними спутницами къ обрыву надъ Нѣманомъ; онъ текъ, важный и черный, среди бѣлыхъ береговъ; желтыя шапки дубовъ были отдѣланы серебромъ — дубы зачастую всю зиму простаиваютъ въ листвѣ.

Снѣгу навалило выше щиколотки; дѣвушки, соблюдая старину, съ возгласами и смѣхомъ принялись умываться снѣгомъ.

— Жаль, рѣка еще не замерзла!! воскликнула в раскраснѣвшаяся Соня: — на салазкахъ кататься нельзя.

Вышелъ поглядѣть на дѣвичью потѣху и Витовтъ онъ остановился у стѣны, поодаль отъ игравшихъ, съ улыбкой слѣдилъ за ихъ забавами; на князѣ были надѣты короткій нагольный полушубокъ на бѣломъ мѣху, валеные бѣлые сапоги и такой же невысокій колпакъ съ орлинымъ перомъ.

За спиной князя послышалось легкое покашливанье; онъ оглянулся и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя увидалъ московскаго княжича, только что появившагося изъ за угла; видъ у него былъ взволнованный и даже нѣсколько растерянный.

— Зима!.. весело обратился къ нему Витовтъ. — Молодѣешь въ морозъ... Что же ты съ молодежью не забавляешься, все въ одиночку держишься?

Княжичъ подошелъ къ нему и снялъ шапку татарскаго образца, съ косымъ разрѣзомъ надъ лбомъ.

— Не прогнѣвись, князь-государь, за то, что смѣю беспокоить тебя: дѣло великое до тебя имѣю.. произнесъ онъ.

— Да накройся, другъ!.. заботливо сказала Витовтъ: — не лѣто на дворѣ. Въ чемъ же дѣло твое?

— Не по обычаю я чиню... продолжалъ княжичъ: — самъ это знаю, да нельзя иначе!..! дозвожь мнѣ, князь, твоимъ сыномъ задѣлаться?.. онъ въ поясъ поклонился своему собесѣднику.

— Не пойму я твоихъ словъ... говори прямѣе!

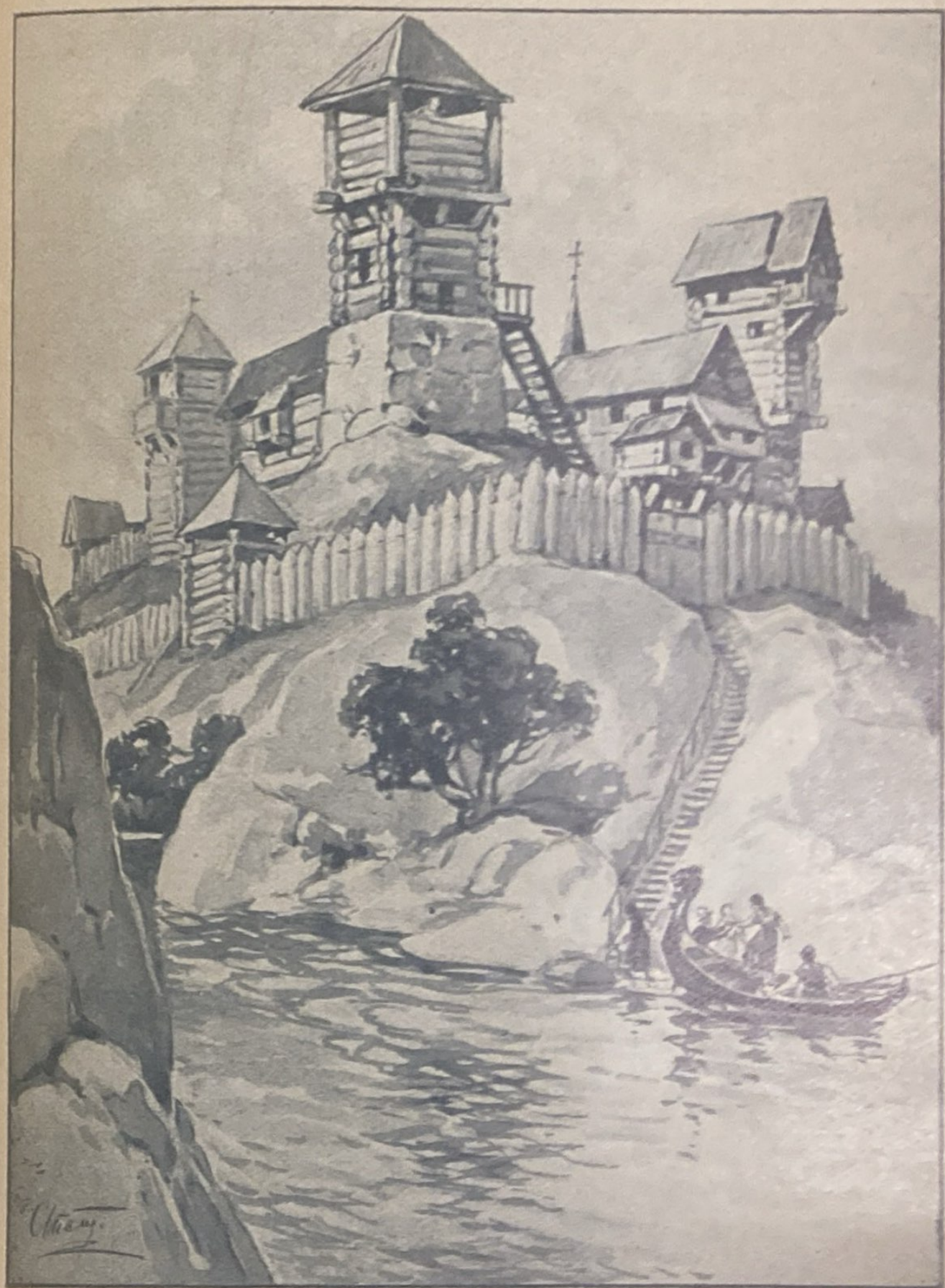
— Отдай за меня дочку твою Софью Витовтовну?

Княжичъ опять отвѣсилъ поклонъ.

Витовтъ сдѣлалъ изумленное лицо.

— Вотъ что на умѣ у тебя!! А у отца — матери дозволенье испросилъ такую рѣчь вести?

— Нѣтъ, князь-государь! Только я твердо знаю, что моя спорить не стану — съ радостью благозловятъ сейчасъ же!..

Замокъ въ Гроднѣ.

— Наслышанъ я отъ разныхъ людей, что все хвораетъ твой батюшка, Дмитрій Іоанновичъ... не безъ задней мысли проронилъ Витовтъ. — А ну какъ онъ другое что для тебя надумалъ?

— Честью клянусь, что нѣтъ. Самъ онъ мнѣ говорилъ, чтобы я выбралъ себѣ невѣсту по моей волѣ. „Тебѣ“ — сказалъ — „вѣкъ съ ней вѣковать, тебѣ и выбирать ее“.

Князь слушалъ внимательно.

— Значить, сыномъ моимъ ты захотѣлъ стать? Витовтъ устремилъ проницательный взглядъ въ глаза юноши и повысилъ голосъ. — А ты знаешь, что такое отецъ для сына и сынъ для отца у насъ на Литвѣ? Жить въ одну душу они должны, одними глазами глядѣть на все, одними печалами болѣть, одной радостью радоваться!.. А пуще себя самого мою дочь любить!.. Такъ ты думаешь, или не такъ?

— Такъ!.. твердо согласился княжичъ.

— Клянешься въ томъ головой отца и всѣхъ родичей?

— Клянусь!!.

— Ну, если такъ, переговорю съ дочерью! Но знай, что у насъ порядки иные, чѣмъ на Москвѣ: безъ спросу, безъ воли дѣвичьей замужъ не выдаютъ у насъ!..

Радость захлестнула душу княжича. Онъ весь запылалъ, хотѣлъ что то горячо добавить, но не успѣлъ — Витовтъ сдѣлалъ чуть замѣтный предостерегающій жестъ: къ нимъ въ перегонки неслась молодежь.

— Никому пока ни слова!.. тихо проговорилъ князь. — Вечеромъ отвѣтъ дамъ тебѣ!

И онъ направился на встрѣчу бѣжавшимъ.

Василій Дмитріевичъ быстро отошелъ въ сторону и остановился надъ пропастью; ему чудилось, что

онъ стоитъ на коврѣ-самолетѣ и вотъ-вотъ взовьется выше лѣса стоячаго, пониже облака ходячаго и, крѣпко обнявъ, унесетъ съ собой ту, что такъ безраздѣльно, на вѣкъ заполонила его сердце!..

Княгиня сидѣла у окна за рукодѣльемъ, когда на порогѣ ея комнаты появился, разрумяненный легкимъ морозомъ, Витовтъ.

— Ну, Аня, проговорилъ онъ: — вѣдь Махмутъ правъ былъ!

Княгиня вопросительно подняла глаза на мужа.

— Сейчасъ руку Сони просилъ у меня московскій княжичъ!..

Княгиня съ испуганнымъ видомъ поднялась со стула.

— Послы, что ли, пріѣхали?.. быстро спросила она.

— Какіе послы!.. возразилъ Витовтъ. — Самъ себѣ сватомъ былъ!.. И онъ разсказалъ, какъ произошло дѣло.

— Вотъ бѣда! Да вѣдь въ другого влюблена наша Сонюшка!! воскликнула княгиня.

Тѣнь покрыла лицо Витовта.

— Въ кого же?.. спросилъ онъ.

— Да въ Юрія!.. вѣдь онъ тоже отъ княжескаго рода идетъ!

— Не роды теперь время разбирать, а силу!.. проговорилъ Витовтъ: — Божій перстъ привелъ сюда Василья; нельзя упускать такого случая!

— Да на что тебѣ москвичъ? Вѣдь далеко Москва!

— Кони и далекое дѣлаютъ близкимъ! Москва есть и этого пока достаточно. Она сильна; если она встанетъ за моей спиной — Ягайло сдѣлается пустымъ призракомъ въ своей Польшѣ!.. Литва будетъ свободной отъ польскихъ путъ! И сдѣлать это можно безъ пролитія капли литовской крови. Развѣ ты не

чувствуешь и не видишь проявленія воли Божьей?.. Тебѣ жалко разставаться съ дочерью... скорблю не меньше и я, но вѣдь это удѣлъ всѣхъ дочерей — всегда разставаться съ родителями! Разлука не смерть и когда захочешь повидаться съ ней и съ будущими внуками, она пріѣдетъ къ тебѣ. Бѣжитъ!.. вдругъ добавилъ онъ, прислушавшись къ шуму въ корридоръ. Необходимо уговорить ее!..

Въ комнату, вся въ снѣгу, ворвалась расплававшаяся и радостная Соня.

— Мамочка, что же ты не идешь морозцемъ подышать?! закричала она, бросаясь къ матери и вдругъ остановилась и внимательно посмотрѣла на мать и на отца. — Что случилось... вы поссорились, да?

— Нѣтъ, дѣтка!.. произнесла Анна. — Но намъ надо поговорить съ тобой!

Соня сѣла на стулъ и съ нея, какъ съ елки въ лѣсу, посыпался снѣгъ.

— Говорите!

Лицо у княгини покрылось красными пятнами; она искоса глянула на мужа, но тотъ стоялъ отвернувшись и молча глядѣлъ въ окно.

— Скажи... тебѣ нравится Василій Дмитріевичъ?..

— Нѣтъ... Въ чемъ же дѣло?

— Въ томъ, что ты ему нравишься!..

— Ну такъ что же? Княжна что то зачуяла и насторожилась. — Что ты, мама, загадками говоришь?

Княгиня встала, подошла къ дочери и обняла ее.

— Хочешь стать московской великой княгиней?.. Сватается къ тебѣ княжичъ!.. сказала Анна, заглядывая въ глаза дочери.

— Я, замужъ?! Никогда!! Соня вся вспыхнула. — Да ты шутишь надо мной?

— Почему же, дѣтка? когданибудь да надобно выйти замужъ. Онъ красивый, смѣлый, любитъ тебя!

— Не нужна мнѣ его любовь!! гнѣвно отрѣзала дѣвушка. — Пусть убирается въ свою Москву!

— А чья же любовь нужна тебѣ? мягко спросила Анна.

Соня слегка смутилась.

— Ничья, кромѣ твоей и папиной!..

Витовтъ повернулся лицомъ къ дочери.

— Ну, а ты то любишь ли насъ?.. сурово произнесъ онъ.

— Люблю!! воскликнула дѣвушка.

— Насталъ часъ доказать это. Ты уже не ребенокъ — слушай же внимательно, что я скажу тебѣ! Насъ со всѣхъ сторонъ окружаютъ враги — это ты знаешь сама: Польша, Орденъ, Москва, татары — всѣ спятъ и видятъ, какъ бы захватить такой лакомый кусокъ какъ Литва и уничтожить насъ! Биться со всѣмъ міромъ мечами и копьями мы не въ силахъ; мы должны сражаться умомъ. Какъ только ты сядешь на великокняжескій московскій столъ, я стану великимъ княземъ Литвы! Если Василій не выйдетъ изъ твоей воли, я и ты объединимъ всю Литву и Русь и восторжествуемъ надъ всѣми. Орденъ рухнетъ какъ дубъ отъ молніи. Польша сама станетъ подъ наше крыло... Родина будетъ благословлять тебя, о тебѣ разнесутъ по всему міру пѣсни брутаники!

— Не хо-чу!.. рѣзко крикнула Соня; глаза ея сверкали.

— Спасибо, дочка!.. помолчавъ, произнесъ Витовтъ. — Обѣщала пособить мнѣ въ трудную пору и слово свое выполнила!.. Иди, собирайся, Анна; будемъ съ тобой скитаться по свѣту, покуда не попадемъ въ Ягайлову петлю, какъ отецъ!..

Князь повернулся и, не взглянувъ на дочь, вышелъ изъ комнаты; за нимъ прослѣдовала Анна; Соня стояла, прижавшись спиной къ стѣнѣ, и остановившимися, расширенными глазами смотрѣла имъ вслѣдъ.

Ночью что то горячее и мокрое припало къ рукѣ крѣпко спавшаго Витовта.

— Кто здѣсь?.. тревожно спросилъ онъ, скидывая съ плеча мѣховое одѣяло.

Въ отвѣтъ слышались всхлипыванія.

Витовтъ ошарилъ рукой чью то голову и быстро сѣлъ.

— Ты это, Соня?..

Вмѣсто отвѣта двѣ теплыя руки обвились вокругъ его шеи и залитое слезами лицо уткнулось въ его грудь.

— Папочка, прости меня!! Пусть будетъ, какъ ты хочешь... только бы ты былъ счастливъ... я согласна!!

Витовтъ крѣпко и молча прижалъ къ себѣ дочь; она чисто по-дѣтски взобралась къ нему на колѣни и стала осыпать его поцѣлуями.

— Я былъ увѣренъ, что ты все поймешь!.. вполголоса сказалъ онъ, глядя ее по головѣ... — Мы переживаемъ тяжелые годы... Нужно спасти Литву отъ распада и отъ когтей Польши... наши личные дѣла мелочь передъ такой задачей!.. Полно же, голубка, перестань плакать! Вчера ты была дѣвочкой, сейчасъ ты уже взрослая, разумная женщина и дѣтскимъ слезамъ больше нѣтъ мѣста... Ты мой союзникъ навсегда, не смотря ни на что?

— Да!

Дочь и отецъ слились въ тѣсномъ объятіи — безмолвномъ договорѣ на всю жизнь.

Мететъ и воетъ метель.

Тысячи снѣжныхъ привидѣній носятся и крутятся надъ землей; снѣгъ слѣпить глаза; изъ хаоса и сумерекъ показываются на мигъ и вновь исчезаютъ башни Гродны; равнина, лѣсъ, пропасть — все слилось въ одну муть и сплошную завируху; бушуютъ земля и небо.

Ворота въ городъ закрыты; будто вспѣненный морской прибой разбиваются сугробы о створы ихъ и о подножіе башни. На верхнемъ обходѣ ея застылъ въ длинной шубѣ и въ косматой бараньей шапкѣ сторожевой; изъ подъ мышки у него торчитъ копье. Ему померещилось что то живое.

Оно оказалось тремя всадниками, болѣе походившими на двигавшіеся бѣлые бугры.

Сторожевой взялъ молотокъ и ударилъ по билу — согнутой желѣзной полосѣ, замѣнявшей колоколь, но буря сорвала звукъ и унесла его прочь, не давъ достичь до земли.

Снаружи рѣзко застучали о ворота тупые концы копій; заскрипѣла отворяемая калитка и всадники, припавъ къ шеямъ коней, въѣхали подъ башню, въ затишье.

Сторожевой укрылся за уголъ и нагнулся изъ бойницы.

— Какія новости привезли?.. крикнулъ онъ внизъ.

Одинъ изъ прибывшихъ поднялъ къ нему бѣлую маску, на которой виднѣлись только двѣ щелки глазъ.

— Ягайло въ Краковъ уѣхалъ!.. громко отвѣтилъ онъ: — большой крюкъ далъ, чтобы Гродну миновать!..

Всадники скрылись за домами; метель злилась, выла и крутилась надъ городомъ.

Скромно и тихо было отпраздновано въ замкѣ обрученіе московскаго княжича и Софьи.

Юрій на немъ не присутствовалъ.

Вѣрное слово молвилъ Витовтъ дочери: къ обряду вчерашняя дѣвочка вышла взрослой; держалась она спокойно и сдержанно, порывистость и быстрота движеній исчезли, между бровями намѣтилась дума, глаза построжѣли; рѣзко выявилось сходство съ отцомъ.

Витовтъ, а затѣмъ Анна благословили дочь у себя въ комнатѣ византійской иконой Богоматери въ синезеленой эмалевой ризѣ и всѣ сошли въ залъ, гдѣ ожидалъ священникъ и приближенные.

Женихъ запоздалъ; не было и Всеволожскаго — оба они находились въ своей горенкѣ.

Княжичъ прохаживался изъ угла въ уголъ и искоса посматривалъ на пѣстуна; тотъ сидѣлъ подъ образами, углубясь въ толстую рукопись; черная прядь волосъ нѣтъ-нѣтъ свѣшивалась съ его лба и онъ движеньемъ руки откидывалъ ее назадъ; воспитанника своего со дня самовольнаго сватовства онъ пересталъ замѣчать и разговаривалъ съ нимъ только о самомъ необходимомъ.

Княжичъ остановился среди комнаты.

— Иванъ Михайловичъ?.. взволнованно и просительно обратился онъ къ Всеволожскому...

Тотъ молча поднялъ глаза.

— Не гнѣвись на меня: — подошелъ великій часъ мой, благослови меня!..

— Нѣтъ у меня полномочья на то отъ твоего отца!.. холодно отвѣтилъ бояринъ.

— Что-жъ, собака я что ли какая, что и благословить меня нельзя?

Княжичъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, сѣлъ вплотную къ Всеволожскому и обвилъ рукой его шею.

— Ты мой второй отецъ!.. горячо заговорилъ онъ: — послушался я тебя, винюсь, не совладалъ съ собой! Но ты больше всѣхъ родныхъ для меня! Не хочу, чтобы чья другая рука на новую жизнь меня благословляла! Какъ на духу прошу — отпусти вину мою!

Княжичъ всталъ и низко, коснувшись пальцами пола, поклонился своему собесѣднику.

Глаза боярина потеплѣли. Онъ поднялся со скамьи и положилъ руку на плечо воспитанника.

— Да обдумался ли ты, Вася? впрямь ли такъ полюбила тебѣ княжна, не дурь ли часомъ нашла?

— Нѣтъ!... заявилъ княжичъ. — Не хочу другой жены для себя. На томъ умру!

— Ну, будь по твоему!..

Бояринъ вытащилъ изъ за воротника шейную цѣпочку, на которой висѣло нѣсколько образковъ и кипарисный натѣльный складень, окованный серебромъ,

и снялъ его; Василій Дмитріевичъ опустился на колѣни и Всеволожскій трижды осѣнилъ иконой его склоненную голову.

— Господи, благослови его, дай ему счастья здорovia, мудрости до конца дней, сохрани его и помилуй... набожно произнесъ бояринъ; онъ далъ княжичу приложиться къ складню и обнялъ поблѣднѣвшаго юношу.

— Отъ судьбы не уйдешь... видно Богу угодно было, чтобы такъ все вышло!! сказалъ бояринъ. — А теперь идемъ на верхъ: ждутъ насъ уже должно быть!..

Метель крутила нѣсколько сутокъ, а когда перестала, когда надъ сверкающей бѣлой равниной нѣжно заголубѣло небо, деревья укутались въ мѣха горностая и песца, со двора замка вытянулся поѣздъ изъ нѣсколькихъ возковъ и саней, запряженныхъ гусемъ; ихъ сопровождалъ знавшій всѣ пути усачъ Аукасъ и отрядъ вооруженныхъ всадниковъ. Женихъ княжны и его пѣстунъ отбыли въ далекую Москву.

Глава XXI.

Въ блѣдно-зеленый вечеръ того же дня въ Гродну прибылъ закутанный по глаза всадникъ въ черномъ шлыкѣ. Оказался онъ старикомъ Мингайлой; привезъ смутную первую вѣсть о княгинѣ Бейрутѣ, которую будто видѣли въ Жмуди подъ Россіенами. Одинъ изъ родственниковъ Мингайлы повстрѣчалъ въ лѣсу въ тѣхъ мѣстахъ кучку конныхъ людей, между которыми ѣхала какая-то женщина съ завязаннымъ лицомъ; ее сопровождали жрецы бога Поклюса въ бѣлыхъ одеждахъ съ черной мѣховой оторочкою. Другихъ свѣдѣній о плѣнницѣ не имѣлось, но присутствіе

жрецовъ свидѣтельствоваало, что тамъ совершилось нѣчто необыденное.

Мингайлу провели прямо къ Витовту.

Князь былъ одинъ въ своемъ кабинетѣ и что-то читалъ.

Мингайло приподнялъ край ковра, служившаго дверью, и переступилъ за порогъ.

Князь оглянулся и озабоченное лицо его освѣтилось улыбкой.

— А, старина?.. сказалъ онъ. — Какими судьбами тебя къ намъ занесло?

Мингайло поцѣловалъ руку князю и повѣдалъ свою новость.

— А что жмудины обо мнѣ говорятъ?.. освѣдомился князь.

— Не ладно, господине. Жрецы все свою старую кашу варять. Съ полвѣка тому прошло, какъ твой покойный отецъ твою матушку отъ нихъ увезъ, а они все еще забыть не могутъ, народъ баломутятъ! Ягайловцы явные, не давай имъ вѣры ни въ чемъ!

Князь кликнулъ коморника и приказалъ позвать Юрія. Тотъ явился немедленно; съ нимъ увязался карликъ, уцѣпившійся за край его короткой синей куртки.

— Вотъ и мы!! воскликнулъ онъ, вкатываясь первымъ. — Безъ умныхъ людей никто обойтись не можетъ!..

Витовтъ повторилъ слышанное имъ отъ Мингайлы.

Карликъ запрыгалъ какъ мячикъ, потомъ прошелся колесомъ и кинулся вонъ изъ кабинета.

— Бабушка нашлась!.. разнесся повсюду радостный крикъ его.

Витовтъ поднялся съ кресла; Юрій стоялъ почтительно, лицо было нѣсколько блѣдно, глаза сдѣлались строже; онъ потупился.

— Надо торопиться съ поисками княгини Бейруты!.. проговорилъ Витовтъ. — Если она, дѣйстви-

тельно въ Жмуди, ей придется плохо — народъ та суровый... онъ замолкъ въ раздумьи.

— Пошли меня, княже?.. вызвался Юрій.

— Я и разсчитываю на тебя!.. ласково сказал Витовтъ. — Бери сколько хочешь людей и денег только отыщи ее! Предупреждаю — дѣло трудное опасное!..

Юрій пренебрежительно повелъ плечомъ.

— Много людей брать не годится!.. вмѣшалъ Мингаило. — Тамъ край озерный, въ немъ и цѣло войско ничего не найдетъ; всего нѣсколько дѣльных человѣкъ надо, чтобъ не разнеслась молва!..

— Умный твой совѣтъ!.. проронилъ Витовтъ. — А ты, Юрій, что скажешь?

— Я согласенъ съ нимъ: не воевать ѣдемъ!

— Такъ дѣлай что можешь: опрометчиво ты поступишь, я знаю!.. Иди же приготовиться — завтра чуть-свѣтъ въ путь. И ты, старикъ, отдохни и поѣдь — конецъ ты для меня не короткій сдѣлалъ спасибо!..

Юрій и Мингаило поклонились и стали гуськомъ выходить изъ комнаты; рука Витовта тронула Юрія шедшаго послѣднимъ.

Онъ оглянулся и остановился у ковра.

— Какъ ты полагаешь, что должно быть дорожное всего на свѣтъ для человѣка? спросилъ князь.

— Долгъ!.. твердо отвѣтилъ Юрій и поднялъ глаза на Витовта. Взгляды ихъ встрѣтились.

— Такъ и я думаю!.. запомни же это разъ навсегда, мой Юрій!.. съ глубокимъ чувствомъ произнесъ князь и обнялъ юношу.

Юрій припалъ къ его плечу и всхлипнулъ безъ слезъ.

Еще утро казалось ночью, еще полный мѣсяцъ сіялъ въ вышинѣ и снѣга мерцали зелеными искрами, когда изъ воротъ Гродны появилась бѣлогубая и бѣлоглазая буланка, запряженная въ простыя сани-розъ

вальни; въ нихъ, на большой грудѣ сѣна, возсѣдало двое взрослыхъ людей въ длинныхъ нагольных тулупахъ и кожаныхъ теплыхъ треухахъ; третій сѣдокъ — мальчикъ лѣтъ девяти — былъ одѣтъ такъ же, но въ красномъ колпакѣ и варежкахъ, что дѣлало его похожимъ на мухомора.

Мѣсяцъ понемногу блѣднѣлъ, снѣга потускнѣли; потянуль вѣтерокъ; на востокъ, куда направлялись сани, въ сѣрую высь ширнули лучи; деревья и равнина обрызнулись малиновыми пятнами, и вдругъ небо сразу заголубѣло: изъ-за лѣса встало холодное, дымящееся солнце.

Бѣжавшіе были Юрій, старый Мингаило и карликъ Муха, упросившій княгиню отпустить его съ ними.

— Руки очень чешутся!.. пояснилъ онъ причину такого желанія: — зубы за бабушку кому то вотъ какъ набью!

Буланка бѣжала рысцой, и къ полудню развѣдчики добрались до одинокаго нумая, осѣненнаго великанами-елями въ бѣлыхъ шубахъ.

На встрѣчу проѣзжимъ вышло на расчищенную площадку двое дюжихъ парней, распрягли лошадь и ввели ее вмѣстѣ съ гостями въ нумай; въ сумеркахъ отдаленнаго конца его, изъ за перегородки, выставались головы коровъ и лошадей; изъ другихъ дверей, ведшихъ на чистую половину, выглядывали освѣщенные отблесками костра женскія и дѣтскія лица.

Путниковъ охватило тепломъ; имъ помогли освободиться отъ шубъ и валенокъ и нѣсколько минутъ спустя они уже сидѣли у костра и утоляли голодъ вкусной похлебкой изъ оленины и горячими колбасами, которыми искони славилась Литва.

Зимніе дни короткіе и когда гости, выпивъ для подкрѣпленія по рогу аlyса, простились съ радушными хозяевами и усѣлись въ свои сани, солнце перевалило на вторую половину своего пути.

— А лучше бы вамъ заночевать у насъ?.. сказалъ провожавшій ихъ сѣдобородый старикъ; онъ стоялъ въ тулупѣ, накинутомъ на плечи поверхъ хол-

щевой рубахи. — Позамела метель всѣ тропы; подѣ вечерѣ не сбиться бы вамѣ съ дороги!

— Ничего, какѣнибудь выберемся!.. самоуверенно отозвался карликѣ, усаживаясь за кучера.

— Колчаны со стрѣлами да луки между собой положите!.. заботливо добавилъ тотѣ же старикѣ.

— Звѣря нынче видимо-невидимо сколько въ лѣсу!

Карликѣ дернулъ возжи; сани скрипнули и стали удаляться отѣ нумая; два свѣже-проглаженныхъ слѣда отѣ полозьевѣ потянулись къ бѣло-черно-сѣрой стѣнѣ лѣса.

Старикѣ и все семейство, гурьбой окружавшее его, смотрѣли вслѣдѣ удалявшимся.

— Ну и холода же послалъ Потримпосѣ!.. произнесѣ одинѣ изѣ мужчинѣ.

— Охѣ, зябко!! воскликнула высокая свѣтло-волосая дѣвушка. Она дрогнула, поежилась и пустилась бѣжать къ нумаю; за ней заторопились и остальные.

Тропа углубилась въ еловый лѣсѣ. Цѣлые сутробы намело на косматые лапы деревьевѣ, гнувшіеся подѣ ихѣ тяжестью; нѣтъ-нѣтъ и среди глубочайшей тишины слышался шорохѣ, затѣмѣ глухой топотѣ — снѣговые пласты сдвигались со своихѣ мѣстъ и обвалами рушились внизѣ. И опять воцѣпенялось безмолвіе.

Путники то и дѣло попадали подѣ такіе осыпи и скоро стали походить на снѣговыхѣ бабѣ, посаженныхѣ на возѣ.

Тропка дѣлалась глуше; попался какѣ будто бы перекресточекѣ, затѣмѣ другой; по сторонамѣ, совсѣмѣ близко, мелькали зайцы; громадные лоси дважды пересѣкли тропу...

И вдругѣ посвѣтлѣло — лѣсѣ кончился — впереди разостлалось обширное озеро — гладкая, бѣлая равнина безѣ признака даже кустика. Закатѣ окрашивалъ все яркимѣ желтымѣ цвѣтомѣ.

Спускъ на ледъ вель довольно пологій, и Муха направилъ на него буланку; та нѣсколько разъ проваливалась по брюхо въ незамѣтныя ямы, выбилась на ровное мѣсто и вдругъ заартачилась, захрапѣла и попятилась. Ничего подозрительнаго кругомъ примѣтно не было; шагахъ въ двухстахъ на скатѣ берега, будто на пожарищѣ, разбросались обгорѣлые пеньки; между ними краснѣло какое то пятно и торчали сучья.

Одинъ изъ пеньковъ какъ будто шевельнулся. Юрій пристально вглядѣлся въ него — рядомъ поднялся второй.

— Волки!.. проговорилъ Муха, повернувшись къ товарищамъ. — Лося прикончили. Берите луки! Мингайло, ты конемъ править садись, я стрѣлять буду!

Карликъ и старикъ быстро помѣнялись мѣстами; Муха и Юрій схватились за оружіе; вытащили изъ сѣна захваченныя ими кривыя татарскія сабли и положили ихъ между собою.

Мингайло окликнулъ безпокоившуюся Буланку и она, всхрапывая и стрижа ушами, спустила сани на ледъ. Пеньки ожили. Волки одинъ за другимъ вставали и потягивались; нѣкоторые катались по снѣгу и, будто не заинтересованные ничѣмъ, не торопясь послѣдовали за санями; звѣрей оказалась цѣлая стая — штукъ тридцать. Они раздѣлились на двѣ партіи и одна, словно играя, взапуски стала обгонять лошадей, чтобы забѣжать впередъ и перехватить ей дорогу; другіе послѣдовали сзади.

Буланка отлично понимала маневры враговъ; она пустилась вскачь и если бы не все еще сильныя и опытыя руки Мингайлы, понесла бы во весь опоръ; допустить это было еще нельзя — спасительный туманъ темнѣлъ на той сторонѣ на взгорьѣ надъ озеромъ; надъ нимъ вился дымокъ; оставалось до него верстъ пять.

Волки настигали. Десятка полтора ихъ легкимъ скокомъ шло за санями въ какихъ нибудь сорока шагахъ разстоянія. Оно все уменьшалось. Два гро-

мадныхъ звѣря вынеслись впередъ и бѣжали голова въ голову съ Буланкой. Густо, будто струны, тункнули двѣ тетивы и оба волка споткнулись, закопались мордами въ снѣгъ и застыли, какъ утонувшіе.

Задняя стая dospѣвала; видны были раскрытыя пасти, красные языки; разстояніе уменьшилось саженъ до двухъ; нѣсколько вновь пущенныхъ стрѣлъ скользнули по густой шерсти звѣрей и вонзились въ снѣгъ.

— Бей переднихъ!.. сказалъ карликъ, кладя лукъ и взявъ саблю: — стрѣлъ не хватитъ.

Одинъ изъ волковъ поравнялся съ санями; карликъ ухватился лѣвой рукой за отводъ, словно нырнулъ внизъ, и хватилъ саблей по сѣрой спинѣ; звѣрь облился кровью и съ воємъ повалился на бокъ. Другой прыгнулъ подъ морду коню, но стрѣла Юрія сбила его на лету какъ птицу; разъяренные звѣри кучей бросились на сани; Юрій билъ ихъ въ упоръ, карликъ дѣйствовалъ саблей, отлетали то часть морды, то лапы.

Сани и слѣдъ ихъ были улиты кровью; кое гдѣ недвижно лежали убитые, или ворошились раненые звѣри, но живыхъ и невредимыхъ оставалось еще множество.

Мингайло выпустилъ возжи и схватилъ свободную саблю; Буланка почуяла свободу и понесла во весь опоръ; волки мчались сплошною лавиной; нѣкоторые прыгали въ сани, но ихъ пропарывали и рубили саблями, звѣри опрокидывались и вываливались на снѣгъ. Нѣсколько хищниковъ уже заскакало впередъ и стало кидаться на лошадь; она съ хряскомъ перебила одному зубами шею, но другой успѣлъ вскочить ей на спину и, держась на оглоблѣ, вонзилъ въ загривокъ, около хомута зубы; лошадь коротко проржала и залилась кровью.

Юрій сшибъ звѣря послѣдней стрѣлой и сталъ отбиваться лукомъ, какъ простой палкой. Еще минута и все было бы кончено, какъ вдругъ вся стая шарахнулась назадъ; по сторонамъ саней, будто бѣлая

чудовища, разсыпая огонь и искры, безъ шапокъ и верхнихъ одеждъ, съ горящими смоляными суками въ рукахъ, пронеслось четверо всадниковъ—обитателей нумая: они съ горки, издалека, завидѣли бѣдственное положеніе проѣзжихъ и не одѣвшись, на неосѣдланыхъ коняхъ, бросились на выручку.

Глава XXII.

Безъ особыхъ приключеній, на смѣнныхъ лошадяхъ, добрались черезъ нѣсколько дней развѣдчики до глубокаго ущелья, наполненнаго безпредѣльнымъ дубовымъ лѣсомъ; среди него изгибалась широкая бѣлая полоса; по обѣ стороны высились крутыя горы.

— Что это за рѣка?.. освѣдомился Юрій, никогда не бывавшій въ тѣхъ краяхъ.

Мингаило усмѣхнулся.

— Стараго знакомаго не узналъ: Нѣманъ это!.. отвѣтилъ онъ.

Изъ-за лѣса противоположнаго, праваго берега виднѣлась кровля замка, часть стѣны и круглая бурья башни; надъ самой высокой, на легкомъ вѣтеркѣ, чуть развѣвалось большое полотнище бѣлаго флага съ чернымъ крестомъ посрединѣ; нѣсколько въ сторонѣ, будто бѣлый куполъ, поставленный прямо на снѣгъ, намѣчался высокій, круглый холмъ, отдѣленный отъ замка оврагомъ.

— Могила великаго князя Гедемина... проговорилъ Мингаило, указывая на курганъ пальцемъ.

Юрій снялъ мѣховую шапку и почтительно наклонилъ голову; его примѣру послѣдовали и его спутники.

— Значить, тамъ теперь нѣмцы?.. карликъ кивнулъ на замокъ.

Отвѣта словами не было: ставшія строгими лица и загорѣвшіеся глаза Юрія и Мингаилы сдѣлали этотъ отвѣтъ излишнимъ.

Не успѣли путники отѣхать по ослѣпительно сверкавшему снѣгу пяти верстѣ, Мингайло вдругъ рвануль коня влѣво, въ лощинку; сани остановились, лошадь ввалилась по хомутѣ въ яму.

— Куда ты? удивился Юрій.

Старикъ молча кивнуль на тотъ берегъ: тамъ изъ лѣса на ледъ длинною цѣпью стекали всадники въ шлемахъ и съ копьями; за ними, на особенно рослыхъ и мощныхъ коняхъ, покачивались люди въ бѣлыхъ плащахъ съ черными крестами, накинутыхъ на малиновыя, алыя и синія шубы; кромѣ громадныхъ, двуручныхъ мечей, висѣвшихъ на боку у cadaго, иного оружія при нихъ не было: щиты, доспѣхи, копья — все это везлось на особыхъ многочисленныхъ возахъ.

— Рыцари!.. вполголоса вымолвилъ карликъ.

Замѣтили и всадники сани - одиночку, мелькнувшія на гребнѣ горы; передовые привстали на стременахъ и подняли головы, вглядываясь въ то мѣсто, гдѣ почудились и исчезли встрѣчные. Трое кнехтовъ съ копьями спустились на ледъ, но съ середины рѣки вернулись обратно: пробовать взобраться на отвѣсы, по которымъ пролегала литовская дорога — значило утонуть въ снѣгу.

— Въ Ковну подкрѣпленіе идетъ!.. проворчалъ Мингайло, выглядывая какъ волкъ изъ засады. — Ишь, черти желѣзные!.. перевѣшать бы ихъ здѣсь всѣхъ, позвонили бы на сукахъ, какъ на своихъ колокольняхъ!

Совокупными усиліями всѣ высвободили лошадь изъ сугроба и сани покатались дальше; рыцарскій обозъ и отряды втянулись въ лѣсъ и еще нѣкоторое время мелькали среди бѣлыхъ кустовъ.

— Попадись мы имъ въ лапы — вчистую ограбили бы!.. произнесъ карликъ.

Мингайло хмыкнуль носомъ.

— Скажи — убили бы!.. Имъ лучше не попадаться!

Тѣни деревьевъ стали дѣлаться синѣй и длиннѣе; снѣгири крупными красными ожерельями тѣсно развѣшивались на ночь по вѣтвямъ кустовъ и, распушась, провожали черными глазками проѣзжихъ.

Привидѣніе и Ягайло.

— Скоро другой замокъ будетъ... Рауданы!.. сказала Мингаило. — За нимъ на тотъ бокъ переправляться надо — самое опасное мѣсто!

— Ишь, сколько здѣсь этихъ змѣиныхъ гнѣздъ развелось!.. буркнулъ карликъ.

— Много!.. подтвердилъ Мингаило. — До самой нѣмецкой земли вдоль дороги тянутся.

Лѣсъ осумеречилъ; тѣни на снѣгу слились въ одну; надъ убѣленными вершинами дубовъ противоположнаго берега алой короной пылала въ послѣднихъ лучахъ солнца верхушка круглой башни.

— Вонъ тамъ противъ воротъ сложилъ свою голову Гедеминъ!.. заявилъ Мингаило, указывая на замокъ. — Старого дуба былъ корень, богатырь... не нынѣшнимъ людямъ чета!..

— Придетъ время и мы за себя постоимъ!.. выразительно отвѣтилъ карликъ. — И мы не лыкомъ шиты!

— Что вы!.. тѣмъ же унылымъ тономъ отвѣтилъ Мингаило: — подковы нѣмецкія руками ломать, это вы можете, а какое же въ томъ диво? Въ наше время коня кулакомъ по лбу убивали и то ни во что считали!

Юрій молча смотрѣлъ на погасшій замокъ; по блѣдной зелени неба, спѣша на ночлегъ, торопливо летѣли двѣ вороны; въ глубинѣ долины быстро сгущалась тьма; верхнія окна замка тускло свѣтились — они были затянуты бычачьимъ пузыремъ.

Сани быстро заскользили внизъ, черною тѣнью перенеслись черезъ рѣку и по наѣзженной дорогѣ поднялись на гору и исчезли въ лѣсу. Одно окно замка, будто мутный глазъ съ бѣльмомъ, долго выискивало ихъ въ чащѣ.

Въ глухую полночь, по безпросвѣтнымъ словымъ дебрямъ добрались путники до новаго оврага и спустились въ него; откуда то донесся свирѣпый лай, но

видно ничего не было. Лошадь стукнула оглоблями во что то деревянное и остановилась. Рядомъ, будто за перегородкой, бѣсновалась собака.

— Слѣзайте, пріѣхали!.. объявилъ Мингаило, выbralся изъ саней и постучалъ рукояткой сабли; собака заметалась еще яростнѣй.

— Кто здѣсь?.. окликнулъ густой голосъ.

— Свой!.. Мингаило изъ Троку.

Зашуршала и отворилась дверь, мелькнулъ огонекъ и съ горящей головешкой въ рукѣ появился бородатый человекъ, очень походившій на вставшаго на дыбы медвѣдя. Онъ всмотрѣлся въ гостей, поздоровался и, свѣтя головней и ведя лошадь подъ уздцы, вступилъ въ довольно обширную низкую пещеру; неровный сводъ ея сплошь окутывала искрившаяся серебряная паутина изъ тончайшихъ корней сосенъ, росшихъ снаружи; дохнуло сѣномъ и конями, раздалось встрѣчное, привѣтное ржаніе.

Появились заспанные мальчики - подростки, быстро распрягли лошадь, задали ей корма и отставили къ стѣнѣ сани.

Пріѣзжіе прошли во вторую пещеру, укрѣпленную нѣсколькими толстыми столбами; между ними вмѣсто скамеекъ и табуретовъ были раскиданы колоды. Какъ всегда, въ ямѣ на срединѣ горѣлъ костеръ; въ него повидимому только что подкинули свѣжихъ корягъ и онѣ разгорались съ громкимъ трескомъ. Нѣсколько женщинъ, завидѣвъ гостей, тотчасъ принялись хлопотать объ ужинѣ.

Во второй пещерѣ было почти жарко и путники съ наслажденіемъ растянулись послѣ цѣлаго дня ѣзды на разложенныхъ кругомъ огня бараньихъ и медвѣжьихъ шкурахъ.

Пріѣзжіе утолили голодъ и кругомъ нихъ собралась вся многочисленная семья хозяина: всѣмъ — даже босымъ бѣлоголовымъ ребятишкамъ, прибѣжавшимъ въ волочившихся тулупахъ взрослыхъ, было любопытно послушать и поглазѣть на людей, пріѣхавшихъ изъ той загадочной бѣло-черной дали, гдѣ пы-

лаютъ заматы и гдѣ между людьми происходитъ что то непонятное, наполняющее души ужасомъ. На почетномъ мѣстѣ, на пнѣ, покрытомъ лисьимъ мѣхомъ, сидѣла сгорбленная сѣдая старуха, мать бородача; онъ помѣщался у ногъ ея.

Рѣчь велъ Мингаило; съ хозяиномъ, Лютауромъ, онъ былъ давній пріятель и потому распространялся о всѣхъ дѣлахъ безъ опаски.

— Княгиня здѣсь, на Жмуди!.. увѣренно сказала Лютауръ. Слова онъ рубилъ отрывисто и скупю. — Найти можно!..

Юрій оживился.

— Гдѣ же искать ее?.. вмѣшался онъ.

Медвѣдь пожалъ плечами.

— Везли ее жрецы бога Поклюса; у нихъ и искать надо!

— Вѣрно!.. воскликнулъ Мингаило и ударилъ себя въ грудь. — Куда же, полагаешь, упрятали ее?

Лютауръ сѣузилъ глаза въ щелки и пошевелилъ густыми бровями.

— Гдѣ то есть у нихъ среди озеръ на сѣверѣ потайное капище!.. отвѣтилъ онъ подумавъ. — Трудно добраться до него — ни весной, ни лѣтомъ туда хода и проѣзда нѣтъ!

— А ты бывалъ тамъ?.. спросилъ Юрій.

— У озеръ бывалъ, а вглубь забираться не доводилось!..

— Жутко тамъ!.. вмѣшалась старуха. Во впалыхъ, потустороннихъ глазахъ ея отражался огонь костра. — Болота вездѣ бездонныя... сама царица злыхъ духовъ въ нихъ живетъ. Только зимой, когда всѣ они засыпаютъ, можно пробраться туда!..

— Не помнишь ли чего о потаенномъ капищѣ?.. обратился къ ней Мингаило.

Старуха покачала головою.

— Много зимъ промелькнуло съ тѣхъ поръ, какъ я его видѣла! Помню, что отъ Поланги все на восходѣ солнца ѣхали мы до озера, огромнѣйшаго, синяго — Плятисомъ его отецъ называлъ, — море это цѣлое,

береговъ съ середины не видѣли; переправились лодкахъ - долбленкахъ; потомъ острова пошли частіи. На ночевкахъ кострами обкладывались, круги вокругъ становя очерчивали. Мы, дѣти, какъ щенки, куцаясь спали, по-мышьи изъ подъ медвѣжьихъ шкуръ то звѣзды, то на черную воду поглядывали!

Какихъ только страховъ не натерпѣлись, дивъ навидались! Крики по ночамъ изъ озеръ и рѣкъ слышались, хохотъ; голоса изъ за костровъ къ берегу на звали, призраки показывались... всего было!..

А потомъ высокая гора небо подперла; вся она была осыпистая, камнями - валунами усѣянная. А изъ самой верхушкѣ ея отъ одного корня пять братьевъ богатырей росло. Кругомъ нихъ стѣны мурованныя каменные подымались. Бабушка указала намъ на нихъ пальцемъ и сказала: запомните, дѣти — это самое страшное мѣсто на свѣтѣ; въ пещерахъ подъ ними этимъ капищемъ самъ Поклюсь живетъ, а подъ нимъ вѣчное пламя пылаетъ — тамъ адъ находится!

Потомъ опять ѣхали, ѣхали и уже только лѣтъ наши помню...

Старуха замолчала. — Бури какія ревѣли!.. добывала она черезъ минуту.

— Знаешь ли, гдѣ эти пять дубовъ?.. обратился къ Лютауру Мингаило.

Тотъ мотнулъ бородою.

— Надо сыскать... отвѣтилъ онъ: — на закатахъ держаться будемъ!

— Самъ, что-ли, съ нами пойдешь?

— Самъ... Однако ужъ спать пора!..

Въ костеръ свалили двѣ вязанки дровъ и стали устраиваться на ночь; среди наступившаго безмолвья слышался только храпъ уснувшихъ да хрустъ костей челюстей.

Мѣсяцъ, суля морозъ, смутно сіялъ въ радужномъ кругу, когда около пещернаго нумая зашевелились и задвигались люди: собирали путниковъ въ дупло. Выволокли четверо салазковъ, столько же паръ лыжъ и копій; опустѣлые, желто-кожаные кожаные

туго набили оперенными стрѣлами, уложили на слухачай ночевки въ лѣсу по широкому мѣшку изъ медвѣжьихъ шкуръ да горшокъ съ чуть тлѣвшимъ трютомъ; путники надѣли лыжи и простились съ выспавшими проводить ихъ хозяевами.

Откидывая за собой тѣнь и везя салазки, передовымъ пошелъ Лютауръ; позади всѣхъ, будто маленькій мальчикъ, смѣшно размахивая ручками, плелся карликъ; лыжи были для него черезчуръ велики и онъ то и дѣло спотыкался и два раза свалился въ сугробы.

— Да посадите его на салазки!.. закричали женскіе голоса: — вѣдь онъ замучается!

Лютауръ разслышалъ совѣтъ и остановился; Муха заржалъ совершенно какъ жеребенокъ, поддалъ сразу обѣими ногами и опять заржалъ. Ему откликнулись лошади изъ нумая; женщины и дѣти смѣялись.

Карликъ помахалъ на прощанье краснымъ колпакомъ; его усадили въ сани и всѣ исчезли среди занесенной снѣгами еловой поросли.

Глава XXIII.

Около полудня путники стали подумывать объ обѣдѣ, но вожакъ все скользилъ да скользилъ впередъ, выписывая петли по дремучему бору. Только когда заголубѣло небо и открылась довольно большая поляна, отороченная сверкавшимъ березнякомъ, Лютауръ остановился; подтянулись и остальные.

Добычу искать не приходилось — тысячи черныхъ косачей и сѣрыхъ тетеревовъ облѣпляли березы и подпускали такъ близко, что бить ихъ можно было почти въ упоръ. Пока нарубили топорами сухихъ сучьевъ, Юрій сбиль четыремя стрѣлами столько же

краснобровыхъ чернышей, карликъ быстро очистилъ ихъ, наткнулъ на длинный пруть, какъ на вертелъ и развелъ огонь

Обѣдъ и отдыхъ заняли недолгое время, затѣмъ развѣдчики опять пустились въ свой трудный путь.

Только успѣли они сдѣлать нѣсколько шаговъ — дорогу стѣной перегородила лохматая, вся въ серебряныхъ крутыхъ завиткахъ, заиндевѣлая, горбатая громада — туръ; приподнявъ курчавую лобастую голову, онъ остановился, раздулъ красныя ноздри такъ, что изъ-подъ нихъ взмело снѣгъ, и уставился блестящими выпуклыми глазами на неожиданныхъ вступившихъ.

Всѣ замерли на своихъ мѣстахъ.

Лѣсной великанъ еще разъ втянулъ въ себя воздухъ, убѣдился, что никто не осмѣлился напасть на него, и медленно углубился въ чашу. Цѣлая бѣлая туча снѣга рухнула съ дерева на его спину.

Карликъ выхватилъ изъ колчана стрѣлу и уже хотѣлъ пустить ее въ звѣря, но Лютауръ удержалъ его.

— Зачѣмъ?.. тихо буркнулъ онъ. — Что мы съ такой горой мяса дѣлать будемъ?

Солнце еще не садилось, но глубины бора уже насупились, легкими порывами сталъ налетать вѣтерокъ; на прогалинахъ закручивались снѣжные призраки необычайныхъ людей и звѣрей.

— Быть ночью бурѣ!.. проговорилъ Мингаило прислушиваясь къ лѣсному гулу — онъ былъ еще отдаленный и слабый.

— Ишь лоси въ чащобы пошли... Время и намъ на ночлегъ стать! сказалъ Лютауръ.

Дѣйствительно, черезъ поляну пробиралось штукъ семь лосей съ широкими рогами, распластанными на спинахъ.

Лютауръ свернулъ въ ту же сторону, выбравъ нѣсколько столѣтнихъ елей, росшихъ тѣснымъ круж-

комъ, и ввелъ въ убѣжище санки. Путники очутились подъ непроницаемымъ навѣсомъ; снѣга на землѣ почти не было; исчерна зеленѣлъ мохъ; со всѣхъ сторонъ вставали, защищая другъ друга, ели, вѣтеръ не чувствовался совершенно.

Запылали два костра. Путники поужинали, запасли на ночь горы вѣтокъ и трое забрались въ медвѣжьи мѣшки; четвертый, Мингаило, остался караулить и усѣлся, какъ у стѣны, у толстаго ствола; сбоку себя онъ положилъ лукъ и копье и, жмурясь, то всматривался въ чащу, то глядѣлъ на яркіе языки огня, взметывавшіеся чуть не до половины ели; вѣтви качались и изрѣдка по нимъ безчисленными золотыми блохами съ трескомъ прыгали искры; бѣлый дымъ тяжелымъ столбомъ упирался въ своды и заполнялъ и бѣлилъ ихъ.

Юрію не спалось. Онъ долго слушалъ приглушенный шумъ бора, не такой явственный и громкій какъ лѣтомъ, но угрожающій, съ отдаленнымъ воємъ и присвистами. Таявшій отъ костровъ снѣгъ капалъ съ вѣтвей на шкуры и, казалось, будто дождь пощелкиваетъ по спавшимъ.

Только что Юрій задремалъ, Мингаило разбудилъ его: время было становиться на смѣну.

Юрій вылезъ изъ своего мѣшка, подбросилъ въ сгонъ сучьевъ и усѣлся на мѣстѣ, оставленномъ Мингаилой. Буря продолжалась, но внизу цѣпенѣла тишина; въ освѣщенномъ огнемъ полукругѣ, кромѣ частыхъ стволовъ деревьевъ да распростертыхъ лапъ ихъ, видно ничего не было: издалека долетали жуткіе голоса, гдѣ то скрипѣло дерево.

Юрій освоился съ ночными звуками и мысли мало-по-малу унесли его въ далекую Гродну. Представилась Соня, освѣщенные, теплые комнаты замка, уютная подушка подъ головой... глаза его слиплись... ухо различило мяуканье; рука Юрія провисла между ногъ, голова опустилась на грудь—онъ погрузился въ глубокій сонъ.

Струйка воды затекла ему за воротъ и пробу-дила его. Юрій выпрямился и широко раскрыла глаза. Костры угасали; на деревья надавила тьма; живого ничего видно не было. Взглядъ Юрія вдругъ приковался къ толстому суку, уходившему въ темноту надъ нимъ на разстояніи всего какихъ-нибудь шаговъ семи: тамъ бѣлѣла полоска снѣга съ двумя зелеными, будто дымящимися, глазами.

— Рысь!.. сообразилъ Юрій и ухватился за лукъ. Позади первой полосы шевельнулась другая и стала беззвучно собираться въ комокъ для прыжка, но сдѣлать его не успѣла: Юрій вскочилъ на ноги и бросился къ костру. Это спасло его, такъ какъ оба звѣря отъ неожиданности припали къ вѣткѣ.

Звякнула тетива и передняя рысь свалилась на мохъ и закувыркалась въ конвульсіяхъ; второму звѣрю стрѣла попала въ шею; онъ зашипѣлъ, какъ разъяренный котъ, и уцѣпился передними лапами за сукъ; новая стрѣла вонзилась ему въ спину, и онъ, продолжая держаться на когтяхъ, медленно вытянулся будто повѣшенный, потомъ грузнымъ мѣшкомъ упалъ на землю.

Возбужденный Юрій разжегъ костры въ цѣлый пожаръ и, пристально вглядываясь въ каждое подзрительное пятно, обошелъ вокругъ убѣжища.

Ночные гости оказались очень крупными, и не очнись во-время Юрій, путь его и его товарищей могъ оборваться въ этомъ бору.

Послѣднюю, самую тяжкую предутреннюю смѣну отбылъ Лютауръ и поднялъ всѣхъ, когда мѣсяцъ еще въ полномъ сіяніи плылъ среди бѣлыхъ облаковъ и когда лишь очень опытный глазъ можетъ опредѣлить время.

Еще трое сутокъ пробирались черезъ дебри и озера путники. Съ горъ птицами слетали на салазкахъ; подъемы съ каждымъ днемъ становились все

утомительнѣй. Руководствовались они солнцемъ, звѣздами, деревьями и особыми примѣтами. На четвертый день у ногъ ихъ оборвалась круча высокаго берега; съ него развернулся видъ на безконечные бѣлые просторы и глади, на изгибы перелѣсковъ и лѣсные острова.

— Великія озера!.. произнесъ Лютауръ.

Всѣ съ жаднымъ вниманіемъ устремили глаза на развернувшуюся даль, но ничего, кромѣ снѣговъ и лѣсовъ, не замѣчалось.

— А гдѣ же гора съ пятью дубами?.. спросилъ Юрій.

Лютауръ всматривался въ безчисленные острова.

— Гдѣ то тамъ!.. коротко отозвался онъ и широко обвелъ рукою горизонтъ.

— Будемъ искать!..

Г л а в а XXIV.

Однообразно и тихо текло время въ Гродненскомъ замкѣ.

Щебетунья Соня, наполнявшая его весельемъ и шумомъ, притихла, ее стала неслышно. Замокъ, казалось, сдѣлался пустыннымъ, шаги гулче отдавались подъ сводами; жизнь сосредоточилась въ кабинетѣ князя, куда ежедневно, а то и по нѣсколько разъ въ день являлись гонцы и развѣдчики съ новостями не только изъ разныхъ литовскихъ княжествъ, но и изъ Польши и отъ нѣмцевъ.

Въ Краковѣ пятнадцатаго февраля совершилось крещеніе Ягайлы, переименованнаго во Владиславы, и восемнадцатаго числа бракосочетаніе Ядвиги и Ягайлы; Витовтъ послалъ на него, въ качествѣ своего представителя и для принесенія поздравленій, боярина Кучку съ небольшою свитой.

Четвертаго марта произошла коронація Ягайлы. объ Юріѣ вѣстей все не было. Княгиня безпокоилась Витовтъ подшучивалъ надъ нею; Соня не обмолвилась о пропавшихъ ни звукомъ, и только сторожевые нѣ сколько разъ замѣчали, что на верхней площадкѣ башни появлялась фигура княжны и подолгу простаивала, повернувшись лицомъ къ дорогѣ изъ Вильны.

Наступила оттепель, повѣяло весною.

Не успѣли утихнуть въ Гроднѣ разговоры о краковскихъ событіяхъ, — весь городъ зашумѣлъ какъ рѣка на порогахъ: новый польскій король назначилъ великимъ княземъ Литвы своего брата Скиргайлу и сверхъ того отдалъ ему принадлежавшее Витовту родовое княжество Троцкое.

Всегда владѣвшій собой Витовтъ почернѣлъ, прочтя грамоту объ этомъ; въ ней же заключалась и другая наглость — требованіе Ягайлы дать объясненіе его намѣренію выдать дочь замужъ за сына великаго князя московскаго.

Витовтъ скомкалъ грамоту и швырнулъ ее на полъ къ ногамъ привезшихъ ее польскихъ пановъ.

— Вонъ!! выразительно произнесъ онъ. — Вотъ все мое объясненіе!..

Онъ властнымъ жестомъ указалъ на дверь.

— Позвольте, ваша свѣтлость?.. взѣрился было одинъ изъ поляковъ — самый высокій и худощавый.

— Молчать!! крикнулъ Витовтъ.

Лицо его сдѣлалось грознымъ, на вискахъ вспухли синія жилы. — Эй, стража?!

Но выводить никого не пришлось: посланцы заторопились уходомъ сами.

— Сообщимъ его величеству королю о такомъ приѣмѣ!.. многозначительно пообѣщавъ длинный, оглянувшись у порога.

Витовтъ повелительно и молча указалъ пальцемъ на дверь.

Посланцы исчезли; слѣдомъ за ними, звякая желѣзомъ, вышла стража; въ залѣ, кромѣ княжеской

четы, осталось только нѣсколько человѣкъ придворныхъ.

Княгиня обняла мужа.

— Успокойся!.. съ глубокою вѣрою и лаской въ голосъ проговорила она. — За насъ Богъ!

Взглядъ князя смягчился.

— Развѣ что Богъ!.. произнесъ онъ.

— И мы!! рѣзко и неожиданно заявилъ Андрей.

— Насъ, твоихъ слугъ, не мало!..

Витовтъ ласково и молча потрепалъ его по плечу.

Въ жарко натопленной, душной пекарнѣ, сгорбась, сидѣлъ со своимъ пріятелемъ Явнутисомъ Лугвеній; оба безмолвствовали; пахло горячимъ хлѣбомъ; подъ широко разсѣвшейся печкой трещали сверчки.

— Съ чего бы, братъ, ты очень задумываться сталъ?.. подивился Явнутись, упитанный человѣкъ, бѣлый какъ булки, которыя онъ пекъ для замка. — Животъ, что ли, болитъ, что ты къ колѣнкамъ все гнешься?

— Не болитъ... отозвался Лугвеній, продолжая упорно смотрѣть въ уголь, гдѣ стояла метла; онъ сильно похудѣлъ съ лѣта, глаза увеличились и казались горѣвшими.

— А голова совсѣмъ прошла послѣ Трокской лѣстницы?

— Иногда побаливаетъ. — Скажи, ты вѣруешь во Христа?

Явнутись равнодушно сплюнулъ.

— Отчего же не вѣрить, вѣрую. Я, вѣдь, крещеный!.. И Перкунъ тоже хорошій богъ: усы у него золотые!

— А ты слыхалъ про воскресеніе Христа?

— Какъ же!.. Некогда только мнѣ разбираться въ такихъ дѣлахъ.

— А Христосъ по твоему хорошій богъ?

— Хвалятъ его...

— За что же его убили?

— Не съумѣю тебѣ сказать!.. Рыцари, должно быть, прикончили за то, что онъ все съ бѣдными знался!.. Ничего, новый богъ будетъ!.. каменные и тѣвѣ разбиваются!.. Ты бы съ попами потолковалъ, имъ все извѣстно!

— Неправильно они говорятъ!.. замѣтилъ Лугвеній и понизилъ голосъ: — Христось уже опять вернулся съ неба на землю!

— Развѣ?

— Я его самъ видѣлъ! Въ Трокахъ или въ Вильнѣ онъ сейчасъ.

— Столько теперь вѣрь развелось на Литвѣ, что не разобраться въ нихъ — всѣ по разному толкуютъ! сказалъ Явнутись.

— Главное, теперь нужно уберечь его отъ нѣмцевъ и нашихъ жрецовъ: они уже опять для него кресты заготавливаютъ на перекресткахъ кругомъ Вильны! Христось меня отъ злой смерти спасъ и я ему долженъ помочь!

— Спятишь ты, братъ, съ ума!.. Ишь, и глаза у тебя какъ угольки... отозвался Явнутись, внимательно поглядѣвъ на собесѣдника. — Боги намъ, а не мы имъ помогать должны!.. Кому такіе боги надобны?

Онъ вышелъ изъ пекарни.

Лугвеній всталъ во весь ростъ, вперилъ глаза въ пространство и поднялъ надъ головой обѣ руки въ знакъ клятвы.

— Умереть надо будетъ — умру за Тебя!.. выговорилъ онъ въ экстазѣ.

А въ тѣсной горенкѣ бокового крыла замка всю ночь до свѣта не смыкалъ глазъ Андрей: свербѣла дума какъ возможно злѣй отплатить ненавистному Ягайлѣ за князя Витовта и за отнятіе у него Трокскаго княжества. Пылкій юноша никакъ не могъ примириться съ тѣмъ, что Ягайло сдѣлался вдвое сильнѣе Витовта и что силой дѣйствовать не годится. Нежданная вспышка всегда сдержаннаго князя обрадовала и окрылила

Андрея: глубины расчетовъ и дѣйствій Витовта онъ не понималъ и считалъ ихъ вредною мягкостью характера князя.

Утромъ Андрей, какъ всегда, умылся снѣгомъ и свѣжій и бодрый явился къ князю, просить разрѣшенія на поѣздку въ Вильну къ роднымъ, которыхъ давно не видалъ.

Позволеніе было дано и въ тотъ же день Андрей захватилъ съ собой богатыря Усвята и двухъ слугъ, и уже отряхнувшіе съ себя снѣгъ черные лѣса поглотили ихъ.

Теплилась лампадка въ небольшомъ, уютномъ покоѣ княгини Анны. Путеводнымъ огонькомъ служила она запоздалымъ путникамъ, направлявшимся среди ночной темноты по пути изъ Вильны; блеснулъ онъ въ глаза и тремъ людямъ, только что показавшимся на развальняхъ изъ черной, безконечной трубы лѣса.

— Домъ!.. княгининъ огонекъ!.. радостно, съ облегченіемъ, воскликнулъ самый маленькій изъ сѣдоковъ; оживились не только двое другихъ, но и буланая лошадь, пошедшая крупною рысью; изъ подъ копытъ ея въ сидѣвшихъ, какъ изъ пращи, полетѣли комки мокраго снѣга и брызги изъ лужъ.

— Во-время воротились мы!.. замѣтилъ Юрій. — Еще нѣсколько дней — и ни проѣзда, ни прохода не станетъ!..

— Въ старые годы люди вездѣ и всегда проходили!.. возразилъ Мингайло. — Разбаловались теперь всѣ очень, изнѣжились!..

— Дядя, не ной!.. оборвалъ старика карликъ. — Радуйся, что живыми вернулись!.. что мы вытерпѣли — вспомни-ка?..

Мингайло не успѣлъ во-время сдержать лошадь и та грохнула въ ворота оглоблями; не прошло и четверти часа — по темному замку разсыпались звѣзды огоньковъ, раздались возгласы — „наши пріѣхали!“ Раз-

буженные обитатели кое-какъ накидывали на себя платья, или завертывались во что попало, выскакивали въ корридоръ и въ залъ и вслѣдъ за другими спѣшили къ опочивальнѣ княгини; она только что собралась ложиться спать, но была еще одѣта, когда прибѣжала оповѣстить ее дѣвушка.

Вокругъ воротившихся происходила толчея: всѣмъ хотѣлось задать имъ хотя бы по вопросу и поглядѣть на нихъ. А они стояли у двери княгининой комнаты въ оборванныхъ платьяхъ, съ вспухшими, обмороженными лицами и очень отдаленно напоминали самихъ себя передъ повздой.

Въ легкомъ ночномъ лисьемъ тулупчикѣ торопливо пришелъ Витовтъ; сбоку его съ зажженной восковой свѣчей поспѣвалъ спальникъ.

— А мать гдѣ?.. оглядываясь спросилъ князь: — не нашли? Жива?

— Слѣдъ вѣрный есть!.. отозвался Юрій и ступилъ на шагъ ближе къ князю.

— Гдѣ же она? На Жмуди у жрецовъ?

— Да. На Великихъ Озерахъ, на островѣ.

Лицо Витовта сдѣлалось каменнымъ.

— Разсказывайте все подрядъ что съ вами было!.. велѣлъ онъ и сѣлъ въ красномъ углу на скамью подъ образами.

Соня опустилась на постель Анны; у ногъ послѣдней, какъ обычно, примостился карликъ; горенку освѣщали только лампадка да двѣ тоненькія свѣчки на стѣнѣ; тѣни отъ головъ множество людей двигались и, казалось, будто какіе то черные незнакомцы подслушиваютъ и шевелятся позади всѣхъ. Юрій началъ повѣствованіе. О томъ, какъ они добрались до Лютаура, онъ сообщилъ всего въ нѣсколькихъ словахъ и даже не упомянулъ о нападеніи волковъ. Дальше рѣчь его сдѣлалась пространнѣе и стала захватывать слушателей.

— Долго мы искали и высматривали высокую гору!.. говорилъ Юрій: — много встрѣчалось ихъ, а взберемся на верхъ — снѣгъ да ели... Много зорь мы

встрѣтили въ лѣсу! Дива видали; вою-рева звѣринаго наслушались; въ бурю разъ деревомъ чуть не задавило; видѣли какъ паръ зыбкой струйкой надъ бѣлыми холмиками вился: медвѣди подъ ними спали; иной разъ по нѣсколько берлогъ почти рядомъ встрѣчались. Зубръ однажды напалъ, на деревьяхъ отъ него спаслись, двое санокъ нашихъ онъ растопталъ, Лютауръ съ Мингайлой его стрѣлами прикончили.

И вотъ встала наконецъ передъ нами гора высокая, а надъ ней, будто грибокъ огромный, темное облачко на голубомъ небѣ висѣло. На пожаръ не походило — огня не примѣчалось! На самой верхушкѣ, изъ за сосенъ да елей дубы виднѣлись. А сколько ихъ тамъ росло — угадать нельзя было!

Стали подыматься въ гору сквозь молоднячекъ сосновый, рѣденькій и вдругъ на лыжные слѣды чьи то наѣхали; дальше другіе встрѣтились, тамъ третьи. И снѣгъ кругомъ какой то чудной сдѣлался — будто его краснымъ пескомъ побрызгали. Свернули мы въ чащу, чтобы зря на глаза кому нибудь не попасться, запрятали свое добро подъ елку и порѣшили Муху при немъ оставить, чтобы звѣри чего не растаскали да не изгрызли, а намъ троимъ въ развѣдку идти.

Условились мы, кому что говорить въ случаѣ встрѣчи, и стали взбираться вверхъ; лѣсъ рѣже все дѣлался, а скоро и сѣрая, изъ валуновъ сложенные, невысокія стѣны открылись — облако какъ разъ надъ ними повыше дубовъ держалось.

Входа видно не было. И вдругъ мы всѣ трое остановились: кровь, какъ ручей, изъ подъ стѣны выбѣгала и дымилась; весь снѣгъ кругомъ былъ запятнанъ ею. Подивились мы, а Лютауръ снялъ варежку и опустилъ въ ручей палецъ.

— Вода это... сказалъ. — Да горячая какая!

Попробовали и мы ее и дальше подъ самой стѣной пошли. За угломъ калитку увидали, отъ нея внизъ, круто подъ гору, лыжные слѣды вели. Поторкали мы дверь — заперта она; во дворѣ тишина, кругомъ ни души. Начали стучать громче; наконецъ слышимъ — ша-

ги закрипѣли по снѣгу и калитка отворилась; выглянулъ бородатый жрецъ съ черными глазами; удивился онъ.

Поздоровались мы; Мингайло заявилъ, что мы охотники изъ подъ Тельшъ на соболей и бобровъ, за-
и просимъ приюта.

— А гдѣ же ваши санки? спросилъ жрецъ и выглянулъ за калитку.

— Зубръ изломалъ!

Жрецъ качнулъ головой и впустилъ насъ во дворъ, потомъ ввелъ въ другой, совсѣмъ маленькій — онъ упирался въ высокій, совсѣмъ отвѣсный обрывъ. На вершинѣ его пять дубовъ кружкомъ росли, между ними столбъ пара подымался, верхушка его расплывалась и отсвѣчивала краснымъ; подъ обрывомъ въ стѣнѣ чернѣли два выхода.

По прочищенной тропочкѣ попали мы въ пещеру, ее наполнялъ паръ; сквозь него огонекъ будто въ туманѣ свѣтился; посрединѣ водоемъ большой устроенъ былъ изъ камней и вода въ немъ какъ въ котлѣ бурлила. Приглядѣлись мы — а онъ вмѣсто камней кругомъ черепами конскими выложенъ красными и вода въ немъ, будто кровь, густая.

Изъ этой пещеры прошли мы во вторую; тамъ тоже огонь пылалъ, а изъ нея въ глубь земли черные коридоры уходили; тепло было какъ въ банѣ.

Жрецъ оставилъ насъ и ушелъ, немного погодя онъ вернулся съ тремя другими. Поглядѣли они на насъ, о чемъ то шептались и скрылись. И вдругъ изъ темноты старецъ съ посохомъ, весь въ бѣломъ и съ бѣлою бородой по поясъ, появился.

Мы низко поклонились.

— Кто такіе?.. спросилъ онъ. — Для чего пришли сюда въ святилище?

Мингайло отвѣтилъ.

Старецъ долго всматривался въ наши лица; огонь прямо освѣщалъ насъ.

— Ты близкій человѣкъ князя Витовта!.. сказалъ онъ мнѣ. — Зачѣмъ ты здѣсь?

Волчья погоня.

— Мы заблудились... повторилъ я.

— Берегись лгать: богъ Поклюсь слышитъ тебя! Онъ топнулъ ногой и глухой гулъ прокатился по подземелью. — Ты посланъ Витовтомъ искать княгиню Бейруту, а эти двое твои провожатые!

Страхъ на меня напалъ — старецъ все зналъ! Я замолчалъ... И вдругъ меня осѣнило! А не потому ли, подумалъ я, онъ знаетъ, что великая княгиня находится здѣсь?

— Запереть ихъ до дня суда!... приказалъ старецъ.

Позади насъ сразу откуда то выступила цѣлая толпа людей; насъ вывели на дворъ и заперли въ незамѣтной снаружи пещерѣ... А что произошло дальше, пусть объ этомъ расскажетъ Муха!

Взгляды всѣхъ устремились на него.

— Что же было?.. спросилъ Витовтъ.

— Да ничего особеннаго!.. отозвался карликъ. — Хочодно очень было ихъ ждать, я посидѣлъ на санкахъ, потомъ пошелъ къ дубамъ на верхъ горы, поглядѣть, что это за дымъ такой изъ нея валить. Добрался до провала большого въ землѣ, кругомъ него красный песокъ лежалъ; пробрался дальше немного — увидалъ, что на отвѣсномъ обрывѣ стою, сажень пяти высотой. Внизу два двора раскинулись длинные; у подножія обрыва пещеры примѣтилъ. Никого видно не было.

Вдругъ гляжу — изъ одной изъ нихъ вооруженные люди въ черныхъ длинныхъ одеждахъ показались; за ними наши трое молодцовъ появились, потомъ жрецы, человѣкъ двадцать всего. Я скорѣй за елочку нырнулъ! Смотрю, въ сторонѣ третья пещера, совсѣмъ сперва незамѣтная, за дверью заиндевѣлой открылась; отворили они ее, впустили нашихъ, да еще въ шею Лютаура подтолкнули и опять затворили и коломъ подперли — другихъ запоровъ не было.

Понялъ я, что случилось! Побѣжалъ скорѣй назадъ, не знаю куда броситься, что дѣлать; захватилъ второй колчанъ со стрѣлами и пустился къ обрыву.

Осторожненько выглянулъ — дворъ по-прежнему пустъ. Рѣшилъ покараулить подъ елкой до вечера, а потомъ поискать мѣсто, гдѣ стѣна пониже, и попробовать перелѣзть черезъ нее.

Улегся я подъ елочкой, слѣжу. Какой-то чело-вѣкъ вышелъ изъ средней пещеры; въ рукахъ несъ два горшка — одинъ большой, другой маленькій — обѣдъ, подумалъ я, для нашихъ и для княгини Бей-руты!

Не переступая порога, за нимъ слѣдили двое бородачей. Человѣкъ вернулся быстро, но уже съ пустыми руками; приткнулъ опять коломъ дверь и скрылся со своими товарищами. Караульныхъ нигдѣ не имѣлось — значитъ жрецы крѣпко были увѣрены въ недоступности своего жилища.

Стало смеркаться: день сумрачный былъ, облачный, надъ дубами зарево засвѣтилось, въ ближней пещерѣ какъ сквозь туманъ огонь желтѣлъ; люди выходили и входили въ нее очень изрѣдка. Пустился я стѣну осматривать, гдѣ бы перелѣзть черезъ нее, да куда тамъ — обледенѣла она, высокая, а я всего въ четверть чело-вѣка ростомъ, гдѣ же мнѣ было перебраться? Лазилъ я, лазилъ по сугробамъ, стемнѣло. Надо было рѣшиться — съ обрыва спуститься, да веревокъ такой длины у насъ не имѣлось! Оставалось одно — прыгнуть во дворъ — снѣгу внизу намело цѣлый заваль. Обогнулъ я по-верху горы обрывъ, выбралъ мѣстечко пониже, что совсѣмъ въ сторонѣ отъ пещеръ было, сталъ на краю отвѣса и соображаю — есть подъ снѣгомъ камни, или нѣтъ? Коли есть — расшибусь тогда съ такой выси вдребезги. Хочу прыгнуть — и все прочь отъ края отшаты-ваюсь, хранить меня что-то! Чтобы заманить себя, сбросилъ внизъ оба колчана и лукъ — безъ нихъ что въ лѣсу подѣлаешь?..

Зажмурился и — прыгъ!.. свистнуло въ ушахъ, мелькнулъ лѣсъ, стѣны и какъ камень въ снѣжный колодезь бухъ! Чувствую, что остановился и на ногахъ стою; кругомъ снѣгъ, онъ и за воротникомъ, и

въ рукавахъ, и во рту, и надъ головой. Цапаюсь, ба-
рахтаюсь, а выбраться не могу — глубоко врѣзался —
не знаю куда рвусь! Выбился наконецъ на волю, вы-
ставилъ голову — на дворъ пустыня. Въ одномъ
мѣстѣ наткнулся я на колчаны, въ другомъ на лукъ,
забралъ ихъ и бѣлой ящерицей поползъ къ тюрьмѣ.
Вдругъ слышу два голоса — жрецы мимо меня между
сугробами по дорожкѣ шли. Я скорѣй голову въ
снѣгъ уткнулъ! Одинъ изъ жрецовъ и спрашиваетъ:—
А княгинѣ ужинъ носили?

— Да!.. отвѣтилъ второй.—Бстѣ только она пло-
хо!.. И скрылись въ пещерѣ.

Я осмотрѣлся и поскорѣй поползъ дальше. Отнялъ
коль, отворилъ тихонько дверь и попалъ въ черную
ночь: ни зги не видать было. Прислонилъ я коль къ
стѣнѣ такъ, будто бы онъ на мѣстѣ стоялъ, прикрылъ
дверь за собой, вытянулъ впередъ руки и пошелъ
дальше. Уткнулся въ земляную стѣну — вдоль нея
свернулъ. Шарю ладонью — въ пустоту какую-то
попалъ. Страхъ меня забралъ! Ну, думаю, забреду
теперь нивѣсть куда, прямо въ лапы вражьи! Иду
дальше, разговоръ вполголоса услыхалъ. Наши или
чужіе? Ножъ на всякій случай вытащилъ!

— Юрій!.. легонько окликнулъ. Сдѣлалось тихо...
— Мингайло?..

— Здѣсь мы!! сразу отозвались двое; наши оты-
скались!

Нашли они меня, выбрались наружу; ночь послѣ
подземелья солнечнымъ днемъ показалась!..

Гдѣ ползкомъ по шею въ снѣгу гдѣ бѣгомъ
миновали мы опасныя мѣста и выскочили за стѣну;
Мингайло приперъ калитку стоявшей около нея ло-
патою и давай мы бѣжать къ оставленнымъ на горѣ сан-
камъ! Тамъ въ безпорядкѣ все находилось — будто
копался въ нихъ кто посторонній. Разбирать было
некогда! Сѣли мы на санки по двое, и только по-
лозья свистнули — понеслись съ горы, что изъ лука
стрѣлы! Влетѣли мы въ лѣсъ, надѣли кто могъ лыжи,
раза по три перевернулись черезъ головы и помчались

дальше; свѣтили звѣзды, крупныя, яркія; Лютауръ по нимъ путь опредѣлялъ. Лошади такъ не проскачутъ, какъ эта моя тройка летѣла, меня везла! Какъ стало свѣтать, остановились на отдыхъ. Тутъ только хватились, что отъ мѣшковъ съ ѣдой уцѣлѣли только клочья — лисы проклятыя все изгрызли и растащили, однѣхъ шкуръ медвѣжьихъ не тронули! Отдохнули мои кони, снѣгомъ кормленные, и опять меня повезли.

Ну, а какъ мы дальше улепетывали отъ погони — любопытнаго мало. По ночамъ видѣли въ Жмуди далекія зарева, днемъ столбы дыма.

— Нѣмцы напали?.. равнодушно спросилъ Витовтъ. — А саму великую княгиню не видали?

— Что видѣли и узнали — все тебѣ, княже, пересказали... отвѣтилъ Юрій. — А въ тюрьмѣ, гдѣ мы сидѣли, вотъ что Лютауръ въ стѣнѣ нашелъ... — онъ полѣзъ рукой въ карманъ куртки, вытащилъ какой то небольшой комочекъ и подалъ Витовту. Тотъ развернулъ его и поднялъ за кончикъ.

— Повязка княгини Бейруты!.. радостно воскликнула Анна.

Соня захлопала въ ладоши, Витовтъ прояснился.

— Найдена!.. произнесъ онъ: — великое вамъ спасибо, мои друзья, за труды: не мало вы претерпѣли и еще претерпите за насъ, я это знаю и все помню!

Трое возвратившихся низко поклонились князю и княгинѣ и поцѣловали у нихъ руки.

— А теперь, княже, недобрую вѣсть долженъ тебѣ сообщить... сказалъ Юрій.

Всѣ насторожились.

— Добрыми я не избалованъ!.. отвѣтилъ Витовтъ... — Говори!

— Обогнали мы по пути обозъ, изъ подъ Вильны шель. Андрея съ нимъ везутъ.

Уля поблѣднѣла.

— Почему везутъ? Что съ нимъ случилось?.. обезпокоилась княгиня.

— Раненъ онъ.

— Кѣмъ? Почему?

— Звѣрь его что ли на охотѣ запоролъ?

— Охоты не было... На Виленскій замокъ напалъ, врасплохъ хотѣлъ захватить его.

Слушавшіе ахнули. Витовтъ всталъ.

— И что же?... отрывисто спросилъ онъ.

— Не удалось!... да и гдѣ же было удаться, когда у Андрея всего человѣкъ пятьдесятъ было! Онъ ихъ въ возы подъ сѣно и зерно запряталъ. Передъ закатомъ солнца ввелъ обозъ во дворъ нижняго замка, будто для торга, и намѣревался выпустить своихъ людей ночью, когда всѣ уснутъ. А поздно вечеромъ кто то изъ замковой стражи вышелъ на дворъ и вдругъ почудилось ему будто кашлянули въ одномъ изъ возовъ. Обошелъ ихъ кругомъ — нѣтъ никого. Онъ дальше прокрался и услышалъ шопотъ — переговоры пріѣзжіе вели. Онъ разобралъ, что готовится нападеніе на замокъ, и бросился къ воеводѣ; тотъ немедленно послалъ жолнеровъ, они окружили возы, скинули прочь мѣшки и сѣно и принялись вязать спрятанныхъ; началась свалка; нѣсколько человѣкъ было убито и ранено, Андрей пришелся въ это же число; тремъ санямъ удалось прорваться и ускакать; Лугвеній успѣлъ подхватить упавшаго Андрея и умчался вслѣдъ за другими... Вотъ и все, что мнѣ вѣдомо, княже...

Воцарилось молчаніе.

— Торопыга!.. проговорилъ Витовтъ; лицо его было хмуро, но спокойно. Что-жъ—судьба... значитъ должно было случиться то, что случилось!

Въ туманъ и мокреть ранняго утра прибылъ обозъ съ уцѣлѣвшими участниками нападенія на замокъ.

Андрей и еще нѣсколько человѣкъ сейчасъ же поступили на попеченіе женщинъ; князь зашелъ провѣдать ихъ и узнать подробности, но Андрей нахо-

дился безъ памяти и разговаривать съ нимъ было нельзя.

Въ то же утро Витовтъ въ сопровожденіи Юрія, татарина и двухъ испытанныхъ пожилыхъ воеводъ лично обозрѣлъ стѣны и всѣ укрѣпленія замка. Общее мнѣніе составилось такое: обороняться нѣкоторое время замокъ можетъ, но выдержать долгую осаду, да еще противъ недавно изобрѣтенныхъ пушекъ, не въ состояніи.

— А подземные ходы на ту сторону Нѣмана и въ лѣсъ исправны? спросилъ Витовтъ.

— Мой вчера лазилъ... отвѣтилъ татаринъ. — Ладно живетъ!

На главной башнѣ Витовтъ задержался и, задумавшись, долго смотрѣлъ на окрестности.

Ледъ на рѣкѣ вспухъ и залился водою; на бѣлой равнинѣ грязью и конскимъ навозомъ отмѣчались изгибы взрыхлившейся дороги на Вильно; важно разгуливали вороны.

— Совсѣмъ весна!.. проговорилъ Витовтъ. — Какъ думаете — скоро можно ждать непрошенныхъ гостей изъ Польши?

Татаринъ отрицательно мотнулъ головою.

— Нѣтъ скоро!.. отозвался онъ: — еще два день и сани по землѣ тащить надо. Мѣсяцъ въ корчмѣ сиди будутъ!

— А возьмешься поспѣть проскакать до распутицы въ Маріенбургъ?

Татаринъ утвердительно мигнулъ глазками: для него было безразлично сидѣть ли на конѣ, или дома на коврикѣ.

— Тогда сегодня же въ путь. Грамоту отвезешь отъ меня магистру Цольнеру: лично ему въ руки передать надо!.. вѣсти идутъ, что плохъ онъ здоровьемъ очень.

— Всѣ колѣть будемъ!.. равнодушно сказалъ Махмутъ.

Не минуло и двухъ часовъ — изъ воротъ Гродны на рыжемъ горбоносомъ скакунѣ выѣхалъ, закутанный

въ полосатый теплый халать, татаринъ; рядомъ вы-
плясывала и горячилась такая же запасная лошадь съ
двумя небольшими вьюками на бокахъ; кругомъ ко-
ней съ громкимъ, радостнымъ лаемъ носилась кудла-
тая бѣлая собака. А на верхней площадкѣ башни,
распахнувъ голубую душегрѣйку, стояла Соня и ма-
хала рукой своему уѣзжавшему любимцу.

Глава XXV.

Драконъ, оцетинившій иззубрины чешуи цвѣта
запекшейся крови, кольцомъ свернулся на холмѣ среди
глади прусскихъ равнинъ: — это Мариенбургъ, столица
и главная твердыня Тевтонскаго ордена. Въ небо
врѣзались шпили и острыя черепичныя кровли
кирпичныхъ башенъ и суровыхъ громадъ-строений.
Ихъ оберегаютъ толстѣйшія крѣпостныя стѣны, глу-
бокіе водяные рвы, подъемные цѣпные мосты. А глав-
ная охранительница всего — высѣченная изъ камня,
гигантская, раскрашенная, несоразмѣрно узкая статуя
Божьей Матери, опирающаяся ступнями на зеленый
дернъ, а головой достигающая до верхушки одной изъ
башенъ.

Все уцѣлѣло по сей день — зданіе Конвента, сто-
ловыя, дортуары, оружейныя и прочее. Цѣль карцеръ,
куда сажали провинившихся; зарѣшеченный глазокъ
смотреть изъ него въ полусумерки церкви: — онъ да-
валъ возможность арестованному присутствовать при
богослуженіи.

Стрѣльчатые залы обширны; раньше ихъ покры-
вала цвѣтная роспись, теперь забѣленная известью;
черные зѣвы каминовъ ждуть по-сегодня пней и
корней... Но тепло и уютно было въ старину только
у огня, да въ особыхъ, маленькихъ, пышно убранныхъ,
затянутыхъ коврами, помѣщеніяхъ для свѣтскихъ и
знатныхъ рыцарей-гостей, часто наѣзжавшихъ изъ

Европы для участія въ крестовыхъ походахъ на языческія части Пруссіи, Жмудь, на далекую Гаюю и другія мѣста.

Въ такихъ же покояхъ, но менѣе разубранныхъ, проживали начальствующие люди и рыцари — „братья“, „полубратья“; лица, не принявшія монашескихъ обѣтовъ, помѣщались въ общихъ залахъ.

Тамъ мѣсто ковровъ занимало оружіе; стѣны казались сложенными изъ тяжелыхъ желѣзныхъ шлемовъ, щитовъ, латъ и мечей разныхъ формъ.

Щупальцами спрута расползались подъ замкомъ подземелья. Тамъ среди вѣчной ночи каменѣли тюрмы, помигивалъ изо тьмы багровый огонекъ горна пыточной камеры; почти рядомъ тянулись безконечные подвалы, гдѣ одна на другую были накачены дубовыя бочки; чернымъ крепомъ затягивала углы паутина, мягкій воздухъ былъ пропитанъ запахомъ всевозможныхъ винъ.

Въ конюшняхъ Маріенбурга содержалось нѣсколько сотъ богатырскихъ коней; лѣса кругомъ него были вырублены и превращены въ луга; кромѣ травы и сѣна они давали еще важную возможность за десятокъ верстъ видѣть, что творится кругомъ. Поэтому ворота замка стояли нараспашку съ утра до самаго вечера и особыхъ сторожевыхъ внизу около нихъ не имѣлось.

На четвертыя сутки послѣ описаннаго выше разговора Витовта въ Гроднѣ, къ воротамъ ремесленнаго посада, примыкавшаго къ замковой стѣнѣ Маріенбурга, рысью подѣхалъ на двухъ дымившихся, мокрыхъ коняхъ, весь облѣпленный грязью, всадникъ; колѣни его были подтянуты къ самой лукѣ; только по подмышкамъ его платья можно было догадаться, что оно полосатое. Тяжело дышавшіе кони казались воронами, но особенное вниманіе встрѣчныхъ привлекало, жавшееся къ конскимъ ногамъ, животное, напоминавшее тучную, черную курдючную овцу, но на тонкихъ собачьихъ лапахъ.

Грохотъ молотковъ и огни, пылавшіе въ многочисленныхъ кузницахъ, встрѣтили и оглушили прибывшихъ при въѣздѣ на довольно обширную, вымощенную площадь; поблизости въ двухъ станкахъ четверо дюжихъ людей подковывали лошадей.

Татаринъ затянулъ поводъ и сталъ озираться, не зная куда направиться.

Рабочіе бросили молотки и клещи и подошли къ необыкновенному всаднику.

— Вотъ такъ красавчикъ: прямо коряга изъ бота!.. заявилъ одинъ, рассматривая прѣхавшаго.

— Кого ищешь?.. обратился къ нему по-нѣмецки другой.

Татаринъ не отвѣтилъ: этого языка онъ не зналъ.

— Кого тебѣ надо?.. повторилъ по-прусски самый здоровенный и плечистый изъ кузнецовъ: пруссы еще говорили въ тѣ времена на нарѣчьи литовскаго языка.

— Магистръ надо!.. отвѣтилъ татаринъ.

Пруссъ перевелъ и нѣмцы захохотали: Великій Магистръ являлся первѣйшимъ сановникомъ Ордена, съ которымъ считались даже императоры.

Къ стоявшимъ, вытирая руки о кожаные передники, направилось еще нѣсколько шорниковъ; вокругъ Махмута быстро собралась цѣлая толпа.

— Погоди немного... сейчасъ магистръ прибѣжитъ къ тебѣ!.. сказалъ подъ общій смѣхъ пруссъ. — А зачѣмъ онъ тебѣ понадобится? Выпить что-ли съ нимъ хочешь?

Татаринъ учуялъ насмѣшку, но не подалъ и вида.

— Надо... сухо обронилъ онъ.

— А скажи — зачѣмъ?

— У магистра спроси, скажетъ.

— Письмо, что ли, какое привезъ?

— Привезъ.

— Такъ давай его, передадимъ!

— Сама передадимъ.

— Да это баба никакъ?.. воскликнулъ подъ дру-
ный хохоть голосъ: — глядите, въ юбкѣ сидитъ!
— Да что разговаривать съ дуракомъ!! крикнулъ
изъ заднихъ рядовъ: — отнимите у него письмо, а ес-

Татаринъ легонько потянулъ чумбуръ и второй
конь его, стоявшій немного позади, поравнялся съ ег-
аргамакомъ: этимъ маневромъ татаринъ обезопасилъ
себя отъ нападенія съ лѣвой стороны. Нѣсколько че-
ловѣкъ, стоявшихъ тамъ, посунулось ближе и кто то
чужой положилъ руку на крупъ подручнаго коня; тотъ
прижалъ уши, визгнулъ и ударилъ задомъ.

Раздался глухой вскрикъ и высокій нѣмецъ мѣш-
комъ свалился на землю; въ тотъ же мигъ въ руки
пріѣзжаго змѣей сверкнула изъ подъ одежды кривая
сабля.

— Рубить башка будемъ!.. спокойно, но съ за-
свѣтившимися искорками въ глазахъ пообѣщаль тата-
ринъ; толпа волной отхлынула назадъ; всадникъ чмо-
кнулъ на лошадей и не успѣли нѣмцы опомниться
какъ онъ уже былъ подъ сводами внутреннихъ воротъ
Вслѣдъ ему полетѣли ругательства и обѣщанія

расправиться на обратномъ пути.
На замковомъ дворѣ то и дѣло попадались ры-
цари съ большими черными крестами на груди; всѣ
они останавливались и съ удивленіемъ смотрѣли на
диковиннаго пріѣзжаго.

Входовъ со всѣхъ сторонъ было много, и Махмутъ
нѣсколько растерялся, не зная къ которому подѣ-
ѣхать. Но чутье выручило татарина и здѣсь — вни-
маніе его привлекъ средній, лучшій подъѣздъ, противъ
котораго былъ устроенъ маленькій мраморный водоемъ
съ рѣдкостью тѣхъ временъ — золотыми рыбками и
съ высоко бившимъ фонтанчикомъ; Махмутъ остано-
вился около него.

Изъ нижняго окна выглянуло нѣсколько слугъ-
кнехтовъ; звѣроподобный гость слѣзъ съ сѣдла, пера-
кинулъ поводъ уздечекъ черезъ луки сѣдель, прике-
залъ собакъ остаться около лошадей, а самъ, не спро-

сясь ни у кого и оставляя за собой на красномъ ков-
рѣ грязные слѣды, сталъ, согнувшись, взбираться по
широкимъ каменнымъ ступенямъ парадной лѣстницы
конвента.

Одинъ изъ кнехтовъ перегородилъ ему дорогу.
Татаринъ отстранилъ его руку.

— Ступай, ступай!.. сказалъ онъ: — я тебѣ не мѣ-
шай, ты мнѣ не мѣшай!

— Да нельзя здѣсь такимъ мазиламъ лазить!!
воскликнулъ, знавшій по-прусски, кнехтъ. — Какого
тебѣ чорта нужно!

— Чортъ не нужно, магистръ нужно!.. возразилъ
татаринъ. — Пускай, говорю: письмо возилъ!

Онъ хотѣлъ пройти, но кнехтъ схватилъ его за
приблизительно болѣе чистое мѣсто — за воротъ.

На верхней площадкѣ лѣстницы показался дород-
ный и лучше другихъ одѣтый старшій слуга.

— Что за шумъ?.. строго спросилъ онъ, накло-
нясь черезъ перила. — Кто же такую свинью сюда
пустилъ?

Словъ этихъ татаринъ не понялъ, но сообразилъ,
что рѣчь идетъ о немъ, и остановился.

— Да вотъ вынырнулъ неизвестно откуда, только
что не въ самый конвентъ верхомъ пожаловалъ!.. го-
ворить, что къ господину великому магистру письмо
имѣеть; не хочетъ никому другому отдать... Вотъ тебѣ
магистръ!.. вдругъ добавилъ кнехтъ, обратившись по-
прусски къ Махмуту и указывая на старшего: — по-
клонись и отдай письмо!

Видъ старшего сдѣлался еще величественнѣе; онъ
кивнулъ головою и протянулъ руку.

Махмутъ недоумѣнно замигалъ глазками, полѣзъ
къ себѣ за пазуху, досталъ тщательно завернутый въ
выдѣланную мягкую кожу пакетъ, потомъ какъ будто
усомнился въ чемъ то, перевернулъ его разъ и дру-
гой, опять поглядѣлъ на старшего и вдругъ рѣши-
тельнымъ движеніемъ сунулъ письмо обратно въ
карманъ.

— Нѣтъ ты магистръ!.. заявилъ онъ: — она д
гой и халать другой!

— Ну, давай, давай, нечего растабарывать!.. п
крикнулъ кнехтъ. — Вонъ тогда убирайся; ишь обс
нячилъ какъ лѣстницу!

Татаринъ молча усѣлся на ступеньку, вытащи
изъ кармана кусокъ хлѣба и принялся съ аппетитомъ
ѣсть, не обращая больше ни на что вниманія.

— Да ты съ ума спятилъ, старый чортъ?! заоралъ
разозленный кнехтъ. — Въ корчму убирайся, дубин

— Мой магистра надо... корчма не надо!.. равно
душно возразилъ татаринъ, продолжая жевать.

Кнехты хотѣли броситься на него, но изъ под
отвернувшейся полы халата гонца, будто невзначай
выставилась серебряная рукоять сабли, и слуги оста
новились.

— Стражу позвать!.. не подходя ближе къ опас
ному существу, распорядился старшой. — Выкинуть
скотину за хвостъ!.. Живо!..

Послышались звуки мѣрныхъ шаговъ и кромѣ
татарина всѣ повернули головы въ ихъ сторону: съ
лѣстницы спускался русобородый статный рыцарь съ
сурово-властнымъ лицомъ человѣка, привыкшаго по
велѣвать. Слуги съ низкими поклонами отскочили
передъ нимъ въ стороны, и только Махмутъ не поше
велился и, почавкивая, продолжалъ свое занятіе.

Рыцарь остановился около него.

— Кто такой?.. звучно спросилъ онъ.

— Пьяный ворвался!.. поспѣшно и почтительно
доложилъ старшой. — Говорить, письмо у него есть
къ его свѣтлости, господину великому магистру.
И никому не хочетъ отдать его кромѣ господина ма
гистра!

— О?.. удивился рыцарь. — Значить есть что
нибудь важное!.. Эй, молодецъ?.. обратился онъ къ
Махмуту, но отзыва не было — татаринъ занимался
все тѣмъ же дѣломъ. — Дай письмо?

Кнехтъ съ прибавкою брани перевелъ его слова
на прусскій языкъ.

— Нѣтъ... былъ отвѣтъ. — Папа-князь магистру велѣлъ давать. Нѣтъ магистръ!

Рыцарь улыбнулся и на лицахъ всѣхъ кнехтовъ, какъ отсвѣтъ на водѣ, появились почтительныя улыбки.

— Хвалю!.. произнесъ онъ. — Вѣрный слуга!.. Проводить его въ залу капитула!

— Велѣно тебя, лѣшаго, отвести къ магистру!.. обратился къ нему кнехтъ по-прусски. — Иди, животное!

Татаринъ бережно спряталъ огрызокъ хлѣба въ карманъ и послушно и молча послѣдовалъ за своимъ проводникомъ.

Рыцарь пошелъ за ними.

Въ невысокой граненой залѣ капитула, подъ росписанными сводами, за длиннымъ столомъ, въ креслахъ, обитыхъ, тисненою золотомъ свиною кожею, сидѣло съ десятокъ высшихъ сановниковъ Ордена.

Великій магистръ, еще не старый, худощавый человекъ съ истомленнымъ болѣзною лицомъ и подернутыми сѣдиной темными волосами надъ умнымъ, высокимъ лбомъ, помѣщался на главномъ концѣ въ пурпурномъ съ золотомъ креслѣ; спиной онъ опирался на большую желтую подушку.

Обсуждался вопросъ — куда направить лѣтній походъ, къ которому ожидался многочисленный съѣздъ цвѣта европейскаго рыцарства.

Во время обмѣна мнѣній отворилась высокая дверь, и въ залъ вслѣдъ за слугой ввалилось сутуловатое, длиннорукое существо, покрытое такимъ слоемъ грязи, что казалось нарочно вываляннымъ въ ней; на сплошной черной маскѣ лица, помигивали два глаза; чуть поодаль шагаль русобородый рыцарь.

— Къ вашей свѣтлости гонецъ!.. низко склонившись доложилъ кнехтъ: — подавай письмо, чурбанъ!.. строго добавилъ онъ вполголоса по-прусски и повернувшись къ Махмуту.

Татаринъ обѣжалъ пытливымъ взглядомъ столъ, торопливо подошелъ къ сидѣвшему въ креслѣ, положилъ на край стола свой заповѣдный пакетъ, поднесъ

руку ко лбу, затѣмъ къ губамъ и отступилъ на шагъ въ сторону.

— Узналъ его свѣтлость? съ усмѣшкой спросилъ пришедшій съ нимъ рыцарь.

Кнехтъ перевелъ татарину его слова.

Махмутъ мигнулъ глазками.

— Узналъ... морда въ Ковно видалъ!.. теперь со-всѣмъ старая сталь!

Магистръ улыбнулся очень смягченному пере-сказу.

— Отъ кого письмо?.. произнесъ онъ.

— Отъ папы - князь.

Переводчикъ переспросилъ, но отвѣтъ былъ все тотъ же.

— Кто же это такой?.. заинтересовался магистръ.

— Развѣ не знаешь?.. удивился татаринъ. — Папа Витовтъ, его всякій собака знаетъ!

Собраніе засмѣялось.

— Отвести его на кухню!.. накормить какъ слѣдуетъ и умыться дайте!.. сказалъ магистръ, ломая большую восковую печать на письмѣ.

— Да смотри, чтобъ не издѣвался надъ нимъ никто!.. строго добавилъ русобородый — Конрадъ Валенродъ.

Кнехтъ поклонился: въ замкѣ хорошо знали, что этотъ рыцарь на вѣтеръ словъ не бросаетъ.

Татарина увели и магистръ занялся письмомъ.

— Князь Витовтъ собирается посѣтить насъ!.. объявилъ онъ, кончивъ чтеніе. — Пишетъ о помолвкѣ своей дочери съ сыномъ великаго князя московскаго.

— Ого!! проговорилъ пожилой плечистый маршалъ съ пѣгой бородкой клинышкомъ. — Значить, вѣрныя вѣсти были у насъ объ этомъ изъ Польши! Клянусь сатаной, если подо всѣмъ этимъ не кроется какаянибудь загвоздка!

— Такъ думаю и я!.. тяжело сопя согласился тучный и красный, что мѣдный котель, голубоглазый ко-мандоръ, напоминавшій обломокъ скалы съ человѣческими формами.

— Поляки всполошились не даром!.. замѣтилъ русобородый рыцарь. — Самый опасный для нихъ, да и для насъ, изъ князей — Витовтъ!

Командоръ перевелъ на него выпученные, недоумѣвающіе глаза, широко раскрылъ ротъ и по залу прокатился густой отрывистый смѣхъ.

— Витовтъ?! повторилъ онъ: — Да его уже изъ всѣхъ княжествъ повыгонялъ Ягайло!

— Кто выгнанъ, тотъ можетъ и возвратиться... А умъ остается при людяхъ!

— Вѣрно!.. согласился внимательно слушавшій магистръ. — И помяните мое слово — этотъ умъ сыграетъ еще большую роль!

— Клянусь копытами дьявола, что я ничего не понимаю въ вашихъ тонкостяхъ!.. воскликнулъ маршалъ. — Умъ — это вотъ что такое!.. онъ поднялъ громадный, весь усѣянный веснушками, кулачище. — А остальное все вздоръ!

На почти прозрачномъ лицѣ магистра показалась легкая улыбка.

— Братъ маршалъ правъ, какъ всегда!.. отозвался онъ: — сила это все! Поэтому я, какъ и онъ, думаю, что будетъ гораздо выгоднѣе, если съ Витовтомъ будутъ ссориться поляки, а не мы!

— Ну, вотъ это же и я говорю!.. будто обвалъ въ горахъ прогрохотала скала.

— Наше время еще придетъ!.. проговорилъ русобородый.

— Вотъ именно!.. подтвердилъ магистръ. — Но нужно, чтобы это случилось тогда, когда намъ выгодно! Братъ комтуръ, распорядитесь, чтобы пріемъ князя былъ особенно почетный!

Русобородый почтительно наклонилъ голову.

Кнехтъ вывелъ татарина черезъ подъѣздъ на дворъ и велѣлъ ему слѣдовать за собой на кухню; Махмутъ за его спиной свернулъ къ фонтану съ золо-

тыми рыбками, и когда кнехтъ оглянулся, татаринъ стоялъ уже безъ халата и усердно полоскалъ его въ драгоцѣнномъ бассейнѣ.

Кнехтъ обомлѣлъ и бросился къ нему.

— Да ты ошалѣлъ, старый осель?! закричалъ онъ, вырывая халатъ: — да развѣ мѣсто тутъ твою рвань мыть?!

— Какой рвань?.. Махмутъ обидѣлся и не отдавалъ халата. — Все крѣпко!

— Смотри, какую грязищу развелъ, рыба теперь вся изъ-за тебя передохнетъ!

— Пускайдохнетъ — маленькая: въ рѣка такая сколько хочешь.

— Иди, иди, лѣшій!..

Кнехтъ осторожно, чтобы не испачкаться, взялъ татарина за рукавъ рубахи и потащилъ за собою.

— Велѣно угостить тебя—зубы шваброй чистить будемъ!

Отмывшійся и накормленный до отвалу Махмутъ черезъ часъ уже спалъ подъ большой войлочной попоной какъ убитый. Проснулся онъ только черезъ сутки и на другой день уже выѣхалъ на своихъ аргамакахъ въ обратный путь. За пазухой его просохнувшего халата, въ кускѣ той же желтой кожи, лежало любезное отвѣтное письмо великаго магистра Цольнера, въ которомъ значилось, что въ Маріенбургѣ радуются предполагаемому пріѣзду Витовта и съ нетерпѣніемъ ждутъ дорогого гостя и друга со всей семьей.

Грязь хлюпала подъ копытами фыркавшихъ коней, съ лаемъ прыгала бѣлая собака; сытый и пригрѣтый солнышкомъ татаринъ покачивался на сѣдлѣ, жмурился и мурлыкалъ себѣ подъ носъ какую-то безконечную, однообразную пѣсенку.

Ночное святотатство.

Глава XXVI.

Въ Краковѣ вѣсть о переѣздѣ Витовта съ семьей въ Маріенбургъ и подчеркнуто - почетный пріемъ его великимъ магистромъ вызвали бурю.

Распоряженіе о сборѣ полковъ и походѣ на Гродненскаго князя пришлось отмѣнить: Краковъ отложилъ сведеніе окончательныхъ расчетовъ съ предусмотрительнымъ княземъ до удобной поры и занялся подготовкой духовнаго похода на Вильну для крещенія Литвы.

Свѣжо и жарко; сладко пахнетъ душистыми травами; прозрачная голубая даль вздыблена островами изъ горъ и холмовъ; далеко-далеко, на самой высокой горѣ очерчивается на небѣ замокъ; ниже его изъ за стѣнъ высматриваютъ красныя головы жмущихся другъ къ другу строеній. А еще ниже изогнулась и ушла на край свѣта широкая дорога изъ васильковъ.

Эта дорога — красавица Нерія; замокъ и городъ-Вильно, столица великаго княжества Литовскаго.

Двое прохожихъ вышли изъ за поворота дороги и остановились на обрывѣ, съ котораго открывалось приволье; у ногъ, будто кусты, чуть шумѣли кудри вершинъ многовѣковыхъ дубовъ.

— Вотъ и Вильно видно!.. сказалъ богатырски сложенный путникъ, вглядываясь въ залитыя солнцемъ свѣтло-зеленыя горы. — Ишь сколько народа въ нее тянется!

Говорившій былъ Усвятъ, рядомъ съ нимъ стоялъ Лугвеній. Оба они были въ простыхъ сѣрыхъ курткахъ, желтыхъ колпакахъ и кожаныхъ поршняхъ изъ толстой зубровой кожи; за поясами у обоихъ были заткнуты ножи; въ рукъ у Усвята темнѣла орѣхо-

вая дубина, за спиной висѣлъ канклисъ; Лугвеній опирался на обыкновенную дорожную палку.

— Должно быть все креститься идутъ!.. замѣтилъ Лугвеній.

— А правда, что польскіе попы всѣмъ, кто крестится, рубахи новыя будутъ раздавать?.. полюбопытствовалъ Усвятъ.

— Говорятъ, что такъ..

— А тѣмъ, кто раньше крестился, дадутъ?

— Не знаю... неохотно отвѣтилъ Лугвеній.

Путники присѣли на бугорокъ и послѣ скромнаго обѣда пустились дальше.

— Какъ же мы будемъ помогать Христу?.. спрашивался Усвятъ.

— Тамъ увидимъ!.. задумчиво проговорилъ Лугвеній.

Вильно не узнать — такое оживленіе, такая пестрота царили на ея тѣсныхъ и кривыхъ улицахъ; будто яркій лугъ залилъ ихъ живыми цвѣтами, всплеснулся на стѣны, наполнилъ всѣ окна. Были тутъ въ расшитыхъ платьяхъ и литовцы, и русскіе, и поляки, и даже татары; городъ гудѣлъ отъ говора и шума; съ часу на часъ ожидалось прибытіе Ягайлы.

Отъ города къ берегу рѣки тянулось всегда пустынное, открытое всполье-выгонъ, нынѣ именуемое Телятниками; дальше островомъ вставала древняя заповѣдная дубовая роща; между изборожденными глубокими морщинами деревьями сѣрѣли, сложенные изъ валуновъ, стѣны и башня Ромове — главнѣйшаго въ Литвѣ святилища. Отъ города къ нему вела тѣнистая липовая аллея-дорога. Она была пуста совершенно.

Въ самомъ концѣ ея по обѣ стороны узкихъ воротъ, будто два изваянія, недвижно сидѣли на каменныхъ скамьяхъ двое величавыхъ жрецовъ въ длинныхъ бѣлыхъ хламидахъ, отороченныхъ волчьими хвостами

и мѣхомъ; черныя бороды лежали на груди у обоихъ; головы прикрывали высокія, похожія на тіары черныя же шапки. Глаза жрецовъ внимательно смотрѣли на оживленіе въ городѣ и на переливавшуюся между деревьями густую синь рѣки. Капище было безмолвно и безлюдно; листья и солнце набросили живую сѣть изъ тѣней и свѣта на дорогу и стѣны.

— Жизнь и смерть... проронилъ жрецъ съ бородой, тронутый сѣдиной.

— Неужто кто нибудь осмѣлится коснуться боговъ!.. сказалъ тотъ, что былъ помоложе; брови его были слиты въ одну прямую черную линію.

— А кто будетъ защищать ихъ? холодно задалъ вопросъ первый.

— Громъ и молнія!.. горячо произнесъ второй.

— Развѣ они не въ рукахъ Перкуна?

— Сегодня боги удалятся на свою гору... медленно выговорилъ старшій. — Истекъ срокъ пребыванія ихъ на Литвѣ, предсказанный великимъ Лездейкой: — ты самъ считалъ время и знаки, вырѣзанные на кирпичѣ криве-кривейто!

Наступило молчаніе.

— Этою ночью кто то посрубилъ всѣ большіе кресты, разставленные христіанами по дорогамъ кругомъ Вильны... заговорилъ младшій. — Говорятъ, будто бы видѣли двухъ какихъ то человѣкъ, дѣлавшихъ это!

Старшій слегка качнулъ головою.

— Это не могли быть люди: идетъ борьба боговъ разныхъ вѣръ! — Знаешь, зачѣмъ поставлены эти кресты?

— Нѣтъ.

— Чтобы загородить ими дорогу нашимъ богамъ для возвращенія въ Литву!

Усилившійся шумъ и отдаленные вопли прервали рѣчь жреца.

Отъ рѣки къ городу шарахнулась и вразсыпную бросилась ожидавшая на берегу толпа; навстрѣчу

ей густо повалила другая; всѣ указывали пальцами на небо: изъ-за желтаго мыса, вися высоко въ воздухѣ, одинъ за другимъ стали появляться огромные бѣлые кресты; казалось, диковинныя жаръ-птицы, неся ихъ на изогнутыхъ шеяхъ, спускались съ облаковъ на воду; Нерія стала запруживаться все подходившими судами разныхъ видовъ и размѣровъ.

— Кресты! распинать насъ наѣхали, бѣгите!.. вдругъ разорвалъ зачарованную тишину надрывный одинокій вопль.

На носу передняго корабля неожиданно блеснулъ огонь, стремительно вынесся бѣлый клубъ дыма и грохнулъ пушечный ударъ; эхо повторило его въ разныхъ мѣстахъ.

Народъ ошалѣлымъ стадомъ ринулся къ городскимъ воротамъ, другая часть въ дикомъ ужасѣ заметалась по лугу; многіе прыгали черезъ изгородь, падали, вскакивали и опять бѣжали невѣдомо куда; среди людей, неистово крича и кудахтая, разлетались во всѣ стороны гуси и куры.

— Стойте, стойте!! слышались другіе возгласы:— неправда, никого распинать не стануть!.. Не Перкунъ это ударилъ, а пушка!

Корабли безконечной линіей вытянулись вдоль берега. Съ бортовъ ихъ свѣшивались разноцвѣтные ковры, они же устилали палубы; на самой большой и высокой полубаркѣ лебедь, на витыхъ золоченыхъ столбахъ сіяла золотая парча балдахина; подъ нимъ, на двухъ креслахъ цвѣта водорослей, сидѣлъ, опираясь на трость, съ надменной осанкой Ягайло; рядомъ съ нимъ помѣщалась Ядвига. На королѣ Польши ослѣпительно блисталъ желтый камзолъ, весь расшитый золотомъ; на головѣ красовалась такая же шляпа съ плюмажемъ изъ страусовыхъ перьевъ, свисавшихъ ниже плечъ; розовые порты были вправлены въ алые сапоги; маленькая и изящная Ядвига казалась бѣлоголубой чайкой; черноволосую головку ея украшала коронка изъ крупнѣйшихъ жемчужинъ.

Взбудораженный народъ сталъ успокаиваться и опять стѣснился на берегу. Говоръ и разсужденія сдѣлались всеобщими. Особенное вниманіе всѣхъ, послѣ короля и королевы, приковали къ себѣ множество деревянныхъ и каменныхъ раскрашенныхъ статуй святыхъ, тѣсно разставленныхъ вдоль бортовъ главнаго корабля: онѣ предназначались для будущихъ костеловъ.

— Глядите-ка... толковали въ толпѣ: — новыхъ боговъ навезли!

— Да сколько-жъ ихъ!! Нашимъ теперь не устоять!

— Глупцы вы!.. ваши боги и пикнуть не могутъ, а въ нашихъ новыхъ видѣли, какой огонь и громъ сидятъ?..

Пышно разодѣтая, многочисленная свита заполняла всѣ остальные суда; на сотняхъ большихъ лодокъ находились вооруженные жолнеры; къ городу съ другой стороны подходили конные полки съ развѣвающимися знаменами и безчисленными значками на копьяхъ: они сопровождали флотилію по сухому пути.

Къ покрытымъ коврами сходнямъ съ королевскаго корабля была подана небольшая, но тяжелая золоченая карета, открытая со всѣхъ четырехъ сторонъ; въ ней стоялъ синій бархатный стулъ для Ядвиги; восемь бѣлоснѣжныхъ коней цугомъ въ красной упряжи и съ пучками перьевъ на головахъ ожидали ее; ихъ держали восемь конюховъ въ бѣлыхъ кафтанахъ, подпоясанныхъ алыми кушаками. Ягайло сѣлъ верхомъ на заплясавшаго сѣраго жеребца въ яблокахъ, и многоцвѣтное шествіе потянулось въ гору къ верхнему замку.

Особыхъ привѣтствій королевской четѣ, если не считать отдѣльныхъ восклицаній, не было.

Вечеромъ замокъ сверкалъ и блисталъ огнями, гремѣлъ отъ криковъ, музыки и топота танцующихъ. Пиръ шелъ на весь міръ; на всѣхъ площадяхъ и вдоль

берега рѣки пылали костры: на нихъ жарились цѣлыя туши быковъ, свиней и барановъ. Алюса были выкачены сотни бочекъ — пиршество было сытное и веселое. Одного только не хватало на немъ — пѣнія брутаниковъ, поэтовъ Литвы; ни одинъ изъ нихъ не явился на праздникъ соединенія ихъ родины съ Польшей!

— Громъ!! воскликнулъ молодой жрецъ и вскочилъ со скамьи. — Перкунъ поразилъ христіанъ! Смотри — какъ зайцы мчатся всѣ!!

Поднялся и выпрямился и другой жрецъ.

Ударъ не повторялся, на полѣ стали водворяться порядокъ. Младшій перевелъ тревожный взглядъ на напряженное лицо своего величаваго товарища — оно вдругъ осунулось, сдѣлалось жалкимъ и безпомощнымъ; онъ пошатнулся и молодой подхватилъ его подъ локоть и усадилъ на скамью.

— Тебѣ дурно?.. обеспокоенно спросилъ онъ.

— Ничего!.. черезъ силу, чуть шевеля губами, вымолвилъ старшій: — сейчасъ пройдетъ. Онъ сдѣлалъ усиліе, всталъ и лицо его приобрѣло прежнее холодно-гордое выраженіе.

— Идемъ!.. повелительно проговорилъ онъ: — часъ нашего ухода пробилъ!

Жрецы исчезли — растворились въ кружевахъ изъ прозрачныхъ тѣней и свѣта.

Послѣ-праздничная ночь надвинулась недоговоренная и жуткая: на небѣ вырѣзывался, но не свѣтилъ серпъ мѣсяца; стоялъ ни сумракъ, ни свѣтъ; было тихо, но гдѣ то чудился шумъ; было безлюдно, но слышались голоса; изъ за рѣки доносился вой невидимыхъ звѣрей.

На берегу около крестовъ и статуй находилась стража и былъ разведенъ костеръ; будто струйки кро-

ви, медленно стекали съ каменныхъ лицъ отблески огня и расплывались по черной водѣ.

За полночь, когда утихли пиршественные клики и музыка роговъ и трубъ, а замокъ и городъ ослѣпли, двое караульныхъ завидѣли, что изъ священной рощи попарно вышла вереница бѣлыхъ привидѣній; безмолвно и медленно спустились они къ ожидавшей ладѣ и она беззвучно стала отдѣляться отъ воды и берега; на носу стоялъ кто то высокій; поблескивалъ какой то сосудъ; изъ него подымался язычекъ огня и бѣдно освѣщалъ лицо и черную длинную бороду. Ладья съ недвижными привидѣніями подымалась все выше и слилась съ небомъ.

Тою же ночью два человѣка перелѣзли черезъ тынъ, огораживавшій священную рощу; темень подъ деревьями и тишина стояли какъ въ нѣдрахъ земли. Передовой шелъ, простеревъ впередъ руки; второй — рослый и плечистый — крался за нимъ ступая на носки. Дорогу имъ перегородила смутно различавшаяся башня; дверь стояла полуоткрытой, обычные сторожевые отсутствовали.

Ночные гости призадержались.

— Лугвеній, развѣ мы еще дальше пойдемъ?.. словно запыхавшись, прерывистымъ шопотомъ спросилъ богатырь.

Лугвеній вмѣсто отвѣта крѣпко схватилъ своего спутника подъ локоть и повлекъ его за собой; подъ ногами ихъ захрустѣлъ песокъ.

На открытомъ дворѣ стало свѣтлѣе. Лугвеній шелъ, закинувъ назадъ голову и не заботясь о шумѣ; храбрый въ бояхъ съ людьми, Усвятъ струсилъ отъ близости боговъ, семенилъ около товарища и безпомощно озирался.

Впереди выросло святое-святыхъ—подобіе длиннаго грота, куда входъ для не-жрецовъ возбранялся подъ угрозой смерти.

Ромове казалось вымершимъ. Въ дальнемъ концѣ его чуть колебался синій огонекъ; изъ темноты пронзительно и гнѣвно глядѣли черные, нечеловѣчески большіе глаза раскрашеннаго великана-идола; въ правой, замахнутой на святотатцевъ рукѣ его блестѣлъ пукъ молній. За нимъ поодаль виднѣлось блѣдное, тощее лицо бога смерти. У ногъ Перкуна намѣчались два валуна; на одномъ, въ кругломъ углубленіи, будто въ лампадкѣ теплился вѣчный огонь.

Лугвеній выпустилъ своего товарища и твердымъ мѣрнымъ шагомъ направился къ идолу; шагахъ въ двухъ отъ Перкуна онъ остановился; лицо его было надменно и вызывающе, головой онъ приходился Перкуну только по поясъ.

— Я Иванъ Предтеча!! гордо и звонко произнесъ онъ.

Перкунъ не шевельнулся.

— Ты больше не нуженъ!.. продолжалъ Лугвеній:
— уходи отсюда!..

Богъ молчалъ, только глаза его сдѣлались еще страшнѣе: онъ слушалъ.

— Христось воскресъ, извѣстно ли тебѣ это? Его престоль будетъ здѣсь, въ этомъ ромове. Ступай!

Струйка огня колыхнулась сильнѣе и на стѣнѣ качнулась тѣнь.

— Берегись!! воскликнулъ пришелецъ: — онъ уже идетъ сюда! Слышишь шаги его, видишь тѣнь до неба — это онъ!! Лугвеній указалъ пальцемъ на стѣну; въ глазахъ его отражался огонь — они были безумные.

— Христось пришелъ!! въ изступленіи закричалъ Лугвеній — Руби Перкуна, Усвятъ!!

Богатырь трясущимися руками сталъ высвобождать топоръ изъ-за широкаго пояса и вдругъ вскрикнулъ, въ дикомъ ужасѣ уронилъ его и схватился за ногу: вокругъ нея обвилась огромная черная змѣя. Усвятъ принялся отрывать ее, но за ней, шипя, стала вползать другая; первая петлей захлестнулась вокругъ его шеи. Богатырь завылъ нечеловѣчьимъ го-

лосомъ и, рвя съ себя змѣй, спотыкаясь, путаясь въ нихъ, кинулся бѣжать.

Лугвеній выхватилъ изъ-за своего пояса тяжелый топоръ, подскочилъ къ идолу и съ яростью треснулъ его изо всей силы обухомъ; будто приближающійся громъ прогудѣлъ подъ сводами; карающая десница Перкуна съ молніями безсильно повисла и Лугвеній съ радостнымъ ревомъ и визгомъ принялся крушить бога по чему попало.

Словно желѣзныя, холодныя клещи схватили и стиснули правую кисть его; топоръ выскользнулъ, упалъ и звякнулъ объ полъ.

Сумасшедшій бѣшено вырвался, оглянулся и увидалъ блѣдное чернобородое лицо.

— Безумный, что ты дѣлаешь?! воскликнулъ жрецъ и съ силой отшвырнулъ врага въ сторону.

Лугвеній пришелся вискомъ о каменное подножіе идола, но вскочилъ; въ рукѣ у него очутился ножъ и онъ всадилъ его въ бокъ жреца; тотъ охнулъ, сразу огрузъ, осѣлъ какъ подломленный и навзничь повалился на жертвенный камень.

Шатаясь и обливаясь кровью, Лугвеній бросился опять къ идолу и уперся въ него спиной, а ногами въ столбъ, находившійся позади. Раскрашенный дубовый кряжъ, изъ котораго былъ вырубленъ идолъ, пошатнулся и накренился; Лугвеній хотѣлъ отскочить, но наступилъ на змѣю, поскользнулся, упалъ и Перкунъ рухнулъ ему на грудь; хряснули кости, земля дрогнула отъ тяжкаго удара; воздухъ какъ туманомъ наполнился пылью. Нѣсколько всхриповъ, судорожныхъ подергиваній ногъ и въ капищѣ застыла тишина.

А вокругъ поверженнаго бога и тѣлъ двухъ мертвыхъ людей, при свѣтѣ вѣчнаго огня, кучками и клубками собрались ручные священные ужи и недвижными глазами посверкивали на необычайное зрѣлище.

— А вѣдь кто-то утопѣ?.. вымолвилъ одинъ изъ сторожевыхъ на берегу рѣки: — бухнуло въ воду что-то здорово!..

— А можетъ водяной тѣшился и крикнулъ... помолчавъ отозвался другой.

Съ восходомъ солнца въ священной рошѣ застучали сотни топоровъ; колебля землю, валились неохватные дубы, звенѣли и лязгали о стѣны и своды ломы и кирки, сыпались камни и известь; пыль, словно дымъ надъ пожарищемъ, стояла надъ ромове.

Его и рошу оцѣпляли жолнеры; за ними тѣснился и плакалъ народъ. Ксендзы и епископы въ бѣлыхъ кружевныхъ и въ красныхъ облаченіяхъ обходили толпы людей и съ пѣніемъ окропляли всѣхъ святою водой.

На фундаментахъ ромове, въ знакъ побѣды христіанства надъ язычествомъ, Ягайло приказалъ возвести соборъ во имя святого Станислава, существующій и понынѣ. Жертвенникъ и мѣсто вѣчнаго огня сохранились по той же причинѣ. И кто хочетъ побывать душой и тѣломъ въ глубочайшей древности Литвы, тотъ долженъ спуститься въ подземелье подъ главнымъ алтаремъ и прикоснуться рукой къ камню: онъ посылаетъ вѣщіе сны.

Глава XXVII.

На крыльяхъ летитъ быстрое время. Въ бѣлые мѣха закутались земля и лѣса, блѣднозеленымъ сдѣлалось небо.

Въ сводчатыхъ залахъ Маріенбургскаго замка солнечно, просторно и холодно; гулки шаги, суровыя лица людей; громко лязгаютъ по плитамъ пола желѣзные шпоры.

На дворѣ морозы; серебристой кисеей завѣсили они стѣны и башни; сквозь нее взираетъ на бѣлый просторъ ликъ Богоматери съ длинной иконы.

Тепло и уютно въ горенкахъ Витовта; онъ только что поднялся съ постели и вмѣстѣ съ княгиней Анной сидѣлъ за небольшимъ столомъ и пилъ горячій медовый взваръ. Въ окошко постукивали взъерошенные сеницы, всегда присосѣживающіяся въ морозы къ человѣческому жилью.

— А изъ Москвы все нѣтъ и нѣтъ вѣстей!.. вымолвилъ Витовтъ давно начавшую тревожить его мысль.

Княгиня перевела на него черные глаза.

— А я сегодня чудной сонъ видѣла!.. проговорила она.

— Ну, ну, какой же?.. заинтересовался Витовтъ.

— Будто мы въ Вильно съ тобой; я стою у замковой горы въ красномъ платьѣ, а ты собираешь разбросанные кирпичи и строишь что то. И будто бы быстро стѣна начала у тебя расти, ты едва класть ее поспѣвалъ. Что это за кирпичи — не пойму, только они къ удачѣ какой то.

— Дай то Богъ!.. раздумчиво сказалъ Витовтъ и оглянулся: за его спиной слышались мягкіе, немного шаркающіе шаги — входилъ Махмутъ.

Князя вдругъ словно толкнуло что то.

— Что случилось?.. спросилъ онъ, пристально глядя на татарина.

— А ничего... равнодушно отвѣтилъ тотъ. — Въ Москва великій князь поколѣлъ.

Княгиня отшатнулась; Витовтъ вскочилъ и оперся руками о столъ, словно собираясь броситься на вѣстника.

— Кто сказалъ?! Князь сразу охрипъ.

— Новгородцы-купцы болтай: сей часъ пріѣхали.

— Василій Дмитріевичъ гдѣ и что дѣлаетъ?

Маленькіе глазки татарина окончательно превратились въ щелки.

— Что ему дѣлать? Въ Москва сидитъ, а здѣсь дѣвку видитъ!.. Пословъ собирается гонять къ тебѣ, папа-князь!

Быстро летятъ птицы, еще скорѣй мчатся по землѣ вѣсти; не минуло и мѣсяца и среди ослѣпительно-бѣлыхъ снѣговъ у воротъ Мариенбурга расцвѣлъ садъ изъ самыхъ яркихъ, диковинныхъ цвѣтовъ; подошелъ и сталъ втягиваться въ ворота длинный поѣздъ изъ раскрашенныхъ возковъ и саней-розвальней, крытыхъ коврами всѣхъ цвѣтовъ и съ полстями изъ медвѣжьихъ шкуръ. Самый большой возокъ, изукрашенный рѣзьбой и позолотою, двигался порожнемъ; въ крохотные „глазки“ другихъ виднѣлись пышныя рыжія и русыя бороды; кругомъ, поблескивая копьями и кольчугами, ѣхали вершники; брони на многихъ были сдѣланы изъ стеганого, толстаго войлока.

У главнаго подъѣзда прибывшихъ встрѣтилъ строй съ ногъ до головы закованной въ желѣзо нѣмецкой пѣхоты; ступени лѣстницы за ними усѣивали любопытствовавшіе оруженосцы, кнехты и прочая челядь съ подстриженными на лбахъ въ кружокъ волосами.

Изъ возковъ стали вылѣзать сановитые люди въ длинныхъ шубахъ изъ разноцвѣтнаго рытаго бархата и въ татарскихъ собольихъ шапкахъ; изъ саней выбирались сѣдоки помоложе и нѣсколько проще, но тоже пышно разодѣтые; всадники спѣшивались. Говоръ, потромыхиванье бубенцовъ и конское ржаніе наполнило внутренній дворъ замка. Диковинные, невиданные еще никогда, гости важно стали подыматься по лѣстницѣ среди широко раздававшихся на обѣ стороны слугъ.

Въ Мариенбургъ прибыло посольство отъ великаго князя Московскаго за невѣстой его Софьей Витовтозной.

Свѣтелъ и благодушенъ былъ на пріемъ гостей князь Витовтъ; спокойна была Софья; что-то неуло-

вимо-царственное проявилось въ ней, когда послы были допущены къ рукѣ своей будущей великой княгини и затѣмъ недолго бесѣдовали съ нею; таила въ душѣ тревогу за дочку княгиня Анна. Черныя пятна глазъ ея нѣтъ-нѣтъ и задерживались на необыкновенно похорошѣвшемъ и одухотворившемся лицѣ Софьи.

Нетерпѣливый женихъ и здѣсь проявилъ себя— приказалъ посланнымъ боярамъ не задерживаться въ Мариенбургѣ свыше трехъ дней и сдвигать въ дорогѣ каждую порошинку съ его невесты.

Въ Витовтовскихъ покояхъ началась спѣшка и суета; въ лубковые короба, приспособленные для вьюковъ, боярышни и сѣнныя дѣвушки укладывали разные подарки и наряды для Софьи; на конюшняхъ отбирали добавочныхъ коней, годныхъ для дальней дороги; заготовляли всякіе припасы и напитки; князь и княгиня назначали людей для сопровожденія и службы у Софьи — дымъ шелъ коромысломъ.

Въ самый разгаръ хлопотъ Витовту, находившемуся въ залѣ, доложили, что двое какихъ то прѣзжихъ хотятъ его видѣть.

Князь вернулся въ свои покои и увидалъ стоявшихъ около двери двухъ людей. Витовтъ нахмурился — по одеждѣ онъ узналъ жрецовъ - вайделотовъ; они поклонились ему, но князь словно бы не замѣтилъ этого.

— Что надо?.. рѣзко спросилъ онъ, остановившись передъ пришельцами.

Одинъ изъ жрецовъ, очень небольшой ростомъ, выдвинулся впередъ.

— Князь, Жмудъ жгутъ и разоряютъ нѣмцы... произнесъ онъ.

— А мнѣ какое дѣло до Жмуди?.. надменно отвѣтилъ Витовтъ. — У васъ есть Ягайло — къ нему и обращайтесь!

— Жмудъ та же Литва!.. твердо возразилъ маленький жрецъ. — А ты литвинъ, князь!

— Теперь вы вспомнили, что я литвинъ! воскликнулъ Витовтъ: — а гдѣ были вы, когда въ Крево давили веревкой моего отца, когда меня выгоняли изъ Трокъ и Вильны? Вы помогали врагамъ моимъ, вы украли мою мать!.. И вы смѣете говорить мнѣ о пожарахъ на Жмуди? Пусть горитъ!

— Княгини Бейруты у насъ нѣтъ... выговорилъ другой, угрюмый и черноглазый жрецъ.

— Гдѣ же она?

— Не знаю.

— Лжешь!.. Берегись играть со мной! Я знаю, гдѣ она, и если вы мнѣ ее не привезете сюда живой и невредимой къ этому полнолунію — пошлю Махмута съ загонами татаръ на помощь нѣмцамъ! Всю Жмудь обращу въ пепель, если живой не увижу ее!.. Слышалъ ты мою волю и мой приказъ? обратился Витовтъ къ Махмуту, словно тѣнь всегда слѣдовавшему за княземъ.

Татаринъ равнодушно мигнулъ глазками.

— Всѣхъ рѣзать будемъ, папа - князь!.. подтвердилъ онъ: — будь спокойна!..

— Слышали?. произнесъ Витовтъ. — Мы съ нимъ въ своемъ словѣ тверды!

— Есть на свѣтѣ слово еще тверже твоего, князь, — это Перкуна!.. выразительно сказалъ маленький жрецъ. — И свое слово онъ скажетъ тебѣ въ день суда на горѣ боговъ! Прости, что осмѣлились беспокоить тебя просьбой за несчастную родину!

Оба жреца низко поклонились и удалились по залитому солнечнымъ свѣтомъ корридору; морозъ и солнце усѣяли окна его золотыми мельчайшими искорками. Витовтъ, отвернувшись, смотрѣлъ въ одно изъ нихъ; оно было полузалѣплено снѣгомъ и сплошь затянато причудливыми цвѣтами и деревьями.

Вспышка гнѣва, такая рѣдкая, прошла и князь почувствовалъ недовольство собою.

Пока Витовтъ велъ разговоръ со жрецами, въ полутемной уединенной каплицѣ замка произошла неожиданная встрѣча.

Софья, совершенно безразлично относившаяся къ отпускавшемуся съ ней приданому, свадебнымъ подаркамъ, которые несли ей со всѣхъ сторонъ, и драгоценностямъ, желала только скрыться, хотя бы не надолго, куда нибудь отъ окружавшихъ ее людей, остаться одной, помолиться. И величавые переходы привели ее въ стрѣльчатую каплицу, гдѣ подъ сводами густились сумерки, а внизу, сбоку отъ алтаря, передъ статуей Божьей Матери синимъ и краснымъ огоньками теплились двѣ золотыя лампы.

— А не грѣшно ли будетъ молиться передъ статуей?.. мелькнула въ головѣ княжны тревожная мысль и тотчасъ же смѣнилась другой, успокаивающей и примиряющей — что Богъ одинъ у всѣхъ. Глаза Богоматери внимательно и ласково смотрѣли прямо въ душу и Софья склонилась и застыла въ молитвѣ.

Что то непонятное и настойчивое заставило ее оглянуться: въ отдаленіи стоялъ Юрій. Замѣтивъ движеніе княжны, онъ направился къ ней; застигнутая врасплохъ Софья не успѣла уйти и Юрій быстрою поступью подошелъ къ ней.

— Прости, что осмѣливаюсь беспокоить тебя!.. вполголоса проговорилъ онъ. — Но прощаться съ тобой на людяхъ мнѣ не хотѣлось. Дозволь съ глазу на глазъ пожелать тебѣ счастья и добраго пути!

— Спасибо... коротко отозвалась Софья. Она вдругъ увидала себя дѣвочкой, бѣгущей въ перелѣскѣ вперегонки съ Юріемъ по свѣжей, ароматной травѣ.

— Невѣстамъ всегда подносятъ подарки... продолжалъ Юрій и вынулъ изъ кармана и развернулъ драгоценный серебряный поясъ, заигравшій камнями-самоцвѣтами. — Этотъ поясъ достался мнѣ отъ покойнаго отца, завѣтныя вещи нѣтъ у меня. Прими же его на память о... о чемъ подумаешь!.. въ голосъ Юрія что то дрогнуло; онъ съ низкимъ поклономъ протянулъ свой даръ княжнѣ.

— Зачѣмъ же, не надо!.. смутясь сказала она, отстраняя его руку.

— Пожалуй, возьми... настаивалъ Юрій. — У меня радостнѣй на сердцѣ будетъ!.. тише добавилъ онъ, видя сомнѣніе, написавшееся на лицѣ Софьи.

Она взяла поясъ.

— Коли такъ, спасибо... — А тебѣ вотъ что отъ меня на память.. Софья быстро сунула руку за пазуху и достала тяжелый натѣльный золотой крестъ на такой же цѣпочкѣ. — Это мой крестильный... Носи на счастье. И я радоваться этому буду!..

Юрій бережно принялъ его, поцѣловалъ и надѣлъ на себя.

— А теперь дѣтству конецъ... не поминай лихомъ!.. начиная овладѣвать собой, произнесла княжна.

— Безъ вины виновата передъ тобой, прости!

Она поклонилась Юрію.

— Нѣтъ никакой твоей вины!! воскликнулъ тотъ: — прости ты меня!..

Софья молча широко перекрестила его.

— Поцѣлуемся... просто сказала она, и Юрій почувствовалъ губы ея на своихъ губахъ. Въ немъ все разомъ взбудоражилось, перевернулось, свѣтъ померкъ въ глазахъ его; онъ хотѣлъ схватить Софью, удержать ее, что-то сказать, но судорога стиснула горло...

— Христось съ тобой!.. были послѣднія слова, которыя Юрій услышалъ. Онъ закрылъ ладонями лицо и когда черезъ минуту опомнился — княжны уже не было.

Ее видѣли идущею по капличному корридору съ пылавшимъ суровымъ лицомъ и съ красными, напухшими вѣками надъ совершенно сухими глазами; своды четко считали шаги ея.

А передъ Мадонной, припавъ головой къ ея коленямъ, жгучими слезами плакалъ Юрій; на плечахъ его рубиновою и сапфировою полосами переливался свѣтъ отъ лампадъ.

ПѢСНЯ О СОКОЛѢ.

Въ честь прибывшаго посольства и по случаю отъѣзда Софьи великій магистръ приказалъ устроить торжественный пиръ.

Съ ранняго утра въ залахъ задышали огнемъ чудовищныя пасти каминовъ; нѣтъ-нѣтъ и изъ нихъ бухали какъ бы пушечные выстрѣлы, снопами вылетали искры; повсюду мелькали нарядные слуги, готовили столы, окаймляли ихъ цѣпью изъ золотыхъ и серебряныхъ кубковъ, чарокъ, чашъ и стоячихъ роговъ, окованныхъ драгоценными металлами; кругомъ выселись гордые рѣзныя кресла съ перламутровой инкрустаціей и съ позолотой; въ залы вкатывались и разставлялись на полукруглыхъ стойкахъ бочки съ виномъ, а главное съ пивомъ.

Въ полдень, отдаваясь во всѣхъ закоулкахъ, рѣзко зазвучали трубы и, будто пѣна морского прибоя, заполнили залы бѣлые орденскіе рыцари. Среди нея всѣми цвѣтами пламенѣли бархатныя, парчевыя и шелковыя платья гостей изъ Европы и московитовъ; литовцы выдѣлялись узорчатой росшивкой изъ серебряной и золотой тесьмы и шнуровъ.

Великій магистръ сѣлъ за серединой стола; противъ него помѣстился Витовтъ и Анна съ Софьей; рядомъ съ ней отведено было мѣсто московскому послу.

Подъ громъ музыки, на длинныхъ золоченыхъ носилкахъ слуги внесли туши оленей, разрубленные на куски, и стали раскладывать ихъ гостямъ на желтосинія фигурныя фаянсовыя тарелки, производившіяся въ Италіи; другіе стояли у бочекъ и наливали подававшіеся имъ кубки и кувшины; третьи разносили напитки, но больше всего требовали знаменитое черное пиво съ пѣной, словно дымъ валившей изъ гигантскихъ кружекъ.

Застучали ножи и тарелки, зачокались кубки и чаши; на широкихъ дубовыхъ, окованныхъ серебромъ доскахъ появились горы всякой дичины, сладостей и мисы съ супами.

Великій магистръ выбралъ минуту сравнительнаго затишья и поднялся съ кубкомъ въ рукѣ.

— Пью за здоровье гостя и храбраго противника нашего въ бояхъ, князя Витовта, за моего личнаго друга и за вѣрную спутницу его жизни княгиню Анну!! возгласилъ онъ. — Дай, Боже, намъ отнынѣ еще много сломать мечей и копій, но уже не другъ противъ друга, а противъ общаго врага! Пью и другую здравицу — за великаго князя Московскаго, Василія Дмитріевича, и за его нареченную невѣсту, княжну Софью... Да сгинуть враги!!

Въ воздухѣ сверкнули кубки и чаши; горной грозой грохнули по заламъ и отгрянули отъ сводовъ привѣтственные кличи.

Пиръ дѣлался все шумнѣй и веселѣе; нѣсколько шутовъ въ колпакахъ съ бубенчиками и въ двуцвѣтныхъ курткахъ, въ туфляхъ съ непомерно длинными носками, острили, ѣздили другъ на другѣ верхомъ, кувыркались и всячески дурачились передъ гостями вплоть до потасовокъ.

У столовъ уже почти никто не сидѣлъ — кресла перемѣшались и между ними, изгибаясь ужами, съ трудомъ пробирались слуги съ кувшинами винъ и пива.

Къ великому магистру, бесѣдовавшему съ московскимъ посломъ и Витовтомъ, подошелъ старшій слуга и что-то доложилъ ему. Магистръ кивнулъ головой и черезъ нѣсколько минутъ въ дверяхъ главной залы появились два литвина — пѣвца въ ихъ обычныхъ скромныхъ сѣрыхъ кафтанахъ и съ канкисами въ рукахъ.

— Литваки?! изумился краснолицый и рыжій нѣмецкій рыцарь: — какъ эти вороны сюда залетѣли?

— Это брутаники!.. отозвался его сосѣдъ, усердно тянувшій пиво. — Съ Гродненскимъ княземъ много всякой рвани понабралось!

Витовтъ тоже замѣтилъ направлявшихся прямо къ нему людей; въ нихъ почудилось ему что-то знакомое; онъ вглядѣлся пристальнѣй и нахмурился —

въ брутаникахъ онъ узналъ являвшихся къ нему жрецовъ.

— Спойте что-нибудь литовское... обратился къ нимъ магистръ. — Эй, подкрѣпите имъ голоса пи-вомъ!

Приказаніе было исполнено слугами въ одно мгновеніе, но невысокій пѣвецъ отстранилъ рукой по-данную ему кружку.

— Спасибо за ласку!.. съ поклономъ отвѣтилъ онъ: — но хмѣль плохой товарищъ пѣнію; мы будемъ пить послѣ него!

Онъ что-то сказалъ спутнику и пальцы обоихъ пробѣжали по струнамъ канклисовъ: будто птички-невидимки влетѣли въ залъ и забились о своды стеклянными крылышками.

Пировавшіе притихли; мощно зазвучалъ бари-тонъ маленькаго пѣвца, совершенно неожиданный для небольшого тѣла; ему заворила густая октава. При первыхъ же словахъ Софья чуть дрогнула и на ще-кахъ ея медленно сталъ сгущаться румянецъ: пѣсня намекала на ея замужество.

— Желтенькій цвѣточекъ,
Рута золотая,
Гдѣ въ саду цвѣтешь ты —
Тамъ вся жизнь иная!
Тамъ съ тобою вмѣстѣ
Счастье расцвѣтаетъ,
Соловьи на сердцѣ
Сладко распѣвають.
Но нерѣдко, рута,
Ты и грусть приносишь —
Молодыхъ красавицъ
Изъ дому уносишь.
Улетаютъ птички,
Садики пустѣютъ;
Надъ цвѣточкомъ желтымъ
Зимней стужей вѣетъ...

Не одну, а нѣсколько пѣсенъ спѣли еще пѣвцы и присутствовавшіе въ залѣ литовцы; кто задумавшись, кто съ жаднымъ вниманіемъ слушали ихъ; Витовтъ сидѣлъ хмурый: онъ чуялъ какую-то затѣю со стороны жрецовъ, но не могъ уловить ее; вдобавокъ, онъ отлично зналъ нѣмецкій языкъ, и долетавшіе до него отрывки безцеремонныхъ разговоровъ подвыпившихъ рыцарей свидѣтельствовали, что союзники его очень шатки и что дружба съ нѣмцами держится только на личныхъ добрыхъ отношеніяхъ между нимъ и магистромъ Цольнеромъ.. Но магистръ былъ ненадеженъ въ смыслѣ здоровья и Витовтъ нѣсколько разъ незамѣтно всматривался въ лицо своего друга: оно было мертвенное, съ заострившимся носомъ и глубоко ввалившимися глазами.

Витовтъ, не разъ выдавшій на своемъ вѣку умирающихъ, зналъ, что смерть человѣку прежде всего возвѣщаютъ уши—они восковѣютъ—и съ холодомъ въ душѣ замѣтилъ печать близости смерти на своемъ другѣ. Но вопреки всему Цольнеръ въ силу желѣзной воли и привычки держался бодро, шутилъ и былъ внимателенъ и привѣтливъ со своими гостями и гостями. И только изрѣдка изъ глазъ его тусклымъ отсвѣтомъ смотрѣла глубокая усталость.

Княгиня Анна, не подозрѣвавшая, что брутаники—переодѣтые жрецы, въ знакъ своего удовольствія послала имъ двѣ большихъ чаши съ пивомъ; пѣвцы приняли ихъ изъ рукъ слугъ, низко поклонились, погрузили усы въ пѣну и, не отрываясь, опорожнили сосуды до дна.

Это вызвало одобрителный гулъ всего зала.

— Здорово лакаютъ, собаки!.. лучше чѣмъ воютъ свои пѣсни!.. громогласно заявилъ рыжій гигантъ.

— Еще одну пѣсенку?.. обратилась Анна къ Цольнеру; тотъ подалъ знакъ и невысокій пѣвецъ опять положилъ руки на канклисъ и сдѣлалъ шагъ впередъ; маленькіе упорные глаза его загорѣлись и устремились на князя. Опять, но уже по иному, торжественно и

угрожающе зарокотали струны, властно и смѣло взлетѣла пѣсня о соколѣ.

— Жилъ на свѣтѣ соколъ!.. началъ баритонъ, поддерживаемый низкой октавой.

— Въ соколиной стаѣ былъ онъ всѣхъ храбрѣе, былъ онъ всѣхъ умнѣе, слава разносилась про него далеко! Какъ отецъ и дѣды бился онъ съ врагами, честью онъ покрылся на поляхъ сраженій. Но пришла година бѣдствій неминучихъ — коршуны съ заката налетѣли тучей, кровію сыновней землю напоили, дымомъ отъ пожаровъ все позадушили!

Гдѣ-жъ нашъ соколъ дѣлся? спрашиваютъ люди. Что пѣвцу отвѣтить, чѣмъ бѣднягъ утѣшить? Улетѣлъ ихъ соколъ за лѣса чужіе, бросилъ беззащитныхъ на мученія злыя!

Мускулы передернулись на лицѣ Витовта: онъ весь потемнѣлъ; литовцы поняли укоръ и безпокойно переглядывались.

— Схоронился соколъ въ каменную башню!.. еще суровѣе продолжалъ жрецъ: — въ ней ему спокойно, въ ней ему уютно! Пробуди жъ, Перкуне, совѣсть въ сердцѣ спящемъ! Пусть оно услышитъ голосъ матерей скорбящихъ; пусть не забывается, что тотъ только счастливъ, кто родную землю грудью защищаетъ!

Пѣвцы кончили; Витовтъ сидѣлъ сумрачій, накупившійся: слова пѣсни будто капли расплавленного свинца падали ему въ душу; онъ перевелъ глаза въ сторону жрецовъ, но ихъ уже не было — они затерялись между слугами и исчезли.

Звонко хватили трубы, задудѣли кларнеты, ударилъ барабанъ и весь залъ грянулъ хоромъ веселую баварскую пѣсню; кубки зачокались усердиѣе, пиръ становился все шумнѣй и разгульнѣе, остроты круче и солонѣе. Витовтъ наклонился въ сторону магистра — тотъ сидѣлъ откинувшись на спинку кресла и какъ будто дремалъ, но все видѣлъ и слышалъ, только въ какомъ то отдаленіи.

— А не пора ли намъ на покой?.. вполголоса сказалъ Витовтъ.

— Пора, пора!.. отозвался Цольнеръ. — Только уйдемъ не сразу, чтобы не нарушить веселья!

Витовтъ вмѣстѣ съ княгиней и Софьей поднялись съ кресель; за ними выбралась и ихъ свита; московское посольство осталось продолжать бражничать и состязалось въ выпивкѣ съ рыцарями.

Немного погодя, опираясь на руку Валленрода, удалился и великій магистръ. Въ корридорѣ, ведущемъ изъ залы въ его палаты, прислонясь спиной къ подоконнику, стоялъ Витовтъ. Свѣтъ мѣсяца озарялъ его затылокъ и плечи, на полу и на противоположной стѣнѣ отражались окна.

Завидѣвъ Цольнера, князь пошелъ ему на встрѣчу.

— Забылъ тебя попросить въ залъ... обратился онъ къ магистру: — пожалуйста вели прекратить походъ своихъ рыцарей на Жмудь.

Магистръ остановился весь облитый лучами мѣсяца.

— Почему?.. удивился онъ: — Вѣдь тамъ твои враги!

— Не всѣ... возразилъ Витовтъ. — Я разберусь съ ними самъ!

— Ты твердо увѣренъ, что это удастся тебѣ?

— Да.

— Твое дѣло, мой другъ... какъ хочешь!.. подумавъ, сказалъ магистръ и обратился къ своему спутнику: — Конрадъ, завтра же пошли приказъ нашимъ передвинуться въ Ливонію — тамъ неспокойны латыши!

— Слушаю!.. отвѣтилъ Валленродъ.

Магистръ и князь крѣпко пожали другъ другу руки и разошлись по своимъ помѣщеніямъ.

Спальню магистра освѣщали двѣ восковыя свѣчи, горѣвшія длинными коптящими язычками въ высокихъ серебряныхъ подсвѣчникахъ; у отворенной двери ожидало двое слугъ.

— Вотъ фантазеръ!.. заявилъ Валленродъ: — зачѣмъ понадобилось ему защищать своихъ враговъ?

— Это понадобилось Ордену... поправиль Цоль-
неръ.

— Для чего? какимъ образомъ?

— А зачѣмъ мы, крестоносцы, существуемъ?

— Чтобы сражаться съ язычниками.

На исхудаломъ лицѣ магистра появилась легкая усмѣшка; во впалыхъ глазахъ не надолго забрезжилъ холодный огонекъ.

— Что же мы станемъ дѣлать, когда уничтожимъ этихъ язычниковъ?

— Я объ этомъ не подумалъ!.. нѣсколько смутясь отвѣтилъ Валленродъ. — Да, мы будемъ ненужны!..

— Вотъ именно... Смерть язычества на Литвѣ — это смерть нашего Ордена — запомни слова мои!.. — Крестовыхъ походовъ на Святую Землю уже нѣтъ и быть не можетъ и теперь главные враги наши не литовцы, а поляки. Хорошій хозяинъ стрижетъ своихъ овецъ, но цѣлыми стадами ихъ не истребляетъ!.. Ну, усталъ я, однако, очень... Доброго сна, мой другъ!

Позднею ночью долго не могшаго заснуть Витовта разбудилъ какой то сдержанный говоръ и шумъ въ обычно безмолвномъ корридорѣ. Въ дверь осторожно постучали.

— Войдите!.. откликнулся князь, и будто прозрачно-алый фонарикъ засвѣтилась надъ порогомъ среди темноты рука, прикрывавшая зажженную свѣчку; озарилось лицо вошедшаго.

— Княже?.. взволнованно произнесъ голосъ Юрія:
— великій магистръ скончался!

Глава XXVIII.

Еще чуть брезжило утро, а ужъ во дворъ замка линіей вытянулся поѣздъ москвичей. Между возками, санями и лошадьми суетились люди, укладывая и увязывая короба и тюки со всякой всячиной, необходимой для дальней дороги. На второмъ дворъ мелькали кольчуги и острые шлемы спѣшенныхъ литовцевъ и московитовъ, державшихъ въ поводу осѣдланыхъ коней. На главной башнѣ медленно пошевелился большой черный флагъ, возвѣщавшій, что смерть посѣтила замокъ. Люди, копошившіеся внизу, старались говорить вполголоса и рѣзко и злобно одергивали лошадей, начинавшихъ съ визгомъ драться между собою.

Внутри замокъ окутывали сумерки. Около каплицы и въ ней тѣснились рыцари и тѣ гости, которыхъ оказалось возможнымъ разбудить послѣ попойки; лица у большинства были заспанные, вспухшія и вмѣстѣ съ тѣмъ недоумѣвающія: владѣльцы ихъ явно не въ состояніи были взять въ толкъ, какъ могъ челоувѣкъ, только что шутившій съ ними, вдругъ очутиться среди каплицы недвижнымъ на затянутыхъ чернымъ сукномъ и поставленныхъ другъ на друга трехъ длинныхъ столахъ, замѣнявшихъ катафалкъ. Ноги усопшаго до пояса закрывало орденское знамя, на груди лежалъ большой золотой магистерскій крестъ.

Витовтъ стоялъ у стѣны и, полный думъ, всматривался въ лицо своего друга; факелами пылали вокругъ него четыре толстыя восковыя свѣчи; князю почудилось, что на губахъ мертвеца появилась мефистофельская усмѣшка.

Витовтъ перекрестился нѣсколько разъ и удалился въ покои княгини Анны, гдѣ происходило прощанье съ Софьей.

Изъ главнаго подъѣзда стали выходить и разсуживаться по возкамъ бояре и разные чины московскаго и литовскаго посольствъ.

Первыми показалиcя высокій, дородный князь Иванъ Ольгердовичъ Ольшанскій, принявшій на себя замѣстительство Витовта во всѣхъ свадебныхъ обрядахъ; рядомъ съ нимъ, чтобы не умалить чести Москвы, находился Московскій посолъ. За ними, окруженный родными и важнѣйшими рыцарями Ордена, вышла привѣтливо улыбающаяся и кланявшаяся всѣмъ Софья.

Махмутъ, которому была поручена оборона подъѣзда и сопровожденіе его до самаго московскаго рубежа, хотѣлъ, по обычному просто, посадить ее въ присланный изъ Москвы возокъ, но посолъ отстранилъ татарина и самъ съ низкимъ поклономъ помогъ княжнѣ; вслѣдъ за нею, кряхтя и охая, влѣзла со всякими кулечками, мѣшечками и подушками Маремьяна Никитична: она, карликъ, Аукась и еще нѣсколько человекъ уѣзжали въ Москву навсегда.

Старуха обливалась слезами и, не стѣсняясь, кляла на чемъ свѣтъ стоитъ по-литовски и по-русски московскаго великаго князя за похищеніе выхожденной ею голубки и увозъ ея на край земли, въ самые таръ-тарары. Доставалось попутно и Витовту, попутившему совершиться такому дѣлу.

Всадники-литовцы, окружившіе Софьинъ возокъ и знавшіе нравъ Маремьяны Никитичны, тихонько посмѣивались.

Наконецъ всѣ размѣстились, улеглись на мѣхахъ и перинахъ, все было увязано и укрыто, и сказочный змѣй-Горынычъ, подъ прощальные клики и маханье руками остававшихся, двинулся къ воротамъ; сплошное море людей, сбѣжавшихся поглядѣть на зрѣлище, стало разступаться. Витовтъ, княгиня и Валленродъ съ нѣсколькими рыцарями долго, будто раскрытый вѣеръ, стояли на ступеняхъ подъѣзда и слѣдили глазами за удалявшимися; Анна все время крестила Софью, выглядывавшую изъ полупритворенной дверцы возка; двѣ мокрыхъ полосы отъ слезъ блестѣли на щекахъ княгини.

Къ поѣзду пословъ со второго двора примкнулъ обозъ изъ розвальней съ разными грузами; впереди него двигался простенькій черный возокъ, обыкновенно назначавшійся для старшихъ слугъ.

Впереди и позади поѣзда, бряцая оружіемъ, ѣхала многочисленная конная охрана.

Витовту и княгинѣ подали шубы; княжеская чета взошла на главную башню и оттуда долго, пока всадники не стали казаться бисеромъ, провожала ихъ глазами.

Занесенный снѣгомъ лѣсъ окружилъ поѣздъ; въ возкахъ похрапывали—кое-кто успѣлъ разомлѣть и уснуть; тяжело вздыхала на пуховой горѣ Маремьяна Никитична. Не спала и сосѣдка ея Софья; она молча лежала на боку съ закрытыми глазами.

Часа за два до полудня впереди показался небольшой поселокъ съ полукаменнымъ постояннымъ дворомъ — такія убѣжища были разбросаны по главнѣйшимъ путямъ орденцевъ въ предѣлахъ Пруссіи и служили пріютомъ не только для отдѣльных проѣзжихъ, но и для цѣлыхъ отрядовъ.

Завидѣвъ его, Юрій, ѣхавшій во главѣ поѣзда, поскакалъ впередъ съ десяткомъ всадниковъ, чтобы осмотрѣть и приготовить помѣщеніе.

Въ обширной, сумрачной комнатѣ, за столомъ, развалясь, сидѣло четверо какихъ-то людей въ дорожныхъ жупанахъ, съ прицѣпленными къ поясамъ саблями. Одинъ былъ особенно отмѣтенъ — длиннѣйшіе темные усы его были заложены за уши; лобъ и верхнюю часть носа разсѣкалъ красный шрамъ.

Увидавъ Юрія и вошедшихъ за нимъ литовцевъ, неизвѣстные переглянулись, встали и направились на дворъ; оттуда въ распахнутую дверь вливался свѣтъ, доносился говоръ, скрипъ полозьевъ и перекличка коней; длинные навѣсы, крытые камышемъ и окружавшіе домъ, какъ крѣпостныя стѣны, наполнились слѣзавшими съ сѣделъ воинами; возки заняли весь дворъ.

Софья, князь Ольшанскій, знатные литовцы, московскіе послы и нѣсколько орденскихъ рыцарей, провожавшихъ гостей до границы по распоряженію Валленрода, обѣдали всѣ вмѣстѣ въ особой комнатѣ на-

Нижнее помѣщеніе набилось людьми до край-
нѣйшаго предѣловъ и загудѣло и зашумѣло на всѣ лады.
Юрій отдалъ требовавшіяся распоряженія и при-
сѣлъ закусить на концѣ стола; черезъ нѣсколько ми-
нутъ около него появился Махмутъ. Юрій вопросы-
тельно поднялъ на него глаза; татаринъ подмигнулъ
и направился къ выходу. Юрій послѣдовалъ за нимъ
и увидалъ усача и его трехъ товарищей уже сидя-
щими на рослыхъ лошадяхъ и медленно пробираю-
щимися между возками. Около самага большого и
разукрашеннаго они остановились.

— Хорошъ!.. громко одобрилъ усачъ. — Да это
цѣлый домъ на полозьяхъ!

— Въ немъ хоть танцуй!.. поддержалъ другой.

Говорили по-литовски, но ухо Юрія уловило
польское произношеніе.

— А будь панъ ласковъ, скажи, что это за кра-
савица - панночка такъ пышно ѣдетъ?.. освѣдомился
усачъ у одного изъ слугъ, что-то дѣлавшаго съ
оглоблей.

Тотъ оглянулся.

— Дочка великаго князя Витовта это!.. съ гор-
достью отвѣтилъ онъ.

— Такъ онъ же не великій князь!

— Для насъ великій, да и для тебя скоро имъ
сдѣлается!

— Для меня?.. надменно переспросилъ всадникъ,
снявъ усы съ ушей и чуть не на аршинъ растянулъ
ихъ за кончики въ стороны.

Литвинъ сдѣлалъ то же со своими, мало чѣмъ
уступавшими соперничьимъ.

— Да, для тебя!.. А то и для всей Польши!

Полякъ и литвинъ вызывающе уставились другъ
на друга.

— Не бывать тому!.. врешь, лайдакъ!! восклик-
нулъ первый и ударилъ ладонью по рукояткѣ сабли;
противникъ его ухватился за лежавшую на снѣгу
оглоблю и словно перышко занесъ ее надъ головою.
Еще пара - другая словъ и перелетѣтъ бы усачу отъ

удара въ бокъ съ сѣдла черезъ сосѣдній возокъ, да рука Юрія легла литвину на локоть.

— Проѣзжай, панъ, съ Богомъ!.. сказала Юрій.— Ссориться не изъ за чего, а будешь задираться — на себя пеняй!

Стоявшій позади всадника татаринъ вдругъ смаху вытянулъ ногой его коня. Животное прижало уши и бросилось впередъ какъ бѣшеное; усачъ хлястнулся затылкомъ о крупъ собственной лошади, задралъ вверхъ ноги и, уцѣпившись за малиновый чепракъ, съ вытаращенными глазами вынесся со двора на дорогу. Его проводилъ смѣхъ видѣвшихъ это приключеніе обозниковъ.

Трое его товарищей, не отвѣчая на шутки и остро-ты, съ сосредоточенными лицами, быстро выбрались на дорогу. Мѣховая шапка усача свалилась и ее кто то кинулъ имъ вслѣдъ.

Полякъ поднялъ ее, отпустилъ необыкновенно сложное и витіеватое ругательство и поскакалъ прочь со своими товарищами.

— Зачѣмъ ты хлестнулъ его коня?.. спросилъ Юрій.

— А не знай!.. такъ надо было.. въ оба глаза гляди: Соня хотятъ красть!

Юрій измѣнился въ лицѣ.

— Откуда ты это взялъ?! воскликнулъ онъ.

Махмутъ съ усмѣшкой указалъ на собственную голову.

— Стара стала, много видала! Айда за мной, балакать хорошо надо!

Сквозь бѣлый лѣсъ пылалъ закатъ, когда поѣздъ прибылъ въ другое селеніе, гдѣ и размѣстился на ночь.

Юрій и татаринъ посвятили въ свои предположенія только Аукаса да карлика — заранѣе, а можетъ и совсѣмъ зря, тревожить людей было незачѣмъ.

На утренней зорькѣ вереница возковъ, саней и всадниковъ потянулась къ неподалеку расположенному густому лѣсу. Мѣста подошли опасныя — часахъ въ пяти пути отъ селенія лѣса начинали чередоваться съ озерами и засада могла притаиться въ любомъ оврагѣ.

Впереди ѣхалъ съ панцырниками Юрій; посерединѣ находился Махмутъ и татары; поѣздъ замыкалъ Аукась съ легкой сотней; возки и груженныя розвальни по приказу Юрія сблизились почти вплотную.

Дорога вилась зигзагами; у одного изъ поворотовъ, когда передняя половина поѣзда скрылась за неизмѣримыми глазомъ елями, Махмудъ остановилъ обозъ и татаръ; часть вторыхъ онъ послалъ замыкать поѣздъ съ боярами, а самъ съ возами и остальными всадниками свернулъ въ сторону на тропу, указанную проводникомъ. Продвигаться по безконечнымъ снѣговымъ валамъ было трудно; къ счастью тропа скоро оборвалась, и сани сбѣжали съ открытаго бугра на обширную гладкую поверхность озера; снѣгъ весь былъ сдутъ съ него вѣтрами и ледъ казался зелено-ватоголубымъ какъ небо; легкій морозецъ защипалъ за щеки.

Сани и всадники быстро понеслись къ виднѣвшемуся впереди острову. Махмутъ зорко вглядывался впередъ и вдругъ приковался къ точкамъ на небѣ, кружившимся нѣсколько въ сторонѣ, справа надъ лѣсной далью. Татаринъ полуповернулся къ Аукасу и указалъ на нихъ ногой; Аукась обогналъ обозъ и подскочилъ къ Махмуту.

— Тамъ что то заварилось!.. проговорилъ онъ, поравнявшись съ татаринѣмъ.

— Нѣтъ еще!.. высоко вороны... возразилъ тотъ. — А кровь будетъ — зачуяла птица! Ты свои люди бери, проводникъ бери и такъ гуляй. — Онъ указалъ ногой на направленіе:--Въ бокъ полякамъ ударишь!..

— А ты гдѣ будешь?.. спросилъ Аукась.

Глазки татарина обѣжали мѣстность.

— Крѣпость изъ возовъ въ ельникъ у островка сдѣлаю, отъ тебя вѣстей ждать буду... Айда теперь, пора!..

Аукасъ повернулъ свой отрядъ вправо и ходко началъ удаляться отъ обоза.

Воронье снизилось и исчезло — значить сабельная работа уже началась. Но сколько ни напрягалъ слухъ татаринъ — лѣсъ безмолвствовалъ: мѣсто боя было далеко.

— Сонюшка?... да гдѣ же это она задѣвалась?! недоумѣвая, спросила Маремьяна Никитишна, приподымаясь на локтѣ и ощупывая рукой постель княжны.

— Въ другой возокъ она пересѣла, мамушка!.. отвѣтилъ карликъ, прикрывая подушкой три колчана съ оперенными стрѣлами и лукъ, выглянувшіе у стѣнки.

— Въ какой это еще другой?.. голосъ няньки зазвучалъ сердито.

— Спи, спи... иль тебѣ сонъ худой пригрезился?.. съ дядюшкой своимъ — съ княземъ побесѣдовать она захотѣла; скоро вернется!

Маремьяна Никитишна пожевала пухлыми губами и хотѣла что то сказать, но вмѣсто того закрыла глаза-черносливины, всхрапнула и опять исчезла въ подушкахъ.

Карликъ высвободилъ оружіе и приникъ щекой къ обитой соболями стѣнкѣ; скрипѣли полозья, совсѣмъ близко сѣкла подковами лошадь; каркали вороны. Карликъ осторожно пріоткрылъ дверцу.

Тянулся лѣсъ; возки какъ корабли на волнахъ чередой ныряли въ глубокихъ ухабахъ; дорога спустилась въ широкій оврагъ, впадавшій въ заливъ озера; совсѣмъ низко надъ нимъ кружились черныя птицы. Панцырники Юрія уже стекли на дно оврага, какъ вдругъ позади нихъ лѣсъ ожилъ и раздались крики: изъ частой еловой поросли вразсыпную вынеслась вражья засада и главная часть ея устремилась къ возку Софьи. На выручку бросились татары; туда же во весь опоръ пустились Юрій и панцырники. Залязгали сабли, начали валиться люди. Кар-

ликъ захопнулъ дверцу, вышибъ кулакомъ слюдяное оконце и принялся пускать въ него стрѣлы; вокругъ возка закипѣла сѣча; поляковъ было въ томъ мѣстѣ больше и они одолѣвали.

— Да чего ты вопишь то!.. произнесла, опять пробудившись, Маремьяна Никитишна: ей почудилось спросонокъ, что виной всего шума карликъ Она сѣла и стала протирать глаза.

— Что это... никакъ напали на насъ?.. спросила она, придя въ себя. — Сонюшка гдѣ?

Карликъ не слыхалъ ея словъ: онъ билъ стрѣлами изъ своей крѣпостцы безъ устали, почти въ упоръ, и враги опрокидывались съ сѣделъ около возка одинъ за другимъ.

Нянька, съ грознымъ лицомъ, рѣшительно распахнула дверцу со своей стороны и ступила на снѣгъ; въ то же мгновенье на нее налетѣла и чуть не сшибла съ ногъ рыжая лошадь, всадникъ кубаремъ свалился съ сѣдла и бросился на Маремьяну Никитишну. Усатое лицо его было изуродовано багровымъ шрамомъ.

— Гдѣ княжна?! крикнулъ онъ, отпихивая няньку.

Дебелая мамушка развернулась и съ плеча закатила ему оглушительную оплеуху.

— Вотъ тебѣ княжна!.. проговорила она, наступая на опѣшившаго поляка и отвѣщая ему вторую пощечину. — Ахъ ты, рожа пакостная!!

Опомнившійся усачъ поднялъ саблю, и не миновать бы Маремьянѣ Никитишнѣ разсчета съ жизнью, если-бы карликъ во-время не замѣтилъ, что дверца позади него распахнута и кипѣнь боя перебросилась уже по ту сторону линіи возковъ. Стрѣла Мухи вѣзалась въ горло усача; онъ ухвагился за нее, выпустилъ изъ другой руки саблю и повалился навзничь.

Грузная Маремьяна Никитишна, увязая въ снѣгу и то тыча кулакомъ въ налѣзавшія и храпѣвшія конскія морды, то распихивая ихъ плечомъ, заспѣшила

къ возку князя Ольшанскаго — тамъ шла яростная рубка и поляки одолѣвали.

— Сюда, сюда!! въ истошный голосъ закричала она, махая руками и видя, что у княжескаго возка уже стараются открыть дверь. — Милые мои, золотые, выручайте!!

Въ отвѣтъ на ея вопль лѣсъ снова заревѣлъ разъяренными голосами, и изъ опушки стай борзыхъ выскочила сотня Аукаса. Въ одну минуту все смѣшалось въ общей свалкѣ. Ржали кони, кричали и падали съ сѣделъ люди, мелькали сабли. Маремьяну Никитишну сбили съ ногъ и она свалилась на лежавшаго на спинѣ убитаго; Юрій бросился къ ней на помощь; будто арбузъ крякнула голова попытавшагося преградить ему путь поляка, вылетѣлъ изъ сѣдла другой, но пробиться дальше онъ не успѣлъ: потокъ вражескихъ коней окружилъ его и понесъ въ обратную сторону съ поля боя. Юрій очутился среди поляковъ одинъ; по нему замолотили сабли; онъ отбивался; шапка съ него слетѣла, на головѣ заалѣли кровавые проборы; онъ поникъ на сѣдлѣ всѣмъ тѣломъ, опустилъ руки и началъ крениться на бокъ.

— Держись, Юрій, держись!! закричалъ Аукасъ, пробиваясь къ нему, но было уже поздно: еще пара ударовъ всѣклась въ его темя и онъ исчезъ подъ ногами коней въ какихъ нибудь пяти саженьяхъ отъ подоспѣвшей подмоги.

Паника охватила поляковъ; нападенія врага съ тыла они не ожидали и брызнули спасаться вразсыпную; за ними помчались всѣ, кто могъ сидѣть на конѣ; заработали копья и только очень малая часть бѣжавшихъ успѣла спастись на добрыхъ скакунахъ.

Дорогу усыяли трупы, раскинувшіеся въ разныхъ положеніяхъ; около возковъ княжны и ея дяди они лежали цѣлыми буграми. Раненыхъ было мало — сабельный ударъ либо смертеленъ, либо даетъ легкія пораненія.

Бой, какъ налетъ вихря, длился всего нѣсколькоминуть и когда изъ возковъ повысунулись и повы-

...разбуженные и встревоженные сановитые съезники, дѣло было уже кончено и только во всѣ стороны, этого горохъ по огромному блюду, катились бойцы.

Маремьяна Никитишна, вся вывалянная въ снѣгу, распылавшаяся, простоволосая, съ оторваннымъ рукавомъ шубы, добралась до князя Ольшанскаго и кучки людей, стоявшихъ съ нимъ вмѣстѣ среди дороги, и взглянула въ возокъ.

— Гдѣ же Сонюшка?! закричала она, убѣдившись, что тамъ никого нѣтъ; лицо ея стало дѣлаться синимъ.

— Да что ты, мамушка?.. отозвался князь. — Вѣдь она съ тобой ѣхала! Ко мнѣ она и не показывалась!..

Маремьяна Никитишна ударила руками по бокамъ.

— Украли!.. пропала!.. едва выговорила она. Весь поѣздъ всполошился.

Карликъ, осматривавшій убитыхъ, замѣтилъ суматоху и подошелъ къ мамушкѣ; она какъ окаменѣлая сидѣла на подножкѣ возка.

— Княжну что ли ищите?.. сочнымъ баскомъ воскликнулъ онъ: — бросьте — она жива и здорова и даже не знаетъ, что мы здѣсь подрались!

Маремьяна Никитишна ожила.

— Да врешь ты?.. Да гдѣ же она?!

— А ее Махмутъ тайкомъ въ обозный возокъ посадилъ; сказалъ, что московскій сломался, чинить его надобно и потомъ другой дорогой увелъ: засады боялся.

— Дай Богъ ему здоровья!.. заблестѣвъ радостью, отвѣтила мамушка. — А отъ меня то зачѣмъ скрыли?

На лицѣ карлика заиграла усмѣшка.

— Хотѣли тебѣ сказать, да гдѣ-жъ тебя «добудиться было?.. вторые сутки спишь!

— Это я то сплю?.. осердясь, спросила она. — Ахъ ты, крысенышъ эдакій безхвостый! — Да у меня сна и въ одномъ глазу за всю дорогу не было!.. Чѣмъ чужіе сны считать, нарви-ка лучше скорѣй наволочки съ подушекъ на полоски: раненыхъ перевязывать пойдемъ!

Съ одобренія князя Ольшанскаго происшествіе отъ княжны рѣшено было скрыть, чтобы не безпокоить ее.

Тѣмъ временемъ стали возвращаться разгоряченные преслѣдователи; всѣ вытирали окровавленные сабли о гривы коней и шумно и возбужденно дѣлились впечатлѣніями; съ лошадиныхъ мордъ бѣлыми хлопьями падала пѣна.

Началась разборка убитыхъ; трупы поляковъ оставили лежать какъ и гдѣ попало; для своихъ было опорожнено трое саней и на одни положили тѣло Юрія; сверху ихъ закрыли рядомъ и увязали веревками; раненые остались на сѣдлахъ и только двое изъ нихъ были вынуждены примоститься въ саняхъ. Маремьяна Никитишна молча смотрѣла на укладку мертвецовъ и по щекамъ ея скатывались крупныя слезы.

Несмѣтная туча воронья съ грохотомъ опустилась на деревья и сплошь осыпала ихъ черными гроздьями; съ вѣтвей повалились цѣлыя сугробы снѣга: жадныя птицы безмолвно ждали начала пиршества.

На три части разбился боярскій поѣздъ: главнѣйшая треть его двинулась своимъ путемъ на востокъ, впереди нея поѣхалъ Аукасъ; на сѣверъ, къ спрятавшемуся обозу, поскакала легкая конница; на западъ, обратно, направилось трое саней, сопровождаемыхъ десяткомъ копейщиковъ для обороны отъ нападенія волковъ. И только что стали раздвигаться и удаляться другъ отъ друга три раздѣлившіяся части — на очистившееся мѣсто боя и дорогу, заглушая говоръ людей шумомъ крыльевъ, стали рушиться внизъ тысячи воронъ; трупы, казалось, покрылись черными саванами и зашевелились подъ ними; раздалось хрипло-злое карканье, началась драка.

Долго еще оглядывались всадники: чудилось, будто изъ дремучаго лѣса за ними ползетъ, выгибается кольцомъ и хочетъ нагнать ихъ гадъ неизмѣримой величины.

Непредвидѣнно - долгая остановка удивила княжну и она пріоткрыла дверцу; на деревянномъ отводѣ сидѣлъ Махмутъ и концомъ ногойки выписывалъ на снѣгу узоры.

— Зачѣмъ мы стоимъ?.. спросила она.

— Заплутались маленько!.. равнодушно отвѣтилъ татаринъ, продолжая свое занятіе. — Дорога искать послалъ!

Соня вышла изъ возка, прикрыла глаза ладонью отъ яркаго свѣта и стала осматриваться.

— А гдѣ же остальной поѣздъ дѣвался?.. нѣсколько удивилась она.

— Другой дорога гулялъ!.. Найдемъ, не бѣлка!..

Княжна походила по снѣгу, размяла ноги; ей и въ голову не впадало усомниться въ словахъ Махмута. Только что она собралась опять забраться въ свой походный домикъ — позади нея раздалось восклицаніе: „наши ѣдутъ!“ Въ устьѣ далекаго оврага намѣтились всадники и разукрашенный московскій возокъ. Минуло съ полчаса, и Маремьяна Никитишна уже держала въ мощныхъ объятіяхъ свою питомицу и нѣсколько разъ крѣпко отчмокала ее.

— Да ты что это — и впрямь рѣшила, что мы пропали?.. съ улыбкой произнесла Софья. — Да вѣдь съ нами Махмутъ былъ! Что это съ тобой?.. вдругъ озаботилась она, указывая на огромный синякъ, почти закрывшій нянѣкъ правый глазъ, и на полуоторванный рукавъ шубы.

— Подрались мы спросонокъ съ тетенькой!.. воскликнулъ вмѣсто нея Муха. — Было задавила меня на ухабѣ, такъ я ей локоткомъ синячекъ и подставлялъ!

— погоди, озорной, я еще до тебя доберусь!! Съ одного раза пришибу!.. будто сердито пригрозила Маремьяна Никитишна. — Ну, садись, Сонюшка, садись, время ѣхать, а то своихъ не догонимъ!

Княжна уже поставила ногу на отводъ и задержалась, глядя на береговую гору, окаймлявшую заозерье. По гребню ея, четко рисуясь на голубомъ

небѣ, двигались три черточки — возы съ какимъ то грузомъ; позади ѣхало нѣсколько всадниковъ... Кто такіе они были, княжна по дальности разстоянія разобратъ не могла.

Зато все хорошо разсмотрѣлъ и понялъ татаринъ, сразу зачуявшій духъ горячаго боя, исходившій отъ вернувшихся людей.

— Купцы ѣдутъ!.. сказалъ онъ, мигнувъ глазками; — товаръ везутъ...

Княжна вошла въ возокъ и Махмутъ далъ знакъ къ отправленію. И ничто не подсказало Сонѣ, что въ двухъ верстахъ разстоянія мимо нея проѣхалъ въ послѣдній разъ Юрій, недвижно устремивъ въ бездонное небо мертвые глаза.

Только одинъ разъ за все время долгаго, трехнедѣльнаго пути, уже на самомъ рубежѣ московской земли, княжна ослабѣла духомъ и при прощаньи со своими провожатыми негромко спросила: „гдѣ же Юрій?“

— Назадъ его гонялъ... сказалъ, державшійся насторожѣ, татаринъ: — папа - князь велѣлъ черезъ пять день домой гонять!

На потупленныхъ глазахъ Софьи звѣздами заблестѣли слезы. Она крѣпко обняла еще разъ своего вѣрнаго Махмута и вошла въ возокъ. Тамъ рѣкой разливалась и причитала Маремьяна Никитишна; всегда веселый Муха сидѣлъ въ углу пасмурный, обхвативъ руками ноги ниже колѣнъ и поставивъ на нихъ голову.

День былъ теплый, тусклый, на дворѣ начиналась вьюга; вѣковыя ели, сплошь составлявшія лѣсъ, то сурово и дико смотрѣли на пришельцевъ, то цѣликомъ исчезали въ снѣговой неразберихѣ; княжна прислушивалась къ вою и визгу вѣтра и ей казалось, что она одна-одинешенька закинута въ безысходный заколдованный лѣсъ.

Глава XXIX.

Въ богато убранной комнатѣ Вавельскаго замка въ Краковѣ, у окна, занавѣшеннаго отъ потолка до полу желтою тканью, склонясь надъ шахматами, за мраморнымъ маленькимъ столикомъ сидѣлъ въ красномъ одѣяніи Ягайло и съ глубокомысленнымъ видомъ обдумывалъ ходъ серебрянаго тура.

Противъ короля игралъ совсѣмъ молодой еще каноникъ, одинъ изъ любимцевъ его, славившійся въ Краковѣ какъ искуснѣйшій игрокъ.

Только что туръ былъ водворенъ на выбранное мѣсто, въ комнату вошелъ коронный канцлеръ, прямой какъ юноша, сѣдоусый старикъ съ подбритымъ лбомъ и съ холодными голубыми глазами. Въ рукѣ онъ держалъ бумагу.

— Ваше величество!.. обратился онъ къ королю: — есть спѣшное донесеніе отъ коменданта Вильны, Яско Олесницкаго!

— Спѣшно только то, о чемъ я думаю!.. сквозь зубы процѣдилъ Ягайло, даже не взглянувъ на докладчика. — А я думаю, куда передвинуть офицера... Ну-съ, такъ о чемъ же пишетъ панъ Ясекъ?

— Вильно не сегодня - завтра будетъ въ осадѣ; на нее двинутъ огромное войско крестоносцевъ; въ гарнизонѣ шатость: надежны только поляки; Литва и Жмудь чуть не сплошь встали за Витовта, русскія княжества и татары тоже. Словомъ, ваше величество, положеніе таково, что надо торопиться, чтобы выйти изъ него съ честью!

— Что-жъ, поторопимся!.. сказала Ягайло, переставляя пѣшку. — Шахъ королю!

— Вотъ именно, ваше величество! съ тонкой ироніей отвѣтилъ канцлеръ.

Коринки - глаза Ягайлы поднялись и забѣгали по бритому лицу докладывавшего.

— Надѣюсь, Вильна достаточно далека отсюда, чтобы я успѣлъ доиграть партію?..

— Я сдаюсь, ваше величество!.. поспѣшно вмѣшался каноникъ, замѣтивъ взглядъ, брошенный на него канцлеромъ: — еще два хода и я получаю матъ!

— Вѣрный и неизбежный!.. самодовольно произнесъ Ягайло. — Блестящая партія!! Ну-съ, теперь мы къ вашимъ услугамъ, панъ канцлеръ. Значить, будемъ бороться?..

— Ваше величество, да вѣдь передъ нами потопъ!..

— Что же вы посовѣтуете намъ сдѣлать? Построить новый ковчегъ?..

— Это былъ бы дурной совѣтъ съ моей стороны, ваше величество!.. Я предложилъ бы то-же, что говорилъ и раньше — признать Витовта великимъ княземъ Литвы.

— Витовта?.. Я предпочитаю его повѣсить!

— Это, конечно, мѣра самая дѣйствительная!.. согласился канцлеръ: — но если повѣсить человѣка нельзя, то лучше обласкать его!

— Что панъ канцлеръ хочетъ этимъ сказать?

— То, что высшее искусство въ политикѣ — это во-время отдать кое-что добровольно, чтобы послѣ не потерять все цѣликомъ. Къ сожалѣнію, времени упущено много и въ самой Польшѣ растетъ неудовольствіе противъ васъ.

Ягайло нахмурился: умный канцлеръ попалъ ему въ самое чувствительное мѣсто.

— Хорошее „кое-что“—великокняжеская корона! буркнулъ король.

— Ваше величество, князья и великіе князья — это передъ вами флюгера на башнѣ: флюгера мѣняются—княжества остаются въ вашихъ рукахъ.

— Хорошо сказано!.. подумавъ, отвѣтилъ Ягайло. — Но какъ же намъ поступить съ вѣрнымъ братомъ нашимъ, Скиргайлой?

— Передвиньте его великимъ княземъ въ Кіевъ, а на его мѣсто посадите Витовта: оба будутъ въ вос-торгѣ отъ такой вашей милости; но необходимо, чтобы вы даровали ее, а не они сами себя повысили!.. Какое раздолье для охоты откроется вашему величе-ству: вѣдь наши и ихъ земли — это полміра!

Лицо короля просвѣтлѣло.
— Вѣрно!! Днѣпръ одинъ чего стоитъ! Красота!.. воскликнулъ онъ. — Надо начать переговоры съ этимъ сатаной Витовтомъ!

— Они уже начаты Яско Олесницкимъ... Ваше величество на-дняхъ навели меня на эту мысль и я написалъ ему; удочка уже закинута.

Король самодовольно улыбнулся.
— Панъ канцлеръ, я начинаю замѣчать у васъ серьезный государственный умъ! А теперь довольно о политикѣ — я увѣренъ, что вы, какъ всегда, сдѣ-лаете изъ нашей бесѣды всѣ необходимые выводы и примете мѣры для благополучія насъ и страны. А сейчасъ пойдете посмотримъ замѣчательныхъ мед-вѣжьихъ псовъ — мнѣ прислалъ ихъ въ подарокъ изъ Вѣны самъ его величество римскій императоръ! Охота прежде всего!

Ягайло всталъ, взялъ подъ руку, улыбавагося одними глазами, канцлера и пошелъ съ нимъ по залу, съ увлеченіемъ описывая силу и таланты новыхъ собакъ.

Э П И Л О Г Ъ.

Августъ 1392 года принесъ важное событіе: умѣвшій быть храбрымъ въ отвѣтственныя минуты, Ягаѣло прибылъ съ женой изъ Кракова въ Вильно, гдѣ при участіи Ядвиги и Анны и состоялось примиреніе его съ Витовтомъ. Ягаѣло подписалъ актъ о признаніи своего вчерашняго врага великимъ княземъ Литвы на правахъ самостоятельнаго, союзнаго государя.

Кавасъ — богъ войны — слѣзъ съ боевого вороного коня и свернулъ свое знамя, увѣнчанное чернымъ пѣтухомъ: междоусобицы были покончены; ихъ смѣнили празднества и веселье.

Въ честь Ягаѣлы Витовтомъ была устроена грандіозная охота и такое всенародное пиршество, что спустя болѣе полувѣка о немъ съ изумленіемъ и восторгомъ вспоминали люди. На перекресткахъ и площадяхъ, на особыхъ подмосткахъ, были разставлены на согнутыхъ колѣняхъ зажаренные цѣликомъ бородатые зубры, олени и лоси съ закинутыми на спины рогами; были выкачены бочки съ медомъ и алюсомъ; всюду звенѣли канкисы, пѣли и плясали люди.

По окончаніи шумныхъ торжествъ и разъѣзда высокихъ гостей Вильна сразу стала казаться вымершей. Витовтъ въ первую очередь занялся возстановленіемъ всего разрушеннаго во дни усобицъ и, въ одинъ изъ особенно любимыхъ имъ ясныхъ сентябрьскихъ дней, вздумалъ прогуляться пѣшкомъ вмѣстѣ съ Анной и направился внизъ по откосу горы; ихъ сопровождалъ переваливавшійся, какъ медвѣдь, неизмѣнный Махмутъ.

Тропка вилась черезъ рѣдкій лѣсокъ позади стѣны нижняго замка прямо къ городу; дышалось свѣжо, клены и плакучіе ясени стояли всѣ въ пурпурѣ и въ

золотѣ; землю покрывала желтая пелена изъ опавшихъ листьевъ; Вилейка синими пятнами проглядывала сквозь деревья.

Впереди чернѣло пожарище; Витовтъ свернулъ влѣво отъ него и замѣтилъ, что Анна отстала и озирается съ недоумѣвающимъ видомъ.

— Что ты ищешь?.. спросилъ князь, остановившись.

— Не ищу, а нашла!.. отозвалась она: — поди-ка сюда, ко мнѣ!

Витовтъ поднялся на холмъ, на которомъ находилась Анна.

— Помнишь мой сонъ въ Маріенбургѣ?.. я видѣла небольшую горку и ты будто бы складывалъ на ней стѣну изъ кирпичей?.. Вотъ это мѣсто!.. она указала рукой на землю подъ собой: — и замокъ отсюда виденъ... все точь-въ-точь, какъ во снѣ!.. голосъ ея звучалъ взволнованно.

Витовтъ обнялъ жену.

— Твой сонъ вѣщій!.. произнесъ онъ: — пусть же этотъ холмъ послужитъ подножіемъ для памятника въ твою честь! Это будетъ мое спасибо за всю твою неизмѣнную любовь и поддержку, которая я всегда имѣлъ отъ тебя!

Зарумянившаяся Анна молча прижалась къ мужу.

Витовтъ сдержалъ свое слово: близъ Замковой горы выросло сперва деревянное, а впоследствии одно изъ прекраснѣйшихъ въ мірѣ готическихъ зданій — костель святой Анны. Онъ не великъ, воздушенъ и до того строго-хорошъ, что Наполеонъ въ 1812 году долго любовался имъ и сказалъ, что если бы было возможно, онъ поставилъ бы его себѣ на ладонь и увезъ во Францію.

Зазвучали по ночамъ кличи перелетныхъ птицъ; съ ними вмѣстѣ принеслась въ Вильно вѣсть о княгинѣ Бейрутъ: она отыскалась въ Полангѣ, на берегу

Балтійскаго моря, тамъ, гдѣ юною дѣвушкой хранила, въ числѣ другихъ жрицъ, священный огонь въ храмѣ богини Прауримы и откуда ее похитилъ Кейстуть.

Другую вѣсть принесъ черноглазый пѣвецъ-вайделоть, неразлучный со своимъ длиннымъ товарищемъ: что великая княгиня не пожелала вернуться ни въ Вильно, ни въ Троки и рѣшила навсегда остаться при храмѣ и посвятить остатокъ жизни на служеніе богамъ.

Ранней весной Витовтъ съ Анной прибыли въ Полангу.

Тянулъ легкій вѣтерокъ, чуть шумѣли великаны-сосны. Князь и княгиня оставили свиту въ селеніи и сопровождаемые только Махмутомъ отправились по знакомой, но полузабытой тропкѣ къ храму. Она сильно заросла кустами; замѣтно поднялся по обѣ стороны ея и безъ того могучій боръ.

Среди красныхъ колоннъ сосенъ на небольшой горѣ засѣрѣли невысокія каменные стѣны; къ нимъ вели ступени лѣстницы.

Анна остановилась.

— Мнѣ страшно!.. вполголоса произнесла она.
— Мѣсто ли христіанину въ языческомъ капищѣ?

Витовтъ засмѣялся.

— Доброму челоуѣку вездѣ мѣсто!.. отвѣтилъ онъ.

Открылся входъ; кругомъ не виднѣлось ни души; между покосившимися ступенями выбивалась трава, все носило на себѣ печать запустѣнія.

Только что князь и княгиня поднялись до половины лѣстницы, изъ за угла капища показалась высокая стройная, вся снѣжно-бѣлая жрица съ зеленымъ дубовымъ вѣнкомъ на головѣ; сквозь него серебрились сѣдые волосы.

— Матушка?.. горячо воскликнулъ Витовтъ, бросааясь впередъ; онъ упалъ на колѣни и обнялъ ея ноги.

Строгое, прекрасное и въ самой старости, лицо Бейруты освѣтилось счастливой улыбкой.

— Слава богамъ!.. сказала она, обнимая сына и невестку. — Вижу васъ живыми и невредимыми и теперь могу умереть спокойно!

— Зачѣмъ говорить о смерти?.. возразилъ Витовтъ. — Тучи разогнаны, мы нашли другъ друга — надо жить и радоваться!

Бейрута слегка покачала головою.
— Пройдемте на мою скамью... вмѣсто отвѣта предложила она и первая направилась по узенькой тропкѣ, залегшей подъ самою стѣною.

Охватило прохладой; блестками заиграло сѣро-голубоватое безпредѣлье; влѣво и вправо тянулось желтое, песчаное излучье; необозримые лѣса вплотную подступали къ нему; море что то рассказывало чуть слышнымъ шопотомъ.

— Ахъ, какъ хорошо!.. вырвалось у Анны.

Бейрута опустилась на скамейку и указала мѣсто рядомъ съ собой невесткѣ. Витовтъ сѣлъ на валунъ и сталъ рассказывать, что произошло за годы разлуки. Старая княгиня слушала внимательно; о себѣ она сообщила коротко и скупю: ее хотѣли утопить, но за нее вступилась часть жрецовъ и она содержалась въ качествѣ заложницы и даже пользовалась большою свободой.

— Слава Богу, что все это уже въ прошломъ!.. вымолвилъ Витовтъ. — Теперь мы снова заживемъ вмѣстѣ!

— Нѣтъ!.. негромко, отчетливо отозвалась Бейрута; глаза ея были устремлены въ даль моря.

— Почему?.. воскликнула Анна.

— Въ Литву пришли новые чужіе люди и боги, а я хочу остаться съ нашими старыми богами... Сохрани для меня этотъ храмъ; пусть его не коснется рука новыхъ жрецовъ; больше я ничего не желаю!.. Здѣсь тишина и покой, здѣсь я вижу чудесные сны, слышу неземное... Не уговаривайте меня — рѣшеніе мое неизмѣнно!.. добавила она, замѣтивъ движеніе

протеста, сдѣланное Витовтомъ. — Жизнь моя уже кончена... вся она только приснилась мнѣ; душа уже ищетъ путей на гору боговъ!.. А вы живите и радуйтесь, потому что придетъ часъ, когда не услышите пѣнія соловья!

Глаза Бейруты почернѣли, на лицѣ заиграли красныя пятна, затѣмъ оно побѣлѣло.

Она встала и опустила руку на плечо сына.

— Вижу сіянье надъ твоей головой!.. пророчески-вдохновенно заговорила она опять: — тѣнь твоя протянулась черезъ всю великую Литву отъ нашего моря до могучаго южнаго; вижу яркіе цвѣты на пути твоёмъ, ими усыпана вся земля наша... Долгая свѣтлая жизнь ожидаетъ тебя. Будешь королемъ, но самая корона поздно придетъ къ тебѣ. Будь же благословенъ! Да хранить васъ обоихъ вашъ новый распятый богъ!..

Удлинились тѣни деревьевъ, когда на другой день на лѣсной дорогѣ, вившейся среди небольшихъ озеръ, показались скакавшіе изъ Поланги всадники; впереди на бѣлыхъ коняхъ сидѣли Витовтъ и Анна; нѣсколько поодаль за ними слѣдовала свита и скрючившійся на сѣдлѣ Махмутъ.

Лица княжеской четы были возбуждены и счастливы; Витовтъ молча переживалъ и передумывалъ пророчество Бейруты; Анна, словно освобожденная отъ груза вѣчнаго безпокойства за мужа, посматривала на него и слушала соловьевъ. Тысячи ихъ заливались и рокотали въ густыхъ кустахъ, обступавшихъ дорогу; опьяняюще пахло цвѣтами и медомъ, на голубыхъ зеркалахъ озеръ побѣдно трубили фанфары лебедей и гусей...

К о н е ц ъ .

1930 — 1931 г.г.

Рига.

Въ продажѣ имѣются слѣдующія книги

С. Р. МИНЦЛОВА:

За мертвыми душами. Очерки.
Сны земли. Романъ-хроника.
Закатъ. Романъ.
Святые озера. Недавнее прошлое.
Чернокнижникъ. Разказы.
Свистопупъ. Юмористическіе разказы.
Секретное порученіе. Путешествіе въ Урянхай. Съ рис.
Подъ шумъ дубовъ. Историческій романъ.
Гусарскій монастырь. Историч. романъ (2-ое изд.).
Въ грозу. Историческій романъ.
Приключенія студентовъ. Историч. романъ.
То, чего мы не знаемъ. Разказы.
Далекіе дни. Воспоминанія.
Дебри жизни. Дневникъ.
„Царь Берендей“. Романъ.
Лѣсная былъ. Историческій романъ (распроданъ).
Трапезондская эпопея. Дневникъ.
Прошлое. Изъ воспоминаній.
Синодикъ книгохранилищъ. На складѣ 50 экзempl.
Кладъ. Повѣсть.
Огненный путь. Романъ.
Мерцаніе дали. Романъ.
Петербургъ 1903 — 1910 г. г.
Мистическіе вечера. Разказы.
Бѣглецы. Романъ.
Въ таможенномъ мірѣ.
Историческія драмы.
Сергѣй Рудольфовичъ Минцловъ. Критико-біографическій очеркъ П. Пильскаго.
Обзоръ воспоминаній и дневниковъ о Россіи.
Волки. Историческій романъ (распроданъ).

Съ заказами надлежитъ обращаться къ книжнымъ складамъ А./О. Вальтерсъ и Рапа, Рига, и М. Дидковскаго, Рига, Крѣпостная ул. № 43/45 и во всѣ лучшіе книжные магазины.

Цѣна 2 лата
Загран. 80 ам. ^{зол.} центовъ

Складъ изданія:
А/О. „ВАЛЬТЕРСЪ и РАПА“
площ. Оперы, соб. домъ
Рига